

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

МОСКВА
№ 6 (232)
2021

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

МОСКВА
№ 6/2021

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED THIRTY SECOND

Moscow
№ 6/2021

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

232 том Научных трудов Вольного экономического общества России — совместное издание Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 232 of the Scientific works of the Free Economic Society of Russia is a joint publication of the VEO of Russia and the International Union of Economists.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33

ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2021

© The Free economic society of Russia, 2021

ISBN 978-5-94160-221-6

ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

**БОДРУНОВ Сергей
Дмитриевич**

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

**АГАНБЕГЯН Абел
Гезевич**

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ГЕОРГИЕВ Румен
Младенов**

Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

- ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич** Вице-президент ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич** Директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)
- ГОРШКОВ Михаил Константинович** Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия)
- ГРИНБЕРГ Руслан Семенович** Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ГРОМЫКО Алексей Анатольевич** Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (г. Москва, Россия)
- ГЭЛБРЕЙТ Джеймс** Член Международного комитета ВЭО России, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ Владимир Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Первый вице-президент Союза машиностроителей России, д.т.н. (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КАЛАШНИКОВ Сергей Вячеславович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Президиума Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КРЮКОВ Валерий Анатольевич

Директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор Всероссийского экономического журнала «ЭКО», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

**КУЗЫК Борис
Николаевич**

Научный руководитель Института экономических стратегий Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ЛЕМЕЩЕНКО Петр
Сергеевич**

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

**МАЕВСКИЙ Влади-
мир Иванович**

Заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**МАКАРОВ Валерий
Леонидович**

Научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН, профессор математической экономики, доктор физико-математических наук (г. Москва, Россия)

**МУРЫЧЕВ
Александр
Васильевич**

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д.э.н. (г. Москва, Россия)

НОЛАН Питер

Член Международного комитета ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

**ПЕТРИКОВ
Александр
Васильевич**

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ПОРФИРЬЕВ Борис
Николаевич**

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**РЯБУХИН Сергей
Николаевич**

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

**САМЕДЗАДЕ Зияд
Алиаббас оглы**

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

**СИЛИН Яков
Петрович**

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

**ШИРОВ Александр
Александрович**

Член Правления ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ЭСКИНДАРОВ
Михаил
Абдурахманович**

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ЯКУТИН Юрий
Васильевич**

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия Научных трудов Вольного экономического общества России

- АЛЕКСЕЕВ Аркадий Васильевич** Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)
- АНТИПИНА Ольга Николаевна** Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь Ученого совета экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)
- БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич** Член Правления ВЭО России, директор Института развития образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к.э.н. (г. Москва, Россия)
- БОБИНА Анна Вячеславовна** Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)
- БОДРУНОВА Светлана Сергеевна** Член Правления ВЭО России, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, д.полит.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

БУЗГАЛИН
Александр
Владимирович

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогических университетов, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН
Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ Михаил
Илларионович

Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономики Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман
Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ
Андрей Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**ДЗАРАСОВ Руслан
Солтанович**

Член Президиума ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. профессор (г. Москва, Россия)

**ЗОЛОТАРЕВ
Александр
Анатольевич**

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

**КОЛГАНОВ Андрей
Иванович**

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**МАНЮШИС
Альгирдас Юозович**

Член Правления ВЭО России, ректор Московского международного университета, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

**МИРКИН Яков
Моисеевич**

Член Правления ВЭО России, заведующий отделом международных рынков капитала ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ
Владимир
Александрович

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА
Маргарита
Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА Галина
Максимовна

Ректор ФГБУ ВО «Сочинский государственный университет», д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ Анна
Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА Ольга
Алексеевна

Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА
Валентина
Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель руководителя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

**ТКАЧЕНКО Елена
Анатольевна**

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

**УСЕНКО Людмила
Николаевна**

Член Президиума ВЭО России, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Sergey
D. BODRUNOV**

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

**Abel
G. AGANBEGYAN**

Head of the Department of Economic Theory and Policy of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Rumen
M. GUEORGUIEV**

Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

**Sergey Yu.
GLAZIEV**

Vice President of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, member of the Board (Minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail Yu.
GOLOVNIN**

Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Mikhail
K. GORSHKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. GRINBERG**

Vice President of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Aleksey
A. GROMYKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences. (Moscow, Russia)

**James
K. GALBRAITH**

Member of the VEO of Russia International Committee, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

**Vladimir
V. GUTENEV**

Chairman of the State Duma Committee on Industry and Trade, First Vice-President of the Union of Mechanical Engineers of Russia, Doctor of Technical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
A. DYNKIN**

Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
V. KALASHNIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Chairman of the Presidium of the International Union of Public Associations «Russian Association for International Cooperation», Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
A. KRYUKOV**

Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the All-Russian Economic Journal "ECO", Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

Boris N. KUZYK

Scientific Director of the Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
V. KULESHOV**

Scientific Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

**Petr
S. LEMESHCHENKO**

Vice-President of the International Union of Economists, Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of Theoretical and Institutional Economics of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

**Vladimir
I. MAEVSKY**

Head of the Center for Institutional Evolutionary Economics and Applied Problems of Reproduction of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
L. MAKAROV**

Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Director of the Graduate School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of Mathematical Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
V. MURYCHEV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Executive Vice President of the All-Russian Public Organization "Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs", Chairman of the Council of the Association of Regional Banks of Russia (Association "Russia"), Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Peter NOLAN

Member of the International Committee of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Director of the Development Center of the University of Cambridge, Professor (United Kingdom)

**Alexander
V. PETRIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics", Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Boris
N. PORFIRIEV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
N. RYABUKHIN**

Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute "Innovative Financial Instruments and Technologies" of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Ziyad
A. SAMEDZADE**

Vice President of the International Union of Economists, President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic) Vice President of the International Union of Economists, President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

Yakov P. SILIN

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

**Alexander
A. SHIROV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Michael
A. ESKINDAROV**

Vice-President of the VEO of Russia, President, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the «Ekonomicheskaya Gazeta» Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Board of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Arkady
V. ALEXEYEV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Olga N. ANTIPINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for the Development of Education of the Academy of Social Management of the Moscow Region, Associate Professor of the Department of Management of the Academy of Social Management, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Management Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical Science (Moscow, Russia)

**Svetlana
S. BODRUNOVA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Doctor of Political Science (St. Petersburg, Russia)

**Alexander
V. BUZGALIN**

Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Visiting Professor of Cambridge, Beijing and Hainan Pedagogical Universities, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Aleksey
O. VERENIKIN**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail
I. VOEYKOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

- Roman S. GOLOV** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries of the Moscow Aviation Institute, Member of the Expert Council on Higher Education under the State Duma Committee on Education and Science, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- Andrey E. GORODETSKY** Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction "Institutes of Modern Economy and Innovative Development" of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- Ruslan S. DZARASOV** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Leading Researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- Alexander A. ZOLOTAREV** Vice President of the VEO of Russia, President of the St. Petersburg regional public organization the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Executive Director of the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics Science (St. Petersburg, Russia)
- Andrey I. KOLGANOV** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow, Russia)

- Algirdas
J. MANIUSHIS** Member of the Board of the VEO of Russia, Rector of Moscow International University, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- Yakov M. MIRKIN** Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of International Capital Markets of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- Vladimir
A. PLOTNIKOV** Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)
- Margarita
A. RATNIKOVA** Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)
- Galina
M. ROMANOVA** Rector of the Sochi State University, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)
- Anna
V. SADOVNICHAYA** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- Olga A. SAVINA** Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

**Valentina
V. SMAGINA**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

**Elena
A. TKACHENKO**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

**Lyudmila
N. USENKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics Sci., Professor (Rostov-on-Don, Russia)

Содержание

- 31 АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**
30 лет новой России: проблемы, достижения, перспективы
- 34 А.Г. Аганбегян**
 Новая Россия: 30 лет без экономического роста
- 82 В.В. Иванов**
 Реформы российской науки: истоки, итоги, перспективы
- 97 Я.М. Миркин**
 30 лет финансового развития в новой России: ключевые дисбалансы
- 117 А.Н. Клепач**
 Научно-технологический комплекс России: проблемы и перспективы развития
- 133 АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 134 П.А. Попова, Л.Е. Копылова**
 Роль HR-бренда в организации рабочих процессов компаний нефтегазового сектора: теоретические и практические аспекты
- 155 В.Б. Зотов**
 Безработица в Российской Федерации: некорректная статистика (15-летних школьников считают безработными)
- 168 О.А. Гришина, В.А. Слепов, Т.Н. Роденкова, А.Г. Красикова, Д.А. Покаместов**
 Концептуальный базис и методологические подходы к государственному инвестированию в образование
- 194 Я.П. Силин, О.В. Харитоненко**
 Доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной экономики

- 225 **Э.Р. Закирова**
Развитие российского рынка органической продукции
- 240 **С.Р. Царегородцева, Н.А. Панкратьева**
Мультиформатность торговли как стратегическое направление развития сетевого ретейла
- 254 **Е.Н. Заборова**
Предпринимательство в малых городах Урала
- 269 **М.К. Кожевникова, И.Н. Маврина, К.И. Кожевников**
Индустриальные парки как форма государственной поддержки среднего предпринимательства

287 ИНТЕРВЬЮ ЭКСПЕРТОВ В СМИ

- 288 **Социальный поворот. Пандемия заставляет экономику обратиться лицом к человеку**
Интервью С.Д. Бодрунова «Российской газете»
- 296 **Не все предсказания сбываются**
Интервью А.А. Дынкина АЭИ «ПРАЙМ»
- 306 **У экономики нет общего понимания реальности**
Интервью Р.С. Гринберга газете «Коммерсантъ»
- 315 **Семь вопросов Александру Широву, директору Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, о прогнозах и о росте экономики**
Интервью Expert.ru

Contents

- 31** **ABALKIN'S READINGS**
30 years of new Russia: problems, achievements, prospects
- 34** ***A.G. Aganbegyan***
 New Russia: 30 years without economic growth
- 82** ***V.V. Ivanov***
 Reforms of russian science: origins, results, prospects
- 97** ***Y.M. Mirkin***
 30 Years of financial development in new Russia: key imbalances
- 117** ***A.N. Klepach***
 Russian science and technology complex: problems and prospects of development

133 ANALYTICAL ARTICLES

- 134** ***P.A. Popova***
L.E. Kopylova
 The role of the HR-brand in the organization of work processes of companies in the oil and gas sector: theoretical and practical aspects
- 155** ***V.B. Zotov***
 Unemployment in the Russian Federation: incorrect statistics (15-year-old schoolchildren are considered unemployed)
- 168** ***O.A. Grishina***
V.A. Slepov
T.N. Rodenkova
A.G. Krasikova
D.A. Pokamestov
 Conceptual basis and methodological approaches to public investment in education

- 194 **Y.P. Silin**
O.V. Kharitonenko
 Dominant ideas in the research of health resorts' activities
 in the context of regional economics
- 225 **E.R. Zakirova**
 Development of the russian market of organic products
- 240 **S.R. Tsaregorodtseva**
N.A. Pankratieva
 Multi-format retail – what are the formats of modern stores
- 254 **E.N. Zaborova**
 Entrepreneurship in small towns of the Urals
- 269 **M.K. Kozhevnikova**
I.N. Mavrina
K.I. Kozhevnikov
 Industrial parks as a form of state support for medium-size
 businesses

287 INTERVIEWS OF EXPERTS IN THE MEDIA

- 288 **Social turn**
 S.D. Bodrunov, interview with «Rossiyskaya Gazeta»
- 296 **Not all predictions come true**
 A.A. Dynkin, interview with economic news agency "PRIME"
- 306 **Economics does not have a common understanding of reality**
 R.S. Grinberg, interview with newspaper "Kommersant"
- 315 **Seven questions to Alexander Shirov, director of the Institute
 for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, about
 forecasts and economic growth**
 Interview with Expert.ru

Форум «Абалкинские чтения»

30 лет новой России: проблемы, достижения, перспективы

23 декабря 2021 года в совмещенном формате офлайн и онлайн состоялся научный форум «Абалкинские чтения» на тему «30 лет новой России: проблемы, достижения, перспективы».

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов и секция экономики Отделения общественных наук РАН.

Модератор: Борис Порфирьев, член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров форума.

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-34-81

НОВАЯ РОССИЯ: 30 ЛЕТ БЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

NEW RUSSIA: 30 YEARS WITHOUT ECONOMIC GROWTH

АГАНБЕГЯН АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ

Академик Российской академии наук,
д.э.н., профессор

ABEL G. AGANBEGYAN

Academician of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor

АННОТАЦИЯ

В статье сначала рассматривается три периода развития новой России и причины того, что не удалось добиться значимого экономического роста. При этом последние 10 лет Россия пребывает в состоянии стагнации и кризиса. Затем анализируется сформированная в России новая социально-экономическая формация с неразвитым рынком и отсутствием рыночного механизма экономического роста в виде рынка капитала и конкурентной среды. Не восприняла Россия и стратегическое народнохозяйственное планирование, в том числе пяти-

летние планы, которые использовали примерно 50 рыночных стран для ускоренного социально-экономического роста как дополнительного драйвера. Созданная в России новая социально-экономическая система – государственно-олигархическая монополия с неразвитым рынком и отсталой социальной сферой – обречена на «топтанье на месте». В заключительной части автор разбирает мнения экспертов о коренных преобразованиях в нашей системе для перехода к устойчивому социально-экономическому росту: организация финансового форсажа инвестиций в основной и человеческий капитал, воспроизводство «длинных» денег в экономике, поворот банковской и бюджетной системы от фискала к задачам социально-экономического развития страны на основе технологического перевооружения, повышения экономической эффективности, перехода к инновационному развитию при приоритетном повышении благосостояния населения.

ABSTRACT

The author considers the reasons why Russia failed to achieve significant economic growth. The country has been in stagnation and crisis for the last 10 years. He analyzes the socio-economic system created in Russia - a state-oligarchic monopoly with an undeveloped market and a backward social sphere. In the final part, the author presents the opinions of experts on the fundamental changes necessary for the socio-economic system of the country for the transition to sustainable growth. This is the organization of a financial afterburner, an increase in investment in fixed and human capital, the reproduction of “long” money in the economy, the turn of the banking and budgetary system to the tasks of the country’s socio-economic development based on the transition to innovative development with a priority increase in the well-being of the population.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономический рост, инновационное развитие, технологическое перевооружение экономики, современная

транспортно-логистическая инфраструктура, инвестиции в основной и человеческий капитал, «экономика знаний», структурные реформы собственности, финансов, регионального развития и социальной сферы.

KEYWORDS

Socio-economic growth, innovative development, technological re-equipment of the economy, modern transport and logistics infrastructure, investment in fixed and human capital, “knowledge economy”, structural reforms of property, finance, regional development and social sphere.

Рассмотрим в первую очередь непростую историю социально-экономического становления новой России за 30-летний период, характеризовавшийся спадами и подъемами и завершающийся к настоящему времени длительной стагнацией, рецессией и кризисом. Затем попытаемся оценить сформированную за этот период социально-экономическую формацию и ее особенности, не позволившие нам, в отличие от подавляющего числа стран мира, добиться роста экономики и социальной сферы. Попробуем ответить на трудный вопрос: почему наша страна столь длительный период «топчется на месте»? И в заключение конспективно повторим экспертные мнения о том, как нам преодолеть стагнацию и добиться устойчивого социально-экономического роста в перспективе.

1. От трансформационного кризиса к социально-экономическому восстановлению, которое завершилось новым глубоким кризисом и длительной стагнацией, которая переросла в новый структурный кризис от коронавирусной пандемии

Новая Россия возникла на развалинах Советского Союза, является правопреемником Российской Социалистической

Федеративной Республики. Экономика РСФСР составляла 60% от общесоюзного уровня, а население — 50%. При этом Россия занимает 70% территории, принадлежавшей ранее СССР. Объем экономики РСФСР до 80-х гг. прошлого века занимал второе место в мире после США по валовому внутреннему продукту, оцененному по паритету покупательной способности, опережая Японию и Германию. Стремительный подъем Японии, продолжавшийся в 1980-е гг. при сниженных темпах развития СССР, привел к тому, что к 1990 г. Россия переместилась по объему ВВП на 3-е место, уступив 2-е место Японии, но по-прежнему существенно превышая экономику Германии, Великобритании и Франции по международному рейтингу.

И хотя социально-экономическое положение РСФСР с 1960-х и начала 1970-х гг. стало ухудшаться сначала в период брежневского застоя, когда темпы роста экономики снизились примерно втрое, а потом во второй половине последнего периода существования СССР — периода перестройки стало кризисным, все же Россия получила в наследство от СССР достаточно мощную и развитую экономику, но с устаревающим технологическим уровнем, крупными диспропорциями в развитии экономики и намного отстающей от развитых стран социальной сферой и уровнем жизни населения.

Начавшийся в 1989–1991 гг., последних годах существования СССР, глубокий социально-экономический кризис вначале с нарастающим дефицитом, особенно потребительских товаров, потом переросший в долговой внешнеэкономический кризис, когда стала сокращаться экономика и катастрофически падать уровень жизни населения из-за скрытой инфляции, резко усугубился с распадом СССР, ослаблением государства, трудностью перехода

к новой социально-экономической системе и острой необходимостью в кризисных условиях крупной конверсии военного производства в связи с окончанием холодной войны [1]. Положение на глазах ухудшалось из-за неготовности государства, предприятий, организаций и самого населения к грядущим коренным изменениям в экономике и социальной сфере в связи с переходом от социалистического хозяйства с общенародной собственностью к капиталистической рыночной системе, основанной на частной собственности. Начался длительный 10-летний трансформационный кризис, завершившийся в 1998–1999 гг. глубоким структурным финансовым и социально-экономическим кризисом, где нижняя точка экономики была пройдена в 1998 г., а нижняя точка уровня жизни и социальной сферы — в 1999 г.

Как видно, трансформационный кризис в России длился без малого 10 лет. Валовый продукт при этом сократился в 1,8 раза, промышленность — в 2,2 раза, сельское хозяйство — в 1,9 раза, инвестиции в основной капитал упали в 5 раз, около 10 млн человек стали безработными, смертность резко возросла, а рождаемость, напротив, снизилась, возникла депопуляция населения — в худшие годы в размере 950 тыс. человек в год.

Столь длительный и глубокий кризис крупного государства в мирное время ранее в истории человечества не наблюдался. Его можно сравнить только с Великой депрессией в США, но ее кризисная фаза продолжалась с 1929 по 1932 год, хотя по глубине падения экономики и уровня жизни была сопоставима с трансформационным кризисом в России, а по безработице и финансовому краху, пожалуй, даже превосходила здесь новую Россию.

Заметим, что постсоциалистические страны Европы, также пережившие трансформационный кризис, в основном преодолели его за 3–4 года, после которого довольно быстро восстановились и двинулись вверх, увеличив свою экономику за 30 лет в 2–2,5 раза и вплотную приблизившись по уровню социально-экономического развития к развитым странам мира, которые развивались медленнее. Это касается и прибалтийских стран, бывших союзных республик.

Затем, с 1999 г., начался быстрый восстановительный подъем экономики. А с 2000 г. — значительный восстановительный подъем социальной сферы и уровня жизни, продолжавшийся также около 10 лет до третьего квартала 2008 г. включительно. Этот восстановительный подъем в начале был связан с четырехкратной девальвацией валютного курса рубля с 6,2 до 25 руб. за доллар в конце 1998 — начале 1999 г. При этом цены на импортные товары и услуги выросли примерно вчетверо, а внутренние цены поднялись на 84% в 1998 г. и еще на 37% в 1999 г. Объем импорта сократился в 1,5 раза. Он стал недоступен для значительной части предприятий и населения, которая переключилась на приобретение внутренней продукции с более низкими ценами. Импортозамещающие отрасли — черная металлургия, химическая, машиностроительная, лесоперерабатывающая, легкая и пищевая промышленность, чьи мощности были не загружены в период кризиса в 1992–1998 гг., прирастали по 10–20% в год, обеспечив прирост промышленности на 11% в 1999 г. и даже на рекордные 12% (самый высокий показатель в истории новой России) в 2000 г., когда в дополнение к импортозамещению вдвое увеличились цены на нефтегазовую продукцию. Возросло производство

топливно-энергетического комплекса, и намного увеличилась экспортная выручка.

В 2001–2002 гг. темпы социально-экономического развития в 2–3 раза снизились, поскольку продолжившаяся инфляция в России подтянула внутренние цены к импортным [2]. И импорт вновь вытеснил рост внутреннего производства в соответствующих отраслях. Рост промышленности в эти годы упал до 4%.

С 2003 по 2008 г. начался небывалый ежегодный прирост цен на нефтегазовое сырье, главный экспортный продукт России. Они стали возрастать по 10–15% ежегодно, и с 12 долларов в 1998 г. и 25 долларов в 2000 г. увеличились за баррель нефти до 95 долларов в 2008 г. — в 8 раз. В результате объем экспорта России поднялся с 75 млрд долларов в 1998 и 1999 гг. до 472 млрд долларов в 2008-м — в 6 раз. За 2000–2008 гг. суммарная экспортная выручка увеличилась на 2 трлн долларов, из которых 1,5 трлн был «даровой», полученный за счет повышения экспортных цен на топливо, сырье и материалы, составляющие подавляющую часть экспорта России. Больше половины этой экспортной выручки было изъято государством в связи с введенной налоговой пошлиной на нефть, величина которой прогрессивно возрастала вместе с ценой нефти. За счет этой валютной выручки государство прежде всего расплатилось с долгами, которые оставил в наследство стране первый президент РФ Б.Н. Ельцин. Внешнеэкономический долг составлял тогда 158 млрд долларов и превосходил объем ВВП страны. К 2008 г. долг был сокращен до 38 млрд долларов. Затем государство сформировало крупнейший золотовалютный фонд, достигший к августу 2008 г. 597 млрд долларов в сравнении с 10 млрд, которые оставались у государства после кризиса 1998 г.

Значительная часть валютных ресурсов была направлена на увеличение доходов консолидированного госбюджета и внебюджетных государственных фондов (пенсионного, здравоохранения и социального). Из дефицитного госбюджет стал высокопрофицитным, и его доля в ВВП увеличилась с 20% в 1999 г. до 40% в 2009 г. Удвоенный рост госбюджета тянул за собой всю экономику. Дополнительная экспортная выручка и по линии государства, и по линии бизнеса в большой мере шла на увеличение доходов населения. За 2000–2008 гг. реальные располагаемые доходы населения увеличились благодаря этому в 2,3 раза, в то время как ВВП — в 1,9 раза. Соответственно, намного вырос розничный товарооборот, объем платных услуг населению и средства, затраченные населением на улучшение своих жилищных условий. В совокупности эти расходы составили около 30% ВВП. Увеличиваясь в 1,5 раза быстрее, чем росла экономика в целом, они тоже тянули ее вверх.

По расчетам Всемирного банка, социально-экономический рост примерно наполовину в период 10-летнего восстановительного подъема был связан с увеличением экспортной валютной выручки. С другой стороны, повышение экспортных цен стимулировало рост объемов производства, прежде всего топливно-энергетического комплекса.

Значительные валютные средства использовались на инвестиции в основной капитал, и они возросли в период 10-летнего подъема в 2,8 раза, став важным драйвером этого роста.

Экономическая мощь страны в результате увеличилась примерно вдвое. А благодаря накоплению огромных резервов страна получила надежную финансовую базу. В то же время отметим, что происшедший в этот период социально-

экономический подъем России шел в основном экстенсивным путем. Огромные дополнительные финансовые ресурсы не были в должной мере использованы для технологического прорыва страны, и ее отставание от развитых стран не сократилось.

Не были использованы эти ресурсы и для сокращения резко возросшего в период трансформационного кризиса социального неравенства. Так что душевой доход 10% богатого населения стал превышать доход 10% бедного населения в 15–16 раз. В то время как в СССР эта разница составляла 3 раза, в Западной Европе — менее 10 раз, в странах социал-демократической ориентации в Европе и Японии — 5–6 раз. Но реальные доходы намного выросли у всех слоев населения — и у бедных, и у богатых. Особенно важно, что численность бедного населения с доходами ниже прожиточного минимума удалось сократить втрое с 42 млн человек — до 15,5 млн. Вместе с тем самый большой прирост доходов в период подъема был у богатых, в разы возросло количество миллионеров и миллиардеров в России, и по отношению к уровню своего ВВП и среднего душевого дохода Россия вышла на 1-е место среди крупных стран мира. Пятьсот самых богатых семей России концентрируют 40% доходов всего населения — рекордно высокий показатель среди крупных стран мира.

С четвертого квартала 2008 г. в Россию пришел циклический общемировой кризис, который продолжался весь 2009 г. Глубина этого кризиса в экономике России была наивысшей среди 20 крупнейших стран, представленных на мировом саммите. Так, ВВП России в 2009 г. сократился на 7,8%, в то время как в Японии — на 6%, главным образом из-за цунами и атомной катастрофы, в Англии — на 5%, в ЕС — на 4%, а в США — на 3%. Что касается развивающихся стран во главе

с Китаем и Индией, то их ВВП не упал, а годовые темпы снизились с 6 до 2 процентов. Китай прошел кризис, снизив экономический рост с 10–12% до 8%, а Индия — до 6%. На нуле прошли кризис Бразилия, Беларусь и Казахстан.

Больше всех в России снизился внешнеэкономический оборот — на 40%, в то время как в среднем в мире — на 20%. Фондовый рынок России обесценился более чем в 4 раза, в то время как в других странах — в среднем в 2–2,5 раза. Объем поступлений от налогов и сборов для формирования госбюджета в России сократились в 1,7 раза. В других странах — вдвое меньше.

Но Россия легче, чем многие другие страны, прошла этот глубокий кризис, прежде всего потому, что использовала свои возросшие финансовые ресурсы на антикризисные меры, потратив их в объеме 10,9% ВВП, что было одним из самых высоких показателей в мире. Благодаря этому удалось пройти этот кризис без снижения реальных доходов населения, и даже при преувеличении реальной величины пенсий.

Большая помощь правительством и Центральным банком была оказана банковской системе, введены даже беззалоговые кредиты для предотвращения банкротства банков. Это позволило избежать банковского кризиса. Государство оказало помощь крупным предприятиям и организациям, которые накануне кризиса увеличили свой валютный долг за счет дополнительных кредитов и теперь должны были расплачиваться за них при снижении валютного курса рубля. Правительству удалось быстро прекратить панику населения, когда долларový курс рубля стал быстро расти и люди бросились в банки изымать рублевые ставки и покупать на них доллары. В результате было потрачено 211 млрд долларов из суммы золотовалютных резервов.

Антикризисная программа правительства позволила также ограничить безработицу и обеспечить послекризисный подъем. За один 2010 год удалось восстановить докризисный уровень розничного товарооборота и потребления населения. За два года восстановили объем валового внутреннего продукта, промышленности и внешней торговли. Три года потребовалось, чтобы восстановить сильно снизившиеся инвестиции в основной капитал и объем строительно-монтажных работ. В то же время не удалось достигнуть докризисного уровня по фондовой бирже России. Ее оценка поднялась в три раза, но упала в кризис более чем вчетверо.

В 2010–2012 гг. среднегодовые темпы ВВП составили 4% — примерно на уровне мировых показателей и вдвое выше, чем в развитых странах. В развивающихся странах послекризисный подъем привел к повышению темпов роста в среднем по 6% ежегодно. В период указанного послекризисного подъема, казалось бы, сложились благоприятные условия для продолжения социально-экономического роста. Минимальных значений достигла инфляция. В 2012 г. она стала самой низкой в предшествующей истории России — 5,1%. Поддерживалась низкая (5,5%) ключевая ставка Центрального банка. Удалось разогнать инвестиции в основной капитал в среднем по 8% в год за этот трехлетний период. Цена на нефть, которая снизилась в кризис в 2009 г., в 2011 г. восстановилась, а в 2012 г. достигла самого высокого уровня за 30 лет — 112 долларов за баррель. В связи с этим на 50 млрд долларов увеличился объем экспорта, достигший до этого максимума в 2008 г. Он вырос до 523 млрд долларов в 2012. Предприятия и организации России в эти годы заняли на мировом финансовом рынке по низким процентным ставкам 80 млрд долларов в 2010 г., 100 млрд в 2012 г. и 90 млрд в 2013 г., а всего 270 млрд дол-

ларов на свое развитие. При этом долг России, в основном корпоративный, увеличился до 730 млрд долларов.

Заблаговременно по указанию премьер-министра В.В. Путина была подготовлена детальная развернутая программа подъема экономики до 2020 г., которая была составлена с участием ученых и специалистов Российской академии народного хозяйства и госслужбы и Высшей школы экономики вместе с министерствами и ведомствами. Эта программа несколько раз обсуждалась у Президента РФ и в Совете министров, детально рассматривалась она на коллегиях Минэкономразвития, Минфина, Минпрома, Минздрава и других министерств и ведомств.

В 2012 г. вновь был избран Президентом РФ В.В. Путин, который 7 мая 2012 г. издал серию указов о развитии экономики и социальной сферы России до 2020 г. В указе по экономике было дано задание увеличить долю инвестиций в основной капитал в ВВП до 25% к 2015 г. и 27% к 2018 г., в то время как в 2012 г. этот показатель был равен 21%. Это предполагало переход к форсированному росту этих инвестиций по 13% в среднем в год, что, безусловно, обеспечивало намеченный на этот период 5-процентный рост экономики.

Но этим планам не удалось свершиться. С первого квартала 2012 г. квартальные темпы ВВП стали сокращаться. Во многом из-за снижения государственных инвестиций и инвестиций предприятий и организаций, подчиненных государству, особенно крупных концернов типа Газпрома, РЖД, Ростехнологии и др. Это снижение продолжалось до 2015 г. включительно. Госинвестиции упали на 30%. А ведь они вместе с сопряженными инвестициями, контролируруемыми государством, составляли половину всех инве-

стиционных ресурсов страны, направляемых на основной капитал. И хотя частные инвестиции в 2013–2015 гг. увеличились на 10%, они не смогли предотвратить падение общих инвестиций более чем на 11%. Одновременно в этот период сокращался и ввод основных фондов в результате сниженных инвестиций в предшествующий кризисный период.

Переходу к стагнации способствовал и отток капитала из России, который начался с кризиса 2008 г. Снижение инвестиций и отток капитала сократили норму выбытия основных фондов и норму их обновления. Началось прогрессивное устаревание инвестиций в основной капитал. В результате 23% всех машин и оборудования работают свыше сроков амортизации и должны быть заменены раньше. Они больше стоят, чем работают, требуют ремонта и запчастей. На старой технике нельзя достичь роста производительности труда, начать производить новую продукцию, снизить энергопотребление и расход материалов. Одним словом, нельзя заметно поднять экономическую эффективность, за счет которой происходит экономический рост. И этот рост прекратился. С 2013 г. страна погрузилась в застой — в стагнацию. В 2013 г. рост экономики составил только 1,8%, а с начала 2014 г., до присоединения Крыма и санкций, экономика приросла всего на 0,7%.

Присоединение Крыма вызвало санкции со стороны развитых стран мира, особенно серьезно повлияли на наше развитие санкции в конце 2014 г. по ограниченному доступу России на мировой финансовый рынок, по ограничению поставки в Россию товаров двойного назначения (на вооружение и гражданские цели) и запрещение поставлять в Россию нефтегазовое оборудование для добычи сланцевой нефти

и шельфовой добычи. По оценке экспертов, это снижает ежегодно наш валовый продукт на 1–1,5%.

Со второй половины 2014 г. по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК началось снижение цен на нефть, чтобы воспрепятствовать увеличению добычи сланцевой нефти в США. Эти цены со 110–115 долларов снизились до 60–65 долларов уже к началу 2015 г. Но при этих ценах США продолжали добывать сланцевую нефть, улучшив технологию. Потребовались новые усилия стран ОПЕК, и цена на нефть сократилась до 20–30 долларов со второй половины 2015 г. и в начале 2016 г. Это также, по мнению экспертов, сокращает ВВП России на 1–1,5%.

В результате санкций и снижения цен на нефть в 2015 г. стагнация переросла в рецессию, и ВВП снизился на 2%, а промышленность — на 3,4%. Экспорт снизился в 1,8 раза к 2013 г. Из-за снижения цен на нефть произошла девальвация рубля и его валютный курс по отношению к доллару с 30 руб., которые продержались с кризиса 2009 г. по 2014 г., девальвировал до 60–70 руб. В результате значительно повысились цены на импортные товары, а за ними устремились и внутренние цены, и инфляция повысилась втрое с 2012 г., составив 15,5% в 2015 г. При этом темп прироста денежной зарплаты, как ни странно, с 2012 года снижался и минимума в 4,6% достиг в 2015 г. В результате реальная зарплата рухнула на 9,5%. Сократились реальные доходы, упало конечное потребление домашних хозяйств, и это все продолжилось в 2016 г., который практически был нулевым по экономическим показателям, но негативным по инвестициям, доходам и потреблению населения, по динамике розничной торговли, платных услуг, приобретению жилья и др.

Столь низкие цены на нефть в 20–30 долларов привели к дефициту бюджета Саудовской Аравии в 2015 г. на 97 млрд долларов. И на его покрытие ушла четверть всех накопленных за годы нефтедолларов страны. Большие убытки понесли и все другие страны ОПЕК, а также Россия. Было заключено соглашение стран ОПЕК с Россией и Ираном по сокращению добычи нефти и поддержанию цен на нефть на приемлемом уровне. В результате экономика немножко оживилась в 2017-м и особенно в 2018 году. Экспорт увеличился сразу в 1,5 раза благодаря повышению цен на нефть до 70 долларов в 2018 г.

Лучшим годом стагнации был 2018 г., когда была предпринята попытка перейти к социально-экономическому росту [3]. Все вроде складывалось благоприятно. Возросли валютные поступления из-за повышения цен на нефть. Снизились инфляция и ключевая ставка. Поднялись темпы роста инвестиций в основной капитал — до 5,5%. Двинулась вверх промышленность, и небывало, на 56%, увеличилась прибыль всех предприятий и организаций (за вычетом убытка). Если бы эту возросшую прибыль предприятия при содействии государства вложили в дополнительные инвестиции, если бы активнее повел себя Центральный банк, увеличив инвестиционный кредит и вложение средств в экономику, экономический рост можно было бы поднять до 3–4%. Но государственные органы упустили эту возможность, не уделили внимания повышению доходов населения, которые почти не выросли в реальном выражении, а ведь это 60% ВВП. Мало того, государство не только не потратило уже накопившийся Фонд национального благосостояния, а, напротив, его увеличило, к тому же скупая золото, евро и доллары, по-

тратив здесь больше средств, чем нужно было бы вложить в социально-экономический рост.

К тому же не было заделов на 2019 г. Прирост ВВП снизился до 1,3%. А резко возросшие доходы предприятий и организаций 2018 г. не были вложены в экономику, а в основном поступили на счета отечественных и зарубежных банков, в том числе много средств было отправлено в офшоры. Так продолжалось до первого квартала 2020 г.

Со второго квартала 2020 г. начались коронавирусная пандемия и вызванный ею новый глубокий структурный кризис. Он был усугублен нежеланием России договориться со странами ОПЕК по регулированию цен на нефть, и они рухнули в 2015 г. в 1,5 раза, что существенно сократило ВВП и особенно доходы федерального бюджета, ограничив финансовые ресурсы на борьбу с пандемией.

Как видно, за прошедшие 30 лет в экономике и социальной сфере России не удалось заметно продвинуться вперед по технологическим, экономическим и социальным показателям. Последнее десятилетие оказалось провальным.

Из краткого обзора социально-экономического развития России за 30 лет следует, что на каждом этапе развития у России были возможности возобновить социально-экономический рост, но государство и бизнес не использовали эти возможности. Итог этого пути в целом оказался безрадостным. Он начался с кризиса и закончился кризисом. За 30 лет был 10-летний период значительного восстановительного подъема в 1999–2008 гг. и короткий трехлетний период восстановления после кризиса 2009 г.

За 30 лет новой России (вплоть до 2019 г.), если рассмотреть его вплоть до кризисного 2019 г., Росстат оценивает прирост ВВП всего на 15%. Между тем, как отмечалось, на-

половину главный восстановительный подъем был связан с внешнеэкономическими факторами, вызвавшими восьмикратное повышение цен на нефть. Без учета этого фактора, если рассмотреть только внутренние условия и факторы социально-экономического роста, валовый продукт России не только не повысился бы, а снизился примерно на 10%. Промышленность новой России в 2019 г. не дотянула 10% до уровня 1990 г.

Еще хуже обстоит дело с динамикой главного драйвера, от которого зависит социально-экономический рост — инвестиций в основной капитал. За 30 лет они сократились на 40%. И их норма в ВВП снизилась с 40 в лучшие советские годы до 17 процентов к концу рассматриваемого 30-летнего периода. Так же сократилась в ВВП доля второго важнейшего драйвера социально-экономического роста — комплекса отраслей по «экономике знаний» (НИ-ОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), доля которого в СССР колебалась от 20 до 25 процентов ВВП, а в последнее время снизилась до 14%. В итоге удельный вес инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал в ВВП стал минимальным среди значимых стран мира и не обеспечивает в России даже простого воспроизводства. Поэтому стагнация у нас является не просто рукотворной, но и закономерной.

2. Какая социально-экономическая система создана в новой России за 30 лет

При формировании нового российского государства в 1991–1992 гг. была провозглашена задача перехода к частной собственности и рыночной экономике, подкрепленной позднее курсом на укрепление государственного сектора.

Для перехода к рынку была проведена достаточно радикальная либерализация цен. Но проведена она была в основном 2 января 1992 г. на базе общенародной государственной собственности, а не частной собственности. Это явилось важной причиной небывалого обесценения рубля в России при увеличении цен в 29 раз в 1992 г., в 9 раз в 1993 г. и в 4 раза в 1994 г. при высокой в сравнении с другими странами двузначной инфляции на протяжении последующих лет. Такое повышение цен обесценило сбережения населения, которые правительство России не индексировало в 1992 г., когда полностью обесценились все рублевые сбережения и населения, и предприятий. В три раза еще раз обесценились сбережения населения и предприятий в 1998–2002 гг. Отказ от индексирования сбережений, на наш взгляд, является одной из крупнейших ошибок руководства страны. Из-за этого во многом неудачно прошла приватизация, не создав класс эффективных собственников, а у населения был подорван авторитет государства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Между тем перед нашими глазами был опыт великого реформатора всех времен и народов Людвиг Эрхарда, который, руководя финансами Западной Германии при проведении денежной реформы в неизмеримо более худших условиях в стране, проигравшей войну, индексировал сбережения населения и бизнеса. Хотя был вынужден в течение нескольких лет ограничивать использование многократно увеличившихся счетов при использовании денег.

При всех недостатках и неиспользованных возможностях все же президентом России и правительством Е. Гайдара и В. Черномырдина удалось сохранить Россию и провести массовую приватизацию с доведением доли частной соб-

ственности до 65% к 2003 г., когда соответствующая кампания завершилась. В государственной собственности в то время находилось 35% всей собственности. Но государственная власть была очень слаба, не могла осуществлять эффективную социально-экономическую политику, сплотить народ, предотвратить центробежные тенденции со стороны автономных республик и крупных краев и областей России. С приходом нового президента страны В.В. Путина эта задача с укреплением вертикали власти была решена.

В 2003–2005 гг. были заложены основы новой социально-экономической политики, утвержден Налоговый кодекс, бюджетные правила, возросла роль федерального центра, проведена важная пенсионная реформа. Закончено формирование на той стадии новых рыночных институтов — банковской системы, фондовой биржи, регулирования курса рубля, созданы внебюджетные государственные фонды, отрегулирован процесс взаимодействия федерального центра с регионами. Тогда казалось, что основы рыночной экономики заложены и нужно их развивать и эффективно использовать.

На деле оказалось, что наступил конец эпохи реформирования и преобразований. Было провозглашено, что рыночные реформы закончились, Россия перешла к рынку. Но это была полуправда. Ведь рынок заключался не только в либерализации цен, регулирующих спрос и предложения, устраняющий дефицит в экономике. Развитый рынок, кроме либерализации цен, и развития отдельных рынков — рынка товаров и услуг, жилья, рабочей силы, недвижимости, финансовых ресурсов, земли и природных ресурсов, если это будет признано необходимым, включает формирование рынка капитала и конкурентной среды, которые лежат в основе механизма социально-экономического роста.

Рынок капитала, основанный на «длинных» деньгах, в России не был создан. Преобладали «короткие» деньги. Даже банковская система не воспроизводила «длинные» деньги. И поэтому доля инвестиционного кредита у нас была одной из самых низких в мире. Его доля в инвестициях не превышала 10%, в то время как она преобладала в развитых странах. Привлеченные ресурсы в развитых странах были главным в инвестиционном развитии. А в России на две трети предприятия развивались за счет собственных ресурсов. Понятно, что их развитие не могло быть успешным по определению. Они развивались при остром дефиците капитала. Крупные предприятия могли этот капитал приобретать за границей, благодаря своим экспортным поставкам. А подавляющая часть бизнеса была лишена этой возможности. И поэтому малый и средний бизнес в России так и остался второстепенным, занимая не более 20%, а не 50–60% в создании ВВП, как это происходит в рыночных странах, развитых странах, постсоциалистических странах Европы, в Китае и большинстве успешно развивающихся странах третьего мира.

Не создав полноценного рынка капитала, базируясь на «коротких» деньгах, фондовая биржа в России, в отличие от других стран, не является крупным источником привлечения инвестиций. Биржа России в основном содержит «короткие» деньги. Поэтому носит в определенной мере спекулятивный характер и характеризуется сверхволатильностью, падая в период кризисов в 5–10 раз (10 раз падение в кризис 1998–1999 гг. и почти в 5 раз в кризис 2008–2009 гг.).

Не созданы в России и внебанковские фонды «длинных» денег. Мы не используем накопительную систему пенсий, не имеем сколь-нибудь значительных здесь накопитель-

ных фондов в отличие от развитых и развивающихся стран, а также Казахстана, который перешел на накопительную пенсионную систему еще в 1997 г. Мы не развили страхование, и у нас минимальные страховые фонды, не являющиеся, как в развитых и передовых развивающихся странах, крупным источником «длинных» денег и долговременных инвестиционных кредитов. Небольшой размер у России и паевых фондов, а в развитых и передовых развивающихся странах, их на порядок больше. Я не говорю о наличии в других рыночных странах крупнейших инвестиционных фондов с активами в сотни миллиардов долларов, чего и близко нет в России, об огромных венчурных фондах для финансирования инноваций. Нет в России и развитой системы льгот и привилегий для благотворительности с долговременными вложениями, преобладающей во многих секторах экономики развитых стран.

Даже в государственных рамках в России не воспроизводят «длинные» деньги. А ведь это так просто. Казначейство в США, Японии и многих других странах выпускают долговременные облигации на 10, 20, 40 и даже 50 лет и продают их, которые в основном покупают центральные банки этих стран. В активах этих центральных банков эти сертификаты играют основную роль, составляя подчас 70, 80, 90 процентов. А в активах ЦБ России их несколько процентов. Тем самым формируются «длинные» деньги, которые потом расходятся по всем отраслям и сферам. Да и сами казначейские бумаги покупают не только центральные банки, но и крупные инвестиционные фирмы, ипотечные банки и т.д.

Но дело не только в рынке капитала. Механизм развития в качестве своей важнейшей органической части включает конкурентную среду. В России она подорвана, поскольку важ-

нейшие отрасли монополизированы либо государственными концернами типа Газпрома, либо олигархическими крупными структурами. 70% активов банковской системы сосредоточено в государственных банках, в банках, находящихся под санацией ЦБ или в банках при организациях, подчиненных государству, например, Газпромбанке или банковской группе «Зенит», подчиненной «Татнефти», и др. Один Сбербанк сосредотачивает активы 34 трлн руб., то есть на уровне консолидированного бюджета страны, включающего суммарно федеральный бюджет и все региональные бюджеты.

В то же время при переходе к рынку после развала СССР новая Россия не восприняла стратегическое народнохозяйственное планирование, осуществляемое в ходе пятилеток, как это сделали около 50 рыночных стран в те или иные периоды своего развития, в основном применяя планирование в период, когда они нуждались в ускорении социально-экономического роста. Европейские страны во главе с Францией, где был создан комиссариат планирования, использовали пятилетки для восстановления экономики после Второй мировой войны. Отсталые азиатские страны использовали планы, чтобы вырваться из отсталости. Так сделали Япония, Южная Корея, Индия, так делает Китай, Малайзия, Турция и другие страны. Китай, как известно, осуществляет 14-ю пятилетку, Индия несколько лет назад закончила 12-ю пятилетку, Турция завершает 11-ю пятилетку. Россия лишена и этого дополнительного драйвера.

Социально-экономическая система России с рассматриваемых позиций ухудшилась в последние 15 лет благодаря массовому огосударствлению собственности. В это время была организована Роснефть, ставшая благодаря присо-

единению активов ЮКОСа одним из крупнейших производителей нефти. Была прекращена реформа собственности в РЖД, и она превратилась в подчиненную государству структуру, возникла Ростехнология, огромный, с триллионным рублем конгломерат из 600 разнородных предприятий, отнюдь не только оборонного профиля. На попятную после рыночной реформы пошли и в энергетике, не просто свернув эту реформу, а создав крупнейшие компании по производству электроэнергии и тепла, принадлежащие государству, — Интер РАО, РусГидро, Газпромэлектрохолдинг, не говоря уже о концерне Росэнергоатом, которые сосредотачивают около половины всех мощностей этой сферы. Создано гигантское ОАО «Сетевая компания», самая крупная по передаче электроэнергии компания мира, тоже под эгидой государства.

Часть гражданских предприятий, частично производящих оборонную продукцию, которые были в частной собственности, перешли под эгиду государства при формировании крупных комплексов по авиационной промышленности, кораблестроению, различных видов вооружений. Федеральная власть все больше перераспределяет на себя финансовые ресурсы, доведя объем золотовалютных резервов в кризисный 2021 г. до небывало высокого уровня более 630 млрд долларов, превзойдя здесь объем этих резервов в США и имея их в таком фонде больше, чем Германия, Великобритания, Франция и Италия, вместе взятые, с населением на 50 млн человек больше, чем России. Эти резервы копят в тяжелый кризис 2020–2022 гг. и не используются даже для достойного финансирования здравоохранения, мощности которого не хватает для производства вакцин и предотвращения растущей смертности в коронавирусную пандемию.

Какая же социально-экономическая система сложилась в конце концов в России за эти 30 лет? Я бы сформулировал так. У нас сложилась государственно-олигархическая монополия с недоразвитым рынком и отсталой социальной сферой.

Экономическая система России является государственно-монополистической, потому что государственные предприятия и организации и предприятия и организации, подчиненные государству, производят, по расчетам Всемирного банка, более 70% ВВП, чего нет ни в одной рыночной стране. В Китае, например, эта доля составляет 30%. В России при завершении приватизации она составляла 35%. В настоящее время доля расширенного консолидированного госбюджета в ВВП составляет примерно 37%, включая внебюджетные госфонды (в 2003 г. их доля составляла 20%). Еще около четверти ВВП производится крупными концернами и объединениями, подчиненными государству, включая Газпром, Роснефть, РЖД, Ростехнологию, Росатом, оборонные объединения, ВАЗ, Ростелеком, Аэрофлот, подчиненные государству системы Внешэкономбанка, объединяющие институты развития, и Сбербанка, активы которого составляют более четверти активов всей банковской системы России, и многое другое. К этому надо добавить тысячи отдельных предприятий и организаций, подчиненных федеральным, региональным и муниципальным организациям. Более 70% активов банковской системы в целом контролируются Центральным банком или госорганами. Из всех крупных стран концентрация капитала в России является наивысшей, а доля мелкого и среднего бизнеса — наименьшей. Эта концентрация осуществляется не только государственными органами, но и крупными олигархическими структурами, во

главе которых стоят олигархи — миллиардеры, концентрирующие у себя более половины частного бизнеса.

Рынок России недоразвит, поскольку многие сферы деятельности огосударствлены и цены на них регулируются государством. Речь идет о природном газе, электроэнергии, жилищно-коммунальном хозяйстве и др. Региональные органы ограничивают время от времени свободный переток товаров из региона в регион. Поэтому в России различия в уровне цен и оплаты труда весьма значительны между регионами. Ни в одной крупной стране нет столь большой разницы в социально-экономическом уровне регионов.

Ущербным, не до конца свободным является рынок недвижимости, поскольку не до конца решен вопрос о собственности земли. Формально собственность недр вроде бы является государственной, но на деле значительная часть ренты оказывается не в руках государства, а в руках добывающих компаний, самых богатых по уровню прибыльности в России. Плохо функционирует и рынок труда в России, поскольку из-за бедности и недоступности приобретения жилья значительной частью населения, которая не имеет возможности переехать в другой регион с более высокими заработками или получить хорошее образование в крупных центрах.

Особенно монополизирована главная часть экономики — финансовая система. Она не соответствует требованиям к рыночной экономике. Здесь подавлена конкуренция, практически отсутствует блок инвестиционных компаний, превалируют «короткие» деньги, спекулятивные операции, монополизированы и крайне высоки процентные ставки по кредитам, комиссионные сборы, многочисленные поборы с потребителей финансовых услуг. Финансовая система,

включая бюджет, налоги и сборы, банковскую систему, различные фонды, не просто монополизирована. Она к тому же не развита и не соответствует рыночным требованиям. Если по объемам экономики Россия занимает 6-е место по ППС и 11-е место по рыночному курсу рубля, то по ключевым финансовым показателям — от 30-го до 60-го места среди стран мира. Речь идет об объемах по отношению к ВВП монетаризации, банковских активов и кредитования. Еще хуже обстоит дело с инвестиционными фондами, внебанковскими фондами «длинных» денег, страхованием, объемом фондового рынка, выпускаемых облигаций, сделок IPO и др.

Налоговая система однобока. 85% поборов падает на предприятия и организации, а население уплачивает лишь 15%. В то время как в рыночной экономике господствует правило 50/50. А в США и ряде других стран население уплачивает больше налогов и сборов, чем бизнес. Поэтому в бизнес других рыночных стран выгодно вкладываться, а в бизнес России — нет. И поэтому финансовый результат предприятий и организаций страны (прибыль минус убыток) в основной своей части направляется не на социально-экономическое развитие страны, а идет на обогащение крупных акционеров и отправляется на счета в значительной мере иностранных банков, в том числе в офшоры.

Россия — одна из немногих стран мира, где финансовая система вся пронизана фискалом и не нацелена на стимулирование бизнес-процессов. Закономерно, что национальные программы, составленные правительством в соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина, на три четверти финансируются госбюджетом и только на одну четверть бизнесом. И это при том, что 60% всех инвестиций в стране изыскивают сами предприятия и организации. Эти средства

не являются привлеченными. Финансовая система, страны, особенно денежно-кредитная система, не нацелена на обеспечение социально-экономического роста.

Напротив, меры Центрального банка по развитию денежно-кредитной системы идут вразрез с установкой на социально-экономический рост, тормозят его. Очевидно, что долговременная стагнация в России является главным образом следствием фискальной бюджетной и денежно-кредитной политики, приведшей к резкому сокращению государственных инвестиций и кредитных инвестиций со стороны банковской системы. Отток капитала тоже во многом порожден внутренними проблемами страны и во многом связан с отдачей необоснованно взятых зарубежных долгов в конвертируемой валюте, оценка которых все время возрастает из-за девальвации валютного курса рубля.

Ко всему этому добавляется непрозрачность экономической и финансовой системы страны с высокой долей теневой экономики и финансов, оцениваемой в 28%. По доле теневой экономики, неформальной занятости и теневых доходов среди крупных стран, а также по размеру коррупции, Россия в мировых рейтингах занимает последние места.

К тому же экономика России является отсталой. В ее структуре крайне низка доля высокотехнологических производств и еще ниже доля интеллектуальных услуг. По уровню экономического развития (ВВП на душу населения) Россия занимает 40-е места среди 150 значимых стран мира, по международному рейтингу. В России в 2–3 раза выше энергоемкость валового продукта и в 1,5 раза выше его материалоемкость. Уровень производительности труда тоже в 2–3 раза отстает от развитых стран.

Еще отсталые состав и структура экспорта России, где топливно-энергетический экспорт составляет около 70% при минимальной доле продуктов переработки топливных ресурсов, преобладает экспорт сырья полуфабрикатов и в лучшем случае материалов. Экспорт готовой продукции и услуг один из самых низких в процентном отношении при сравнении с другими странами. Имея один из самых высоких в мире научный уровень математики, включая прикладную математику, Россия отстает от многих развивающихся стран по объемам экспорта математических программ и информационно-коммуникационных технологий. В 10 раз она отстает по этим показателям от Индии и Китая.

Наиболее отсталой частью в социально-экономической системе России, к сожалению, является социальная составляющая. Удельный вес сферы «экономики знаний», главной составной части человеческого капитала, составляет 14%, в 1,5 раза ниже, чем в Китае (22%), вдвое ниже, чем в ЕС (30%), почти вчетверо ниже, чем в США (40%). Доля этой сферы ниже в новой России, чем она была в Советском Союзе. В 2019 г. по финансированию образования Россия занимала 120-е место в мире в процентах ВВП из 189 стран, по рейтингу ООН. Соответственно, по финансированию здравоохранения место России в подобном рейтинге было еще ниже — 140-е. По всем социальным показателям, кроме качества образования, во многом доставшегося нам в наследство от СССР, рейтинг России намного ниже, чем даже по экономическим показателям. Всемирный банк и МВФ оценивают человеческий капитал в России на душу населения в размере 100 тыс. долларов, в то время как средний показатель по объединению стран экономического сотрудничества 500 тыс.

Негативные социальные тренды в период 7-летней стагнации перешли и усугубились в кризис 2020–2022 гг. от коронавирусной пандемии. Речь идет прежде всего о снижении реальных доходов населения в 2014–2020 гг. на 14% и сокращении конечного потребления домашних хозяйств на 11%. В 2021 г. удалось восстановить уровень 2019 г., когда эти показатели были на 8–10% ниже уровня 2012–2013 гг. Чтобы восстановить ранее достигнутый уровень доходов и потребления, предстоит увеличить фонд потребления населения в составе ВВП примерно на 6 трлн руб.

Хуже всего обстоят дела у России в рейтинге здоровья (119-е место) среди стран мира по ожидаемой продолжительности общей и здоровой жизни ниже 100-го места, по уровню жизни пенсионеров (примерно 80-е место), в то время как по уровню жизни работающих место высокое. При сопоставимом уровне реальных доходов населения с другими странами, где Россия занимает 60-е места, по уровню социального развития в международных рейтингах Россия опускается на 80–90-е места.

Это относится и к жилищной обеспеченности россиян. Формальный показатель обеспеченности жильем в России равен 26 кв. метров — намного больше, чем было в СССР (18 кв. метров). Но 21% этого жилья не обеспечен холодной водой, 23% — канализацией, 38% не имеют ни душа, ни ванны, 40% не имеют горячей воды. Такие помещения не могут по определению считаться комфортным жильем. Так что по обеспечению комфортным жильем средний норматив России 17 кв. метров — вдвое ниже, чем в Европе, при худшем качестве жилья и его инфраструктуры.

Самое плохое в социальной сфере России — чрезмерное социальное неравенство, относящееся не только к диф-

ференциации доходов и потребления, но и социальное неравенство по доступу к услугам образования и здравоохранения, информационным технологиям, условиям отдыха. Крайне низка возможность вырваться из нищеты, преодолеть низкий душевой доход в размере 20–25 тыс. руб. в месяц, если вы проживаете в сельской местности или в мелком городе. При всех недостатках в советской системе все же разница в доходах на душу населения 10% богатых и 10% бедных составляла три раза, а не 15,4 раза, как в 2019 г. У 10% богатых среднедушевой доход составил около 120 тыс. руб. в месяц, а у 10% бедных только около 8 тыс. В СССР социальные лифты работали. И многие наши соотечественники, чьи родители и прадеды были бедными, жили в селе или в малых городах, все же смогли получить высшее образование, добиться достойного уровня жизни [5].

Фундамент экономики — его материально-технологическая база. В России эта база может быть оценена как отсталая и устаревшая. При коэффициенте ежегодного выбытия основных фондов 0,7% в последние годы за 10 лет выбывает только 7%, а 93% фондов устаревают на 10 лет. А ведь 40% этих фондов составляют машины и оборудование, средний срок службы в России которых около 15 лет. В то время как границей старости считается 10 лет. Две трети предприятий и организаций страны нуждаются в технологическом перевооружении. Многие отрасли работают на основе технологий, которые уже не используются в передовых странах. Особенно плохо обстоит дело в России с машиностроением. Оно деградировало по сравнению с советским временем, хотя и тогда не отличалось высоким уровнем. И начиная с брежневского застоя наше отставание и здесь нарастало. Мы имеем самую низкую долю машиностроения в про-

мышленности не только среди развитых, но и среди многих развивающихся стран. И поэтому до 70% необходимых нам машин и оборудования мы вынуждены приобретать за рубежом, что для нас крайне затруднительно и из-за ограничивающих санкций, и из-за оттока капитала в другие страны, и дефицита валюты у предприятий и организаций.

Государство при этом никогда не использует золотовалютные резервы для технологического переоснащения нашей страны, а предпочитает их копить, «сидя на сундуках», набитых золотом, евро и долларами, все время увеличивая эту массу. Забылись слова Наполеона о том, что богатство состоит не в накоплении роскоши, а в использовании этой роскоши на благо. Этого использования мы пока не видим даже в ужасающий кризис 2020–2022 гг. в нашей стране с рекордно высокой дополнительной смертностью в России среди всех крупных стран мира. Именно в эти кризисные годы мы не тратили золотовалютные резервы, а скупали золото, евро и доллары, доведя объем золотовалютных резервов до самого высокого значения в новой России.

Устойчивое развитие страны в перспективе может базироваться только на технологическом прорыве, как это неоднократно подчеркивал Президент РФ В.В. Путин.

Особенно сильно отстала инфраструктура России, для нас особенно важная, так как страна занимает наибольшую территорию суши на земле и нуждается прежде всего в железнодорожной и автомобильной инфраструктуре [4]. Скорость передвижения груза в России низка — 16,6 км в час, при том что в последнее время эта скорость значительно увеличилась. В СМИ скорость передвижения грузовых поездов сравнивают с передвижением на велосипеде. Переходы через границу с другими странами, где колея меняется,

технологически несовершенны и неразвиты и сдерживают транспортные потоки. Китай, являющийся главным торговым партнером России, ряд лет назад почти все контейнерные грузы по железной дороге перевозил через Забайкальск, финансируя продолжительный путь контейнеров по территории России до границы с Западной Европой. Но все попытки добиться технического перевооружения и развития пропускной способности этого перехода не увенчались успехом. И Китай был вынужден ввозить основную часть контейнеров через Казахстан. И только потом сразу вклиниваться в европейскую часть страны, где пробег контейнеров по территории России минимален и, соответственно, надо платить намного меньшую плату. И хотя путь через Казахстан для Китая немного дороже, чем через Забайкальск, сегодня подавляющая часть грузов идет этим путем — намного быстрее и успешнее, чем раньше через Забайкальск. Россия лишилась нескольких миллиардов долларов доходов ежегодно.

В России крайне мало двухсторонних автострад и совсем нет скоростных железных дорог в отличие не только от Франции и других западноевропейских стран и от Японии, давно развивающих скоростное железнодорожное движение, но мы безнадежно отстали даже от Китая, где построено около 50 тыс. км скоростных железных дорог, и они продолжают строиться и совершенствоваться ударными темпами.

После распада СССР в России было свернуто фактически авиационное перемещение с помощью региональной авиации. Сейчас ее предстоит возродить, построив тысячу региональных полос и аэропортов, что резко улучшит доступность авиасообщения в региональные центры.

Сильно отстает Россия и по развитию логистических центров в крупных транспортных узлах, что затрудняет систему доставки грузов на обширные территории нашей страны. Нам нужна, таким образом, новая современная транспортно-логистическая инфраструктура. И для ее создания нужно перейти к массовому строительству двухсторонних автомобильных автострад, скоростных железных дорог регионального авиасообщения, формированию логистических центров.

Самая отсталая часть экономической политики страны — ее пространственная ориентация. Не происходит процесс выравнивания со стороны экономических условий по регионам страны. Все попытки сделать Дальний Восток привлекательным местом для обеспечения дополнительным населением и рабочей силы пока не увенчались успехом. Отток населения продолжается. Не удастся обеспечить более высокие темпы развития дальневосточной экономики. Аведь это единственная крупная территориальная программа общероссийского уровня. Создано отдельное министерство, администрация этой программы, выделяются колоссальные средства, а результаты мизерные. Но таких программ в России должно быть несколько, как это было в свое время в СССР, где успешно осуществлялось планомерное размещение производительных сил, жестко выдерживался курс на приоритетное развитие восточных регионов, благодаря чему там была создана главная топливно-энергетическая база страны, крупные территориально-производственные комплексы, переместилась на восток металлургия, химическая промышленность, был развит лесопромышленный комплекс, построены крупные машиностроительные комплексы, созданы новые города. Ничего близкого за 30 лет

новой России здесь пока не создано. Хотя объектов, нуждающихся в строительстве, здесь немало.

Ударными темпами в советское время создавалась транспортная инфраструктура. Достаточно упомянуть обширнейшую Байкало-Амурскую магистраль, крупнейшую железную дорогу даже по мировым меркам, построенную в неимоверно трудных условиях. Нужен прорыв в пространственном развитии России, которая сильна своими регионами, а продолжает все больше развиваться преимущественно за счет столичных городов и областей.

В связи с коронавирусной пандемией на первый план всех ключевых проблем развития нашей страны выдвинулась проблема сохранности народа. Положение здесь, прямо скажем, не просто неудовлетворительное. Оно катастрофическое. Смартность превысила рождаемость в годы пандемии в 2021 г. более чем на 1 млн человек. Население страны сократилось за последние годы на 1,3 млн человек. Дополнительно умерло не только от коронавирусной пандемии, но и от других причин за полтора года с мая 2020 г., когда в России началась пандемия, до ноября 2021 г. более 800 тыс. человек. Все это самые высокие показатели в мире, если их соотнести с численностью населения. Предстоит в короткий срок восстановить нормальную докризисную смертность, которая и так в России крайне высока в сравнении с другими странами. Особенно от сердечно-сосудистых заболеваний, от которых умирают в России в 2–3 раза больше, чем в развитых странах и передовых развивающихся странах. Сокращение смертности поднимет ожидаемую продолжительность жизни, которая в России на 10 лет меньше в сравнении с развитыми странами. Предстоит коренным образом улучшить здравоохранение,

удвоить и утроить его финансирование. Это позволит улучшить здоровье россиян, добиться увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Если предпринять скоординированную систему коренных мер, то к 2030 г., по нашим расчетам, можно восстановить сохранность народа страны — перейти к естественному росту населения, повысить ожидаемую продолжительность жизни в среднем свыше 80 лет.

Подводя итог сказанному, подчеркнем — Россия нуждается в новой технологической и социально-экономической политике, которая призвана ее преобразовать и в 10–15-летний период из среднеразвитой и отсталой по многим направлениям страны превратить в развитую, передовую, страну одного из лидеров мирового развития.

3. Возможности и сценарии развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Ежедневно занимаясь макроэкономикой, я прежде всего хочу констатировать, что благодаря интенсивным исследованиям в Российской академии наук, ведущих университетах и корпорациях создан большой потенциал, на основе которого можно выстроить программу, а лучше стратегический народно-хозяйственный план возобновления устойчивого социально-экономического роста с инновационным уклоном на базе технологического и интеллектуального прорыва на долгосрочную перспективу 10–15 лет. Заделы идей и разработок здесь немалые. Важно построить гармоничную взаимосвязанную систему мер не просто по развитию страны, а по ее преобразованию в высокоразвитую в технологическом, экономическом и социальном содержании страну с рыночной конкурентной средой, развитым рынком капитала и стратегическим народнохозяй-

ственным пятилетним планом, что качественно поднимет уровень управления страной.

Возможности в стране для этого есть. При всех недостатках интеллектуальный уровень страны достаточно высок. По многим направлениям есть заделы. В стране немало передовых предприятий, организаций и даже регионов — форпостов развития. Самое главное — есть ресурсы для подъема и преобразования в указанных выше направлениях.

Россия располагает крупными источниками финансовых средств для преодоления кризиса и стагнации и перехода к устойчивому социально-экономическому развитию. Перечислим эти средства. К ним относятся:

— прежде всего, долговременные низкопроцентные (3–5%) инвестиционные кредиты банковской системы. Активы банковской системы в кризис увеличились на 16% и впервые превысили объем ВВП. В России самая низкая доля инвестиционных кредитов в составе общих инвестиций страны — 8–10%. В развитых странах это 40–50%, а в развивающихся, где доля инвестиций в ВВП вдвое выше, чем у нас (30–35%, а не 17%), — 20–30%. Их можно увеличить в 3–5 раз. В ближайшие годы при относительно высокой инфляции и ключевой ставке ЦБ госбюджет может доплачивать банкам часть процентной ставки. Для этого надо окупаемые проекты прежде всего при расходах на национальную экономику в федеральном и региональном бюджете финансировать не безвозвратно, а только на базе инвестиционных кредитов. А это, по нашим подсчетам, 5 трлн руб. Высвобожденных бюджетных средств будет более чем достаточно;

— на развитие экономики и социальной сферы, особенно на возвратных условиях, может быть использовано до половины накопленных золотовалютных резервов, объем

которых по максимуму в 2021 г. составил 626 млрд долларов. 300 млрд можно оставить для финансовой безопасности, 190 млрд — это Фонд национального благосостояния, который, на наш взгляд, должен использоваться только по прямому назначению. А 120 млрд долларов можно по 15–20 млрд ежегодно направлять на массовое технологическое перевооружение предприятий и организаций нашей страны, две трети из которых имеют устаревшие технологии и технику. Окупаемость здесь 5–7 лет. Нам предстоит втрое увеличить долю высокотехнологических производств в экономике. Окупаемость ввода в действие дополнительных мощностей здесь оценивается в 10–12 лет. Третье направление — создание современной транспортно-логистической инфраструктуры, скоростных автомагистралей и железных дорог, строительство региональных аэропортов и др. Здесь окупаемость 20–25 лет. В Китае, например, они финансируются с помощью долговременных инвестиционных кредитов;

— значительные средства могут быть мобилизованы за счет дополнительных долгов нашего государства. Внешнеэкономический долг России 4% ВВП против 85% стран ЕС и 110% США. Внутренний и внешний долг вместе в России составляет 19%, в Японии — 250% ВВП, а в Китае даже 270%. Россия вполне может поднять свой долг с позиции финансовой безопасности до 30–35% к 2025 г. и до 45–50% к 2030 г. Жесткая норма безопасности ЕС — 60% долгов к ВВП. Мы можем занять средства у Саудовской Аравии и странах ОПЕК, в Китае, где золотовалютные резервы превышают 3,5 трлн долларов, в крупных инвестиционных компаниях и международных банках. Тем более что Россия имеет высокий рейтинг надежности в отдаче долгов, кото-

рые мы возвращали в 2000-е гг. даже с опережением сроков, платя иногда премию за досрочный возврат;

— крайне важно мобилизовать дополнительные источники инвестиций с предприятий и организаций, на долю которых приходится до 60%, в формировании общего объема инвестиций в основной капитал в стране. Для этого целесообразно освободить от налогообложения часть прибыли, из которой черпаются инвестиции, что позволит дополнительно ежегодно привлечь, по оценке, до 1 трлн руб. Следовало бы также в 1,5–2 раза сократить сроки амортизации в России по примеру «рейганомики», что увеличит амортизационный фонд, из которого черпаются более половины инвестиций предприятий и организаций, что также дополнительно даст до 1 трлн руб.;

— для финансирования жилищного строительства и производства легковых автомашин государство могло бы организовать низкопроцентный облигационный заем для населения, желающего гарантированно приобрести жилье или легковой автомобиль с предоставлением низкопроцентного кредита и пониженной цены в том случае, если соответствующая семья накопит определенный размер таких облигаций, за счет которых будет финансироваться дополнительное развитие этих отраслей. Здесь легко найти взаимный интерес населения, производителей и государства.

Не исключена возможность привлечения финансов с мирового финансового рынка, для чего нужно улучшать отношения прежде всего с развитыми странами мира.

Следовало бы жестко и целенаправленно использовать указанные возможности и ресурсы в первую очередь по массовому технологическому перевооружению действующих предприятий и организаций, по ускоренному вводу

в действие новых мощностей высокотехнологических производств, по формированию современной транспортно-логистической инфраструктуры, по ускоренному жилищному и социальному строительству и по перестройке и увеличению экспорта прежде всего готовой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Задача среднесрочной перспективы — финансовый форсаж инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал — в «экономику знаний» и повышение их доли в ВВП — и инвестиций, и вложений до 25% к 2025 г., что обеспечит нам устойчивый рост по 3–4% ежегодно до 2030 г.

Затем можно перейти к более умеренным темпам увеличения инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, наращивая их ежегодно по 8–10% до 2030 г. Это увеличит их долю в ВВП до 30% и позволит поднять темпы социально-экономического развития до 5% в среднем за год.

Следовало бы составить конкретные годовые показатели с объемами необходимых инвестиций и их источников по конкретным направлениям. Задача — за 10–15 лет достигнуть технологического, экономического и социального уровня развитых стран. Потребуется три пятилетних плана, с 2021–2025 гг. и до 2035 г., чтобы выполнить эту программу.

Основным источником — драйвером устойчивого социально-экономического роста являются инвестиции в основной капитал в индустриальной стране, какой является Россия. По нашей оценке, инвестиции наполовину — на 50% определяют этот рост.

Вторым важнейшим фактором являются вложения в сферу «экономика знаний». В развитых странах, где доля «экономики знаний» в ВВП является преобладающей (30–40% при доле промышленности 20–25%), которые вступили на инноваци-

онный путь постиндустриального развития, этот драйвер является основным, обеспечивающим для высокоразвитых стран 2–3-процентный ежегодный рост высшего качества. Этот рост развитых стран идет за счет высокотехнологических отраслей и интеллектуальных услуг, а не за счет традиционных отраслей, уровень которых достаточен. Применительно к России доля этого фактора в приросте ВВП в обозримой перспективе, по нашей оценке, составит 20–25%.

Третьим по важности фактором роста является увеличивающийся ввод жилья. В ближайшие годы его роль составит около 10% в приросте ВВП, а когда мы выйдем на укоренный рост жилищного строительства, он может составить до 15%.

Последний из важнейших факторов — внешняя торговля товарами и услугами также с возможной долей в приросте ВВП в размере 10–15%.

При этом роль «экономики знаний» — главной составной части человеческого капитала в развитии страны — будет возрастать. Кроме того, эта доля сегодня критически низка и является препятствием для перехода к инновационному развитию, в котором мы остро нуждаемся. Поэтому развитию и совершенствованию всех отраслей «экономики знаний» нужно уделять первостепенное внимание.

Рассмотрим это по компонентам. В ближайшие пять лет долю НИОКР в ВВП следовало бы поднять с одного до двух процентов, а за 10 лет — до 3% ВВП, как это было в СССР и к которому близко подошли развитые страны. Россия должна вернуть себе звание лидирующей научной державы в мире наряду с США, как это было в советское время. Здесь нужны кардинальные реформы по реальной интеграции Академии наук с ведущими университетами под единым

научным руководством со стороны Президиума Академии. Предлагается воссоздать ГКНТ во главе с первым заместителем премьер-министра страны, возложив на этот ключевой орган руководство не только наукой и высшим образованием, но и технологическим развитием страны. Предстоит удвоить расходы на образование с 4 до 8% ВВП к 2030 г., перестроив систему образования с упором на самостоятельную работу студентов и длительную стажировку в передовых научно-производственных организациях с выдачей лицензии после приобретения необходимого опыта и умения по ключевым специальностям. В соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. поставлена задача утроить долю информационно-коммуникационных технологий в ВВП, заняв здесь лидирующие позиции вместе с США и Китаем. В разы предстоит увеличить биотехнологический сектор, включая современную фармацевтику. В целом следовало бы поднять расходы на здравоохранение с 5 до 7% к 2025 г. и действительно 10% к 2030 г.

Дело осложняется необходимостью восстановить достигнутый ранее в 2012–2013 гг. максимальный уровень реальных доходов населения и конечного потребления домашних хозяйств, который на 8–10% выше показателей 2021 г., когда был восстановлен уровень 2019 г. По проектировкам Минэкономразвития, в последующие годы намечается повышать реальные доходы по 2% в год. В этом случае мы сможем восстановить этот уровень только к 2026 г. и затем двинуться вверх. А без восстановления фонда потребления, доля которого в ВВП 60%, нельзя перейти к устойчивому экономическому росту. Так что после кризиса с 2023 г. мы опять вернемся к стагнации, которую преодолеть, как известно, намного труднее, чем кризис. Чтобы этого не допустить,

надо добиться повышения доходов и потребления населения в 2022–2023 гг. по 4–5% в год, и тогда мы с 2023–2024 гг. сможем наладить социально-экономический рост. Средства для такого скачка у нас есть — 14 трлн руб. в Фонде национального благосостояния, из которого максимум потребуется потратить для этой цели до 4 трлн руб.

Предлагается в первую очередь в 2022 г. поднять размер минимальной зарплаты более чем на 10 тыс. руб. — до 25 тыс. руб. в месяц. Это можно сделать за счет резко возросших прибылей предприятий и организаций страны для своих работников. В бюджетной сфере можно изыскать средства для этого за счет небольшого сокращения численности работников. Фонд национального благосостояния следовало бы использовать для повышения до 25 тыс. руб. среднего размера пенсии, а также чтобы утроить пособия по безработице, размер которого у нас ниже прожиточного минимума — самый небольшой среди крупных стран мира. На 5–10 тыс. руб. в месяц целесообразно увеличить среднедушевой доход на селе и в малых городах, где он составляет 20–25 тыс. руб. в сравнении с 35 тыс. в среднем по России и 45 тыс. в крупных городах. Для этого из относительно крепких подсобных личных хозяйств при льготах со стороны государства и низкопроцентном кредите можно было бы сформировать несколько сот тысяч фермерских хозяйств, объединив их в эффективную промысловую кооперацию, при которой в малых городах и крупных селах можно было бы создать несколько тысяч небольших предприятий и организаций по переработке сельхозпродукции и обслуживания фермерских хозяйств, а также постепенно наладить новую крупнейшую торговую сеть продовольственными товарами КООП по всей России.

Предстоит существенно преобразовать структуру и состав нашей экономики — в 1,5–2 раза увеличить долю монетаризации в ВВП, сначала втрое, а потом впятеро поднять объем долговременного низкопроцентного инвестиционного кредитования, прежде всего на цели технического перевооружения, инфраструктурного строительства и развития образования, информационно-коммуникационных и биотехнологий и других сфер «экономики знаний». Соответственно, взамен полуспекулятивного использования «коротких» денег предстоит заняться воспроизводством «длинных» денег, сделав их преобладающими в фондовой торговле. В 3–5 раз предстоит увеличить до 2025–2030 гг. внебанковские фонды «длинных» денег, перевесть пенсионную систему на накопительные рельсы, развить страхование, особенно страхование жизни, в разы увеличив паевые фонды и др., для чего создать соответствующие льготы и привилегии. Предстоит сформировать мощные инвестиционные финансовые центры и компании по примеру других стран. А главное, предстоит повернуть всю финансовую систему страны к задачам социально-экономического развития.

В отраслевой структуре народного хозяйства предстоит значительно сократить долю добывающих отраслей, но не за счет снижения объемов, а за счет приоритетного развития более высокими темпами обрабатывающих отраслей и особенно высокотехнологических производств товаров и услуг, которые к 2030 г. целесообразно увеличить в 3 раза до уровня развитых стран. Первоочередной задачей при этом является развитие электроники, приборостроения и других ключевых отраслей современного машиностроения, которое должно стать главной промышленной отраслью. Также важно развить современную химию, осо-

бенно ее высшие сферы с производством синтетических материалов.

В соответствии с задачами четвертого энергоперехода, углеродной нейтральности и преимущественного развития «зеленой экономики» нужны радикальные меры по перестройке всей энергетики и сокращению энергопотребления в расчете на единицу ВВП в 2–3 раза до уровня развитых стран. Также в 1,5–2 раза следовало бы сократить и материалоемкость экономики России. Эти преобразования в структуре экономики должны сразу отражаться и в структуре экспорта России, где на первое место по объему вместе топливно-энергетических продуктов должна выйти торговля готовыми, в основном высокотехнологическими продуктами с высокой добавленной стоимостью.

Сложность решения этой задачи заключается в том, что при этом приоритетном научно-технологическом инновационном развитии не просто сохранить, а преумножить предстоит социальную составляющую экономического развития. Это предполагает осуществление крупных структурных реформ в социальной сфере, которая в России не соответствует уровню экономического развития. Если по уровню экономического развития в международном рейтинге Россия занимает примерно 40-е место среди стран мира, но по важнейшим социальным показателям — 60–120-е место. Это касается таких считающихся самыми важными показателей, как ожидаемая продолжительность общей и здоровой жизни, качества здоровья, жилищных и экологических условий жизни, качественного питания и потребления промышленных товаров. Еще важнее до минимума сократить социальное неравенство во всех сферах и приоритетно улучшить жизнь пенсионерам и многодетным семьям.

В основе этих структурных преобразований, связанных с переходом к устойчивому социально-экономическому росту по инновационному и социальному пути, нужно поставить решение проблем собственности. Россия нуждается в коренной структурной реформе собственности с массовой эффективной приватизацией тех предприятий и организаций, подчиненных государству, которые не выполняют государственных функций, а занимаются коммерцией и самообогащением.

Удельный вес предприятий и организаций, подчиненных государству, в производстве ВВП предстоит, по нашему мнению, сократить примерно с 70 до 40–45%, а долю частной собственности, соответственно, поднять с 30% вдвое — до 55–60%. Такую реформу можно провести за три-четыре года, начиная с 2022–2025 гг.

Другая важная структурная реформа, способствующая социально-экономическому росту, связана с региональным управлением. Целесообразно перевести регионы на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. В ближайшие годы это можно сделать примерно с 70% регионов, в которых взнос предприятий и организаций в федеральный бюджет существенно превышает трансфер федеральных средств в соответствующий регион. На втором этапе целесообразно преобразовать административно-экономическое районирование, сформировав крупные губернии и сохранив, естественно, автономные республики, обладающие намного большей самостоятельностью по примеру передовых федеральных стран: Германии, Канады, США.

О социальных структурных реформах, в том числе пенсионной реформе, реформе по финансированию здравоохра-

нения, переводе жилищно-коммунального хозяйства на частные рельсы было упомянуто выше. Их целесообразно осуществить, когда начнется социально-экономический рост, и с таким расчетом, чтобы не снизились реальные доходы населения у подавляющей его части не только у бедных, но и у представителей среднего класса [6].

Эти реформы связаны с тем, что из доходов населения будет уплачиваться часть пенсионных накоплений, страховых взносов по здоровью, увеличится подоходный налог с высоких заработков и доходов. Будет введен нормальный налог на недвижимость граждан при льготах для малообеспеченных. Все это должно быть компенсировано индексацией зарплаты. Если суммировать возможный размер этой индексации, то, по-видимому, уровень зарплаты придется повысить примерно в 1,5 раза, компенсируя значительной части предприятий возмещение, снижение прибыльности в связи с понижением себестоимости, за счет снижения налогов. При этом налоги должны быть снижены таким образом, чтобы не только компенсировать средства, которые пойдут на уплату дополнительных налогов и сборов, но и стимулировать предприятия, организации и самих граждан вкладывать средства в свою экономику, инвестировать их, дополнительно расходовать на образование, здравоохранение свои пенсионные накопления, сберегать, особенно при покупке облигаций и вложений в паевые фонды, тратить на благотворительность и т.д.

При повышении минимальной заработной платы, размера пенсии и душевых доходов на селе и в малых городах численность бедного населения в России значительно сократится. Чтобы дополнительно снизить чрезмерную разницу между бедными и богатыми, целесообразно ввести,

как многие предлагают, прогрессивный подоходный налог с заработной платы и доходов свыше 100 тыс. руб. в месяц в размере, например, 20% свыше этой суммы. А если доход превышает 200 тыс. руб., то свыше этой суммы взимать налог 25%, а свыше 300 тыс. — 30% и, наконец, свыше 500 тыс. — 35%. При этом заработок и доход до 30 тыс. руб. в месяц предлагается освободить от налога. Следовало бы также увеличить налогообложение прибыли с предприятий и организаций, которые производят товары и услуги, недоступные среднему классу, и, напротив, снизить налоги для тех, кто поставляет товары и услуги, доступные бедным при надлежащем качестве. Речь идет о стоимости жилья, автомобилей, гостиниц, торговых сетей и др.

Тем самым удастся перестроить социальную сферу в соответствии с требованиями рыночной экономики по примеру передовых стран.

Указанные выше структурные реформы призваны создать условия, для того чтобы дополнительные инвестиции в основной и человеческий капитал, на ввод жилья и другие важные цели были бы эффективно использованы и реально привели к ускоренному социально-экономическому развитию сначала по 3–4% в год на период до 2030 г., а затем после повышения доли этих инвестиций в ВВП к 5–6% ежегодному социально-экономическому росту с все большим креном по мере развития в инновационном и социальном направлении.

Библиографический список

1. Ясин Е.Г. Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. 2-е изд. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.

2. Мау В.А. Экономическая политика России: год за годом (2000–2018). — М.: Издательский дом Дело, 2019.
3. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / под ред. Миркина Я.М. — М.: Магистр, 2018.
4. Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Том 228. «Абалкинские чтения».
5. Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Том 231. 30 лет новой России: ретроспектива, проблемы, развитие.
6. Аганбегян А.Г. Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). — Левада Центр, 2021.

References

1. Jasin E.G. Rossijskaja jekonomika: istoki i panorama rynochnyh reform. Kurs lekcij. 2-e izd. M.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2019.
2. Mau V.A. Jekonomicheskaja politika Rossii: god za godom (2000–2018). Izdatel'skij dom Delo. M. 2019.
3. Mehanizmy stimulirovanija sverhbystrogo rosta: mirovaja praktika / pod red. Mirkina Ja.M. M.: Magistr, 2018.
4. Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2021. Tom 228. «Abalkinskie chtenija».
5. Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2021. Tom 231. 30 let novoj Rossii: retrospektiva, problemy, razvitie.
6. Aganbegjan A.G. Novoj Rossii — 30 let. Dostizhenija i upushhenija (social'no-jekonomicheskij analiz). Levada Centr. 2021.

Контактная информация / Contact information

Аганбегян Абел Гезевеч / Abel G. Aganbegyan
 aganbegyan@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-82-96

РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ИСТОКИ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

REFORMS OF RUSSIAN SCIENCE: ORIGINS, RESULTS, PROSPECTS

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель
президента Российской академии наук,
член-корреспондент РАН, д.э.н.

VLADIMIR V. IVANOV

Member of the Board of VEO of Russia, Deputy
President of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economic Sciences

<https://orcid.org/0000-0002-9823-8767>

АННОТАЦИЯ

Рассматривается ход реформирования российской науки. Показано, что к настоящему времени в основном выполнены рекомендации зарубежных экспертов. Однако современное состояние науки не соответствует стратегическим целям развития страны. Сформулированы Основные этапы формирования новой государственной научно-технической политики.

ABSTRACT

The course of the reform of Russian science is considered. It is shown that by now all the recommendations of foreign experts have been fulfilled. However, the current state of science does not correspond to the strategic goals of the country's development. The main stages of the formation of a new state scientific and technical policy are formulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировой уклад, глобальные процессы, научная политика, инновационное развитие, бизнес, власть, финансы.

KEYWORDS

World order, global processes, technological order, scientific policy, innovative development, business, government, finance.

Наука, кроме своей основной функции — получение новых знаний и их практическое использование в образовании, технологиях и культуре, призвана также решать проблемы развития государства. По состоянию научно-технологического комплекса, по отношению власти к науке и ученым можно судить о перспективах развития страны, обеспечения ее конкурентоспособности, национальной безопасности и суверенитета.

Современное положение науки в России, ее участие в решении важнейших задач государственного развития является прямым результатом трансформаций политической, социальной и экономической систем России, начатых в конце 90-х годов. Эти трансформации проходят на фоне формирования нового мирового уклада — Глобализации 4.0, в котором лидирующее место займут страны, обладающие современным научно-технологическим комплексом, ориентированным на удовлетворение потребностей населения, повышение каче-

ства жизни. При этом собственно научно-технологическое развитие подчиняется следующим законам [1]:

1. По мере социально-экономического и научно-технологического развития коммерческая и социальная ценность фундаментальных научных результатов постоянно возрастает.
2. Коммерческая стоимость наукоемкой продукции постоянно падает.
3. Наука не имеет границ.
4. Технологии не могут противоречить законам природы.

Сложившийся после Второй мировой войны мировой порядок обеспечивал мирное сосуществование конкурирующих социально-экономических систем, что позволило в течение длительного времени поддерживать мир на Земле. Об устойчивости той системы говорит тот факт, что даже сильнейший Карибский кризис был преодолен дипломатическими путями и в итоге способствовал существенному повышению глобальной безопасности. После распада СССР в России был принят курс на встраивание страны в сложившуюся систему отношений западных стран. Однако западные страны не были готовы рассматривать Россию как равноправного партнера, и ей отводилось второстепенное место в мировой иерархии. Но в полной мере решить эту задачу препятствовало наличие доставшегося в наследство научно-технологического потенциала.

В СССР наука рассматривалась как основной фактор развития, которому уделялось самое пристальное внимание. И, как показала практика, это было вполне оправданно, поскольку позволило в полной мере восстановиться стране после тяжелейшей войны и занять лидирующую роль в мире. В период своего расцвета СССР обладал крупным научно-

технологическим комплексом, в основе которого лежала реализация двух проектов: атомного и космического. Наука обеспечивала развитие образования, создание новых технологий и перспективных образцов продукции, формирование культуры (рис. 1).

Рисунок 1. Наука как базовый институт развития государства

Наука была встроена в систему принятия государственного управления как институт, осуществляющий научное обоснование и сопровождение важнейших государственных решений. В этом особая роль отводилась АН СССР. За общую координацию научно-технической деятельности, внедрение новейших достижений ученых в экономику отвечал Государственный комитет по науке и технологиям (ГКНТ СССР), возглавляемый заместителем председателя правительства страны. В руководстве политическими, законодательными и административными структурами обязательно присутствовали видные советские ученые.

Реформы 90-х годов принципиально изменили отношение государства и науки. Теперь основными факторами развития были признаны финансовые структуры и ресурсодобывающие отрасли [2, 3], а наука рассматривалась лишь как один из институтов, функционирующий по законам рыночной экономики [4]. В новой парадигме уже не наука показывала государству имеющиеся проблемы и возможные пути их решения, а государство указывало науке направления исследований и разработок.

Для выработки нового видения развития российской науки были приглашены эксперты Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР)¹, которыми был подготовлен специальный доклад состоянии науки в России и даны рекомендации о направлениях ее реформирования [5].

В конечном виде доклад носит весьма противоречивый характер. Так, например, утверждалось, что Академия наук имеет собственность (стр. 48), что не соответствовало действительности, поскольку все, чем управляла РАН, принадлежало государству.

Говоря об интеграции науки и образования, авторы доклада утверждали, что *«в прошлом очень немногие ученые академии преподавали на старших курсах»*, что также было далеко от реального положения дел.

Рассматривая перспективы развития академического сектора науки, авторы предполагали, что Российская академия наук будет продолжать существовать как клуб ученых и научно-исследовательская организация, при этом будет ограничено ее право распоряжаться научным оборудованием и зданиями исследовательских организаций или коммерциализовать их. Также было показано, что в реальном

¹ Organization for Economic Co-operation and Development — OECD.

исчислении бюджет РАН с 1990 по 1992 год уменьшился в 2,5 раза.

В то же время в рекомендациях доклада особое внимание было уделено (стр. 94) *«необходимости создания на высшем государственном уровне межведомственной структуры, в рамках которой можно было бы обсуждать и принимать решения относительно роли, которую играют наука и техника на пути вывода страны из кризисного положения»*. В части распределения обязанностей по управлению научно-технической сферой предлагалось возложить на Миннауки России ответственность за вопросы научно-технической политики и бюджетное финансирование гражданских НИОКР. За Академией наук должно быть сохранено руководство научными институтами, а высшая школа должна больше привлекаться к участию в научной деятельности.

В соответствии с рекомендациями *«Российский фонд фундаментальных научных исследований должен оставаться независимой организацией в сфере Миннауки, в управлении которой принимали бы активное участие Академия наук и высшая школа»*.

Также предлагалось обеспечить финансирование НИОКР в объеме примерно 3% от расходной части государственного бюджета, сокращение количества ученых и техников, сокращение и реорганизации различных институтов, определение условий приватизации научных организаций.

Таким образом, зарубежными экспертами были задан вектор реформирования российского научного комплекса.

Но в это же время в РАН и в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации проводились исследования, направленные на разработку политики инновационного развития [6, 7, 8], которые

в концентрированном виде изложены в докладе академика В.Л. Макарова «Экономика знаний: Уроки для России» [9].

В 2002 году Президентом Российской Федерации были утверждены «Основы политики Российской Федерации в области развития науки, технологий и техники на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», которыми были определены конкретные меры по развитию научно-технологического комплекса страны с целью перевода экономик на инновационный путь развития.

Однако ситуация коренным образом изменилась в 2004 г., когда наука была признана «услугой» и переведена из реального сектора экономики в социальный. Вопросы управления научной сферой были переданы во вновь созданное Министерство образования и науки. Одновременно с этим из Бюджетной классификации был исключен раздел 6 «Фундаментальные научные исследования и содействие научно-техническому прогрессу».

В ходе дальнейших трансформаций основной акцент делался на институциональных преобразованиях, преимущественно направленных на развитие науки в вузах при одновременном сокращении отраслевого и академического секторов, омолаживании кадрового состава научных работников, развитии малого предпринимательства. Новая парадигма образования, заключающаяся в переходе от подготовки «творцов» к подготовке «квалифицированных специалистов», замена фундаментального образования компетенциями. При этом основная роль науки, по сути, сводилась к обеспечению образования.

Следующий этап преобразований научно-технологического комплекса страны был разработан в Высшей школе экономики в 2010 году, исходя из следующих положений²:

² Москва, 7 июль, 2010 — РИА Новости.

- мнения о том, что Россия сохраняет мировое лидерство в фундаментальной науке, являются «мифом»;
- реализация инновационной политики в РФ требует изменения структуры российской науки на основе международных критериев ее эффективности;
- по абсолютным показателям финансирования российская наука сравнима с уровнем Великобритании и Франции, за последние 15 лет (с 1996 г.) бюджетные вложения в нее возросли в четыре раза. При этом доля статей российских ученых в мировых научных журналах неуклонно снижается, а доля России на мировых рынках высокотехнологичной продукции составляет около 0,2%, что находится в пределах статистической погрешности;
- радикальный вариант — комплексная реформа российской науки на основе международных критериев эффективности с опорой на ведущие исследовательские центры, а также целевое «выращивание» исследовательских коллективов в тех высокотехнологичных направлениях, где их сегодня в России нет.

По сути, предложенные подходы продолжили политику встраивания отечественного научно-технологического комплекса в международное пространство, но на правах не лидера, а спутника.

Первым шагом реализации этих подходов стали принятые в 2012 г. поправки в «Закон об образовании в Российской Федерации», согласно которым аспирантура была признана очередной ступенью образования и тем самым утратила свой статус как первый шаг научной карьеры.

Но самым сильным ходом по преобразованию российского научно-технологического комплекса начиная с 1992 г. следует считать принятие Федерального закона от 27.09.2013

№ 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с этим Российская академия наук лишилась статуса высшей научной организации страны, который она имела с момента своего основания в 1724 г., ей законодательно не разрешено заниматься научной деятельностью, а академические научные организации были переданы под управление Минобрнауки России. Таким образом, Россия лишилась неоспоримого конкурентного преимущества — системной организации фундаментальных научных исследований. Кроме того, была разрушена уникальная научно-образовательная система: триада «Академия — университет — гимназия», доказавшая свою высокую эффективность, а также в силу ликвидации региональных научных центров РАН произошла дезинтеграция единого научно-технологического пространства. Собственно Академия превратилась в клуб ученых, о чем и говорилось в уже цитируемом докладе ОЭСР.

Следует отметить, что хотя основные задачи реформирования были решены, однако основные цели, прежде всего повышение конкурентоспособности страны, обеспечение высоких темпов роста экономики и качества жизни, достигнуты не были. Особенно ярко это проявилось в 2014 году, когда против России были введены санкции, в том числе в области наукоемких технологий.

Институциональные трансформации научно-технологического комплекса страны неразрывно связаны с изменениями в системе государственного управления исследованиями и разработками. Начиная с 1992 года шесть раз кардинально менялся федеральный орган исполнительной власти, отвечающий за научно-технологическое разви-

тие. Сейчас его возглавляет 11-й по счету министр. Каждая смена руководства — это новая команда, новые приоритеты и предпочтения, новый формат отношений ученых и власти. При этом заметна качественная трансформация руководства. Если до 2012 года министерство возглавляли руководители, имеющие опыт руководства научными и промышленными организациями, реализации крупных инновационных проектов, то в последнее десятилетие министерство возглавляли либо представители высшей школы, либо выходцы из административных структур. Иначе говоря, в системе управления наукой произошла замена специалистов на администраторов.

Традиционно проблемным вопросом является ресурсное обеспечение исследований и разработок. На рис. 2 показаны доля науки в структуре ВВП — показатель, определенный рядом стратегических документов, и реальный показатель, который с начала этого века не превышал 1,1% [10].

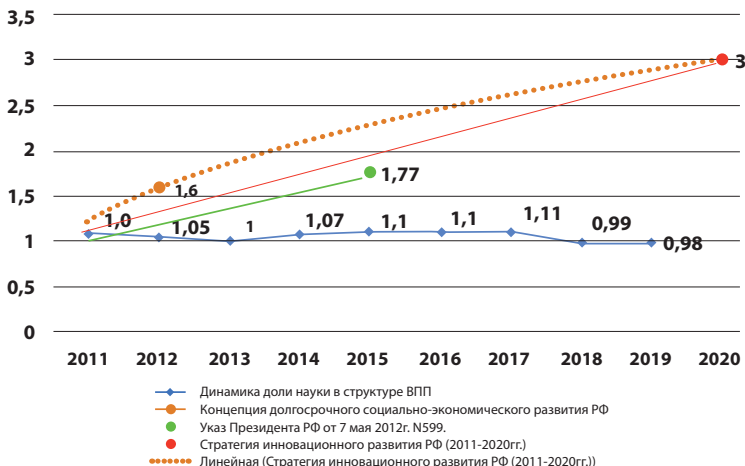

Рисунок 2. Доля науки в структуре ВВП: планы и реалии

По уровню внутренних затрат на одного исследователя Россия также существенно отстает от развитых стран (рис. 3).

По уровню внутренних затрат на фундаментальные исследования Россия также не входит в число мировых лидеров (рис. 4).

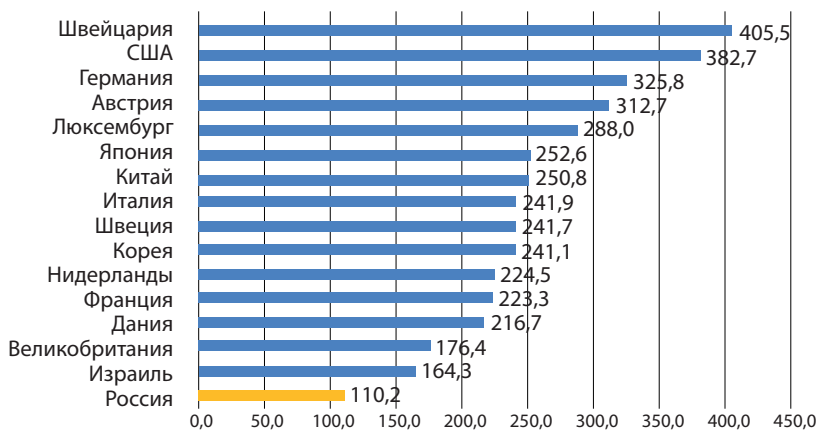

Рисунок 3. Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя в России и зарубежных странах (ИПРАН РАН), тыс. долл.

Также продолжается снижение численности специалистов, занятых в сфере исследований и разработок (рис. 5).

В 2018 году Президент России В.В. Путин сформулировал новый вектор развития страны, принципиально отличающийся от предыдущего. Теперь на первое место ставится повышение качества жизни, а не рост ВВП. При этом особый акцент делается на ликвидации научно-технологического отставания. В такой постановке вопрос

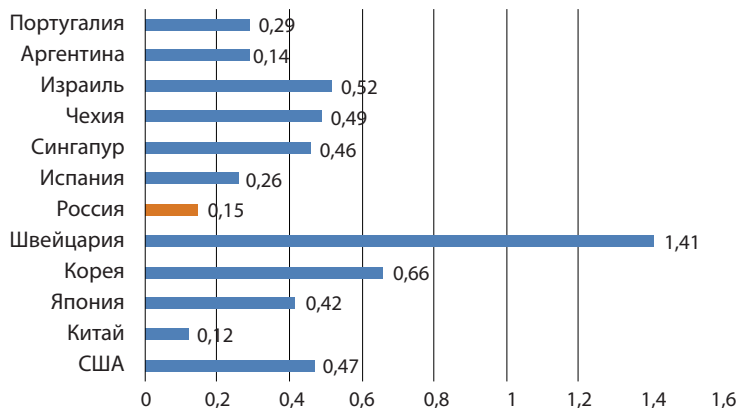

Рисунок 4. Внутренние затраты на фундаментальные исследования в России и зарубежных странах, в % к ВВП, 2017 г.

Источник: Наука, технологии и инновации России: крат. стат. сб. / [гл. ред. Л.Э. Миндели]. – М.: ИПРАН РАН, 2007–2019

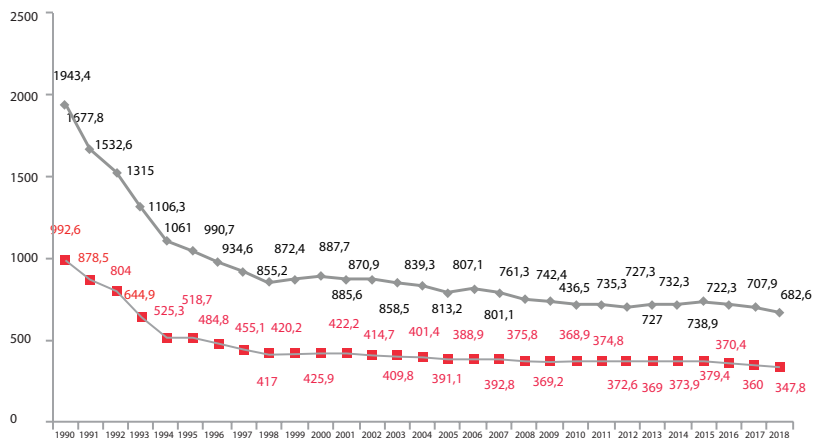

Рисунок 5. Динамика численности специалистов в сфере исследований и разработок (тыс. чел.)

ставится впервые. Иначе говоря, прямо указывается на то, что реформы, проводимые с 2004 года, не дали ожидаемого результата и нуждаются в тщательном пересмотре.

Однако за прошедшее время тенденции развития практически не изменились. Прежде всего это касается системы ресурсного обеспечения. Что же касается системы управления, то в мае 2021 года указом Президента Российской Федерации установлено, что функции формирования научно-технической политики будет осуществлять Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, а практическая реализация возлагается на правительственную комиссию по научно-техническому развитию.

Следующим этапом должно стать формирование единой государственной научно-технической политики, разработка нового законодательства, регулирующего научно-техническую и инновационную деятельность, восстановление целостной системы проведения фундаментальных научных исследований и подготовки научных кадров высшей квалификации, а также адаптация стратегических документов к условиям нового мирового уклада.

Библиографический список

1. Иванов В.В. Развитие фундаментальных институтов глобализации // Научные труды Вольного экономического общества России. № 3, 2020, т. 223, с. 223–235.
2. Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Экономические записки. — М.: РОССПЭН, 2008. — 191 с.
3. Российская экономика: курс лекций: в 2 кн. / Кн. 1. Истоки и панорама рыночных реформ / Е.Г. Ясин — 2-е изд. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. — 448 с.

4. Переходная экономика: теоретические аспекты, российские проблемы, мировой опыт / отв. ред. В.А. Мартынов, В.С. Автономов, И.М. Осадчая — М.: Издательство «Экономика», 2004. — 719 с.
5. Научно-техническая и инновационная политика. Российская Федерация. Т. 1. Оценочный доклад — М.: ОЭСР, 1994. — 124 с.
6. Голиченко О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. — М.: Наука, 2011.
7. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI (2-е изд.) — М.: Наука, 2015.
8. Иванова Н.И. Национальные инновационные системы. — М.: Наука, 2002.
9. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук, 2003, т. 73, № 5, с. 450–456.
10. Доклад о реализации государственной научно-технической политики и основных достижениях, полученных российскими учеными в 2020 году — М.: РАН, 2021. (<http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e86a4839-28fa-4378-82fe-489cff5a3da6&fbclid=IwAR2S21uqdDoXnA1u1-lX0adrD6E9Yl8a1AGuPctCseeBRlJ5k1VFFEBvN9w#content>).

References

1. Ivanov V.V. Razvitie fundamental'ny`x institutov globalizacii // Nauchny`e trudy` Vol'nogo E`konomicheskogo Obshhestva Rossii. № 3, 2020, t. 223, s. 223–235.
2. Gajdar E.T., Chubajs A.B. E`konomicheskie zapiski — М.: ROSSPE`N, 2008 — 191 s.
3. Rossijskaya e`konomika: kurs lekcij: v 2 kn. / Kn. 1. Istoki i panorama ry`nochny`x reform/ E.G. Yasin — 2-e izd. — М.: Izd. dom VShE`, 2019. 448 s.

4. Perexodnaya e`konomika: teoreticheskie aspekty`, rossijskie problemy`, mirovoj opy`t/ otv. Red. V.A. Marty`nov, V.S. Avtonomov, I.M. Osadchaya — M.: Izdatel`stvo «E`konomika», 2004. 719 s.
5. Nauchno-texnicheskaya i innovacionnaya politika. Rossijskaya Federaciya. T.1 Ocenochny`j doklad — M.: OE`SR, 1994. 124 s.
6. Golichenko O.G. Osnovny`e faktory` razvitiya nacional`noj innovacionnoj sistemy`: uroki dlya Rossii. — M.: Nauka, 2011.
7. Ivanov V.V. Innovacionnaya paradigma XXI (2-e izd.) — M.: Nauka, 2015.
8. Ivanova N.I. Nacional`ny`e innovacionny`e sistemy`. — M.: Nauka, 2002.
9. Makarov V.L. E`konomika znaniy: uroki dlya Rossii// Vestnik Rossijskoj akademii nauk, 2003, t.73 № 5 s. 450–456.
10. Doklad o realizacii gosudarstvennoj nauchno-texnicheskoj politiki i osnovny`x dostizheniyax, poluchenny`x rossijskimi ucheny`mi v 2020 godu — M.: RAN, 2021. (<http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e86a4839-28fa-4378-82fe-489cff5a3da6&fbclid=I-wAR2S21uqdDoXnA1u1-IX0adrD6E9Yl8a1AGuPctCseeBRJl5k1VFFEb-vN9w#content>)

Контактная информация / Contact information

Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 14.
Russian Academy of Sciences, 14, Leninsky prospect, 119991, Moscow,
Russia

Иванов Владимир Викторович / Vladimir V. Ivanov
+7 495 954-44-96, nauka@presidium.ras.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-97-116

30 ЛЕТ ФИНАНСОВОГО РАЗВИТИЯ В НОВОЙ РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ДИСБАЛАНСЫ

30 YEARS OF FINANCIAL DEVELOPMENT IN NEW RUSSIA: KEY IMBALANCES

МИРКИН ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ

Член Правления ВЭО России, заведующий
отделом международных рынков
капитала Института мировой экономики
и международных отношений имени
Е.М. Примакова РАН, д.э.н., профессор

YAKOV M. MIRKIN

Head of International Capital Markets,
Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations, Doctor
of Economics Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты ключевые дисбалансы финансового сектора, накопленные в течение 30 лет. В частности, анализируется неадекватность размеров финансового сектора масштабам экономики, низкий уровень финансового развития (слабая монетизация, низкая насыщенность кредитами и другими финансовыми инструментами). Представ-

лены другие многолетние деформации (избыточно высокий процент, постоянно «разогретая» инфляция, «штормовая» волатильность, сверхконцентрация и огосударствление, постоянно высокий вывоз капитала). Дается обзор причин, в результате действия которых возникли дисбалансы в финансовом секторе

ABSTRACT

The article reveals the key imbalances in the financial sector accumulated over the past 30 years. In particular, the inadequacy of the size of the financial sector to the scale of the economy, insufficient financial development (weak monetization, low accessibility of loans and other financial instruments) are analyzed. Other long-term imbalances are discussed (excessively high interest rates, persistently “hot” inflation, “stormy” volatility, overconcentration in the financial sector, excessive influence of state-controlled financial institutions, persistently high capital flight). Provides an overview of other distortions and causes that have led to imbalances in the financial sector

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Внутренний кредит, волатильность, дисбалансы, инфляция, монетизация, ссудный процент, финансовое развитие, финансовый сектор.

KEYWORDS

Domestic credit, financial development, financial sector, imbalances, inflation, lending interest rate, monetization, volatility.

30 лет финансовый сектор в России показывал высокие скорости изменений, крупнейшие риски и «штормовую» волатильность. Каких только событий не произошло за это время! Деноминация (1998), 2 денежные реформы (1991, 1993), 6 шоковых падений курса рубля (1994, 1998, 2008/2009, 2014, 2018, 2020), 3 острых финансовых кризиса (1998, 2008/2009, 2014–2016), гиперинфляция в 1990-е,

периоды высокой инфляции 2000–2020-х, буйный рост, а затем гибель многих тысяч банков и других финансовых институтов. И впереди — не меньше приключений.

Финансовый сектор России высокотехнологичен, цифровизирован, в нем случилось «чудо» — взрыв карточных/электронных розничных расчетов. Но все же, в итоге, какой финансовый сектор мы получили к 2022 году с точки зрения роста и модернизации экономики? В чем его ключевые, «застарелые» проблемы, которые обсуждаются уже десятилетиями?

ПРОБЛЕМА № 1. НЕАДЕКВАТНОСТЬ РАЗМЕРОВ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА И ЭКОНОМИКИ

Низкая монетизация. Финансовое развитие (financial development) — один из крупнейших трендов мировой экономики. Его ключевой индикатор — рост монетизации, насыщенности экономики деньгами. В 1960 г. показатель «Широкие деньги/ВВП» составил для мира в целом 50%, в 1994 г. — 92%, в 2000 г. — 100%, в 2020 г. — 144% (табл. 1). Скорости монетизации в России см. в табл. 1.

30 лет финансовый сектор в России — «мелкий», насыщенность деньгами кратно меньше среднемирового уровня и даже стран с уровнем дохода ниже среднего (табл. 1). Россия с точки зрения монетизации находилась в группе развивающихся стран, беднейших (в 1990-е гг.) и «среднего уровня развития» (в 2000-е). В 1994 г. Россия находилась на 113-м месте в мире по монетизации. Затем три десятилетия поднималась на более высокие места (в 2020 году в седьмом десятке стран). Тем не менее «мелкая» финансовая машина страны стала застарелой проблемой. Не решена задача выхода на параметры развитых стран и развивающихся

Таблица 1

Динамика монетизации в России, 1994–2020 гг.*

	Широкие деньги/ВВП, %				
	1994	2000	2010	2019	2020
Мир	91,7	99,8	108,3	126,0	144,1
По группе стран со средним уровнем дохода**	48,9	63,4	94,0	129,7	145,4
По группе стран с уровнем дохода ниже среднего**	43,1	47,0	64,3	70,5	74,6
Россия	21,2	21,4	51,4	58,6	70,4
Место в мире по монетизации	113	113	76	65	69

* World Bank Open Data, IMF IFS (Broad Money/GDP).

** Здесь и ниже — по классификации Всемирного банка («lower middle income», «middle income»), см. в World Bank Open Data.

стран, имеющих высокие темпы экономического роста (монетизация от 80–85% ВВП и выше в 2010–2020-х) (табл. 1). По-прежнему существует более чем 2-кратный разрыв в монетизации со странами среднего уровня дохода (табл. 1). Риски «мелкой финансовой машины» особенно повышаются в условиях «экономики черных лебедей» [1, с. 252–258].

Существуют страны с принципиально другими траекториями финансового развития. Сверхскоростной рост — у Китая. Монетизация в 1994 г. — 96,5% ВВП (8-е место в мире), в 2020 г. — 211% ВВП (3-е место в мире) (World Bank Open Data).

Связь между финансовой глубиной экономики, в том числе монетизацией, и ростом и зрелостью экономики является очевидной [2, с. 21–27; 3, с. 456–466], хотя не сверхжесткой. Динамика развития формируется под воздействием многих факторов, в том числе ресурсных. Вместе с тем очевид-

но, что жесткие ограничения в насыщении деньгами могут в серьезной степени сдерживать развитие экономики. И, наоборот, умеренная «избыточность» в деньгах, как и в других видах ресурсов, может его поощрять.

Низкая насыщенность кредитами. Еще один показатель финансового развития — насыщенность экономики банковскими кредитами, «Внутренний кредит банков частному сектору/ВВП». Он особенно важен для стран континентальной, азиатской, латиноамериканской моделей, в том числе для России. В них, в отличие от англо-саксонской модели, финансовые рынки имеют меньшее значение, чем банки. Насыщенность глобальной экономики банковскими кредитами постоянно повышается (зеркальное отражение роста монетизации). Насыщенность банковскими кредитами для мира в целом в 1960 г. — 33%, в 1994 г. — 82,7%, в 2000 г. — 81,7%, в 2020 г. — 99% (табл. 2). Анализ динамики «насыщенности» в России содержится в табл. 2.

Так же, как и в части монетизации, насыщенность кредитами в 1994 г. в России была кратно ниже среднемировой (в 6,8 раза) и значительно ниже в 2020 г. (в 1,65 раза) (табл. 2). Хотя уровень «насыщенности» в России перекрыл к 2010 г. страны с уровнем дохода ниже среднего, он остается двукратно ниже, чем в странах со средним уровнем дохода (табл. 2). В 1994 г. «насыщенность» была почти в 7 раз меньше среднемирового уровня, к 2019–2020 годам разрыв сократился, но тем не менее остался очень крупным (в 1,7 раза). В 1994–2020 гг. Россия передвинулась с 100-го места в мире по этому индикатору на места в седьмом десятке. Лучше, но недостаточно, чтобы убрать разрывы между потребностями в инвестициях на макроуровне (ради роста и модернизации) и их предложением.

Таблица 2

Изменения насыщенности кредитами банков частному сектору, 1994–2020 гг.*

	Внутренний кредит банков частному сектору/ВВП, %				
	1994	2000	2010	2019	2020
Мир	82,7	81,7	82,8	90,1	99,0
По группе стран со средним уровнем дохода	46,2	47,6	67,3	105,0	118,6
По группе стран с уровнем дохода ниже среднего	20,9	27,5	40,1	44,2	45,6
Россия	12,1	11,9	42,8	52,4	60,0
Место в мире по насыщенности кредитами	100	110	83	62	66

* World Bank Open Data, IMF IFS (Domestic Credit to Private Sector by Banks/GDP).

** В США – крайне диверсифицированный финансовый сектор, доля банков в его активах – не выше 25%, в России – выше 90%.

Слабая насыщенность финансовыми инструментами. Глубина их проникновения в поры экономики, способность через них привлекать инвестиции – еще один индикатор финансового развития. Таких индикаторов десятки (ценные бумаги, деривативы, страхование, частные пенсионные системы, лизинг и т.п.). Один из ключевых – «насыщенность» акциями (табл. 3).

Как и в других параметрах финансового развития (табл. 1–2), «мощность» финансового сектора России в части акций существенно ниже, чем в среднем в мире, чем в странах со средним уровнем дохода и чем в странах с уровнем дохода ниже среднего. В части рынка облигаций (рыночная

Таблица 3

Динамика «насыщенности» акциями экономики в России, 1994–2020 гг.*

	Капитализация рынка акций/ВВП, %				
	1997	2000	2010	2019	2020
Мир	83,4	102,8	88,4	113,9	133,9
По группе стран со средним уровнем дохода	н/д	н/д	64,7	59,3	78,5
По группе стран с уровнем дохода ниже среднего	н/д	н/д	63,9	60,3	81,9
Россия	19,7	20,3	57,5	46,9	46,8
Место в мире (величина капитализации)	40	42	33	40	39

* World Bank Open Data, Fred Economic Data (2021) // Federal Reserve Bank of St. Louis. Рыночная капитализация внутренних компаний, имеющих листинг/ВВП, % (Market Capitalization of Listed Domestic Companies, % of GDP).

стоимость облигационной массы/ВВП), по оценке, могли быть сделаны те же выводы. По другим сегментам финансового сектора — аналогично.

Дисбаланс между размерами экономики и финансового сектора. Анализ показывает, что размеры финансового сектора не адекватны величине и мировой роли российской экономики (табл. 4). Три десятилетия Россия занимала 11–20-е места в мире по размеру ВВП по номиналу, 6–9-е места в части ВВП по ППС. В то же время насыщенность деньгами составляла 65–113-е места (табл. 1), насыщенность кредитами — 62–100-е места (табл. 2), насыщенность акциями — 33–42-е места (табл. 3). Доля России в ВВП мира по номиналу колебалась в основном от 1,3 до 2,3% (табл. 4), но доля финансового сектора России в глобальных финансовых активах, по оценке, никогда не была выше 0,5–0,6%.

Таблица 4

Дисбаланс в объемах экономики России и ее финансового сектора, 1994–2020 гг.*

Россия	1994	2000	2010	2019	2020
Место в мире по ВВП по номиналу, долл. США	13	20	11	11	11
Доля России в мировом ВВП по номиналу, %	1,4	0,8	2,3	1,9	1,8
Место в мире по ВВП по ППС, межд. долл. США	6	9	6	6	6
Место в мире по монетизации (табл. 1)	113	113	76	65	69
Место в мире по насыщенности кредитами (табл. 2)	100	110	83	62	66
Место в мире по насыщенности акциями (табл. 3)	x	42	33	40	39

* Рассчитано по IMF World Economic Outlook Database October 2021.

ПРОБЛЕМА № 2. ИЗБЫТОЧНЫЙ ПРОЦЕНТ

Процент. Еще один важнейший макрофинансовый параметр — «цена денег», ссудный процент (Lending Interest Rate). Анализ его динамики см. в табл. 5.

Таблица 5

Динамика ссудного процента в России, 1997–2020 гг.*

Показатель	1997	2000	2010	2019	2020
Ссудный процент в России, %	32,0	24,4	10,8	8,8	6,8
Место в мире по величине ссудного процента (чем выше, тем хуже, тем больше процент)	86-е из 104 стран	87-е из 113 стран	75-е из 138 стран	50-е из 109 стран	40-е из 114 стран

* World Bank Open Data.

Таблица 5 демонстрирует, что за три десятилетия не удалось решить проблему сверхвысокого процента, что ссудный процент по-прежнему на уровне развивающихся экономик, что резко ухудшает условия для роста и модернизации. В 1997 г. у 85 из 104 наблюдаемых стран ссудный процент был ниже, чем у нас дома. В 2020 г. у 39 из 114 стран ссудный процент был меньше, чем в России (табл. 5). В 2021 г. ссудный процент в России вновь резко повысился.

ПРОБЛЕМА № 3. СВЕРХВЫСОКАЯ ИНФЛЯЦИЯ

Инфляция. За три десятилетия не удалось снизить инфляцию хотя бы до уровня стран со средним уровнем дохода (табл. 6). Падение роста цен в России происходило на фоне длительного ослабления инфляции во всем мире (а возможно, и в связи с ним). В 2021 г. произошла новая крупная вспышка.

Таблица 6

Динамика инфляции в России, 1994–2019 гг.*

	Изменение розничных цен за год, %				
	1994	2000	2010	2019	2020
Мир	10,2	3,6	3,3	2,1	1,9
По группе стран со средним уровнем дохода	13,8	4,6	4,0	2,7	2,7
По группе стран с уровнем доходаниже среднего	13,3	4,1	4,7	3,1	3,3
Россия	307,7	20,8	6,8	4,5	3,4
Место в мире по величине инфляции (чем выше, тем хуже, тем больше процент)	139-е место из 149 стран	147-е место из 163 стран	145-е место из 185 стран	132-е место из 163 стран	116-е место из 144 стран

* World Bank Open Data. Оценка инфляции – по индексу розничных цен (CPI).

В 1994 г. у 138 стран мира инфляция была ниже, чем в России, в 2020 г. — более чем у 100 стран мира (табл. 6).

ПРОБЛЕМА № 4. ВЫСОКАЯ ВОЛАТИЛЬНОСТЬ

Динамика курса рубля. Тренд длиной в три десятилетия — ослабление рубля, базирующийся на шоковых девальвациях (1994, 1998, 2008–2009, 2014, 2018, 2020 гг.) и временных стабилизациях рубля между ними (табл. 7). Рубль упал с 12,5 коп. за долл. США на начало июля 1992 г. до 69,5–76 руб. за долл. в 2021 г. (ЦБР, 1992 г. в денонмированных руб.).

Курсу рубля была свойственна очень высокая волатильность. Масштабы его колебаний (табл. 7):

Таблица 7

Колебания курса рубля, июль 1992–2021 гг.*

Внутригодовой курс рубля к долл. США (Максимальное значение — Минимальное значение)/ Минимальное значение, %									
07.1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
259,0	214,0	212,0	42,0	19,0	7,2	252,0	30,7	7,3	7,6
2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
5,9	9,0	6,1	5,6	8,8	9,5	25,4	27,1	9,9	19,9
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
17,6	11,8	107,6	48,2	38,7	8,7	25,3	8,9	32,7	8,7

* Официальные курсы Банка России (ЦБР). Значения — по абсолютной величине.

— сотни процентов в 1992–1994 гг. (шоки перехода к рынку), 1998 г. (кризис госдолга), 2014 гг. (кризис в России);

— десятки процентов в 1995 г. (шоки перехода), 1999 г. (кризис госдолга), 2008–2009 гг. (глобальный кризис, финансовые инфекции), 2011–2012 гг. (долговой кризис в ЕС),

2015–2016 гг. (кризис в России), 2018 г. (крупное расширение санкций), 2020 г. (уход вниз цен на нефть, пандемия);
 – в периоды «стабилизации» (12 из 29 лет) курсовые колебания были достаточно велики (от 5,6% до 9–11,8% (1997, 2000–2007, 2010, 2017, 2019 гг.)).

В табл. 8 даны примеры валютных шоков. Во время шоков колебания курса рубля внутри дня были выше, чем это отражают официальные курсы рубля. Падение рубля при взрывных девальвациях — от 28 до 197% (табл. 8).

Таблица 8

Шоки на валютном рынке России, июль 1992 – апрель 2021 г.*

Курс рубля к долл. США					
«Черный вторник», 1994 г.			Кризис госдолга, 1998 г.		
07.10	12.10	Изм.	22.08	09.09	Изм.
2,833	3,926	–38%	7,005	20,825	–197%
Валютный кризис, 2014 г.			Падение цены на нефть, пандемия, 2020 г.		
25.11	18.12	Изм.	18.02	24.03	Изм.
44,785	67,785	–51%	63,309	80,882	–28%

* Официальные курсы Банка России (ЦБР). Курсы 1994 г. – в деноминированных рублях.

Другие сегменты финансового рынка. Подобная волатильность наблюдалась и на других сегментах финансового рынка России — госдолга (1998 г.), акций (1995–2021 гг.), деривативов (1998–2021 гг.), в динамике ввоза-вывоза частного капитала. Падения внешних финансовых рынков в 1997 г. (азиатский кризис), 2008–2009 гг. (мировой кризис), 2020 г. (пандемия) воспроизводились в России с «усилением» в сравнении с рынками развитых стран. Анализ

более высокой волатильности рынка акций России в 1995–2010 гг. см. [4, с. 252–255].

При глубоком падении рынков акций мира с 09.02 по 15.03.2020 (первая волна пандемии) из 24 крупнейших рынков мира (14 развитых рынков, 9 развивающихся, композитный по еврозоне), глубже, чем в России (индекс RTSI), ушли вниз рынки акций только в Бразилии, Аргентине (исторически близки по волатильности к российскому) и ЮАР (расчет по yahoo.finance).

Волатильность и резкое сокращение сети финансовых институтов. Переход к рынку вызвал «штормовую волну» создания банков и других финансовых институтов (табл. 9). Своего максимума эта волна достигла в 1995 г. (более 2,5 тысячи банков), затем из года в год их число последовательно падало. В восстановительные 2001–2003 гг. это падение было замедленным, затем резко ускорилось (так называемая «очистка» банков, кризисы 2010-х). Число банков в России за четверть века сократилось в 7 раз, в 2015–2020 гг. («очистка») — в 2,2 раза (табл. 9).

Таблица 9

Изменения сети банков, 1992–2021 гг.*

Число банков, на конец года, ед.							
1992	1994	2000	2010	2013	2017	2020	2021 ноябрь
1713	2517	1274	1012	859	517	366	335

* Годовые отчеты Банка России, 1992–1997; Стат. бюллетень ЦБР, 1998–2021. Кредитные организации (банки), имеющие право на банковские операции – 1996–2021.

Этот процесс объективен (институциональный «взрыв» при создании рынка, затем — нормализация в течение

30 лет). Вместе с тем очевидна избыточная резкость в падении банков, «жестокость происходящего» в сравнении с другими экономиками, особенно во время «зачистки» 2015–2021 гг. Гибель почти 90% банков (выжили 13% созданных) — это не что иное, как огромные потери активов, денежных ресурсов, убытки бизнеса и вкладчиков — клиентов, вычет из ресурсов общества, в том числе бюджета. Убытки покрывались взносами из бюджета, а также денежной эмиссией (кредитами центрального банка) (см., например, финансовую отчетность Агентства по страхованию вкладов).

Те же процессы (взрыв создания — резкое сжатие, с крупнейшими потерями для общества и экономики) характерны для всех других видов финансовых институтов. Пример динамики сети брокеров — дилеров содержится в табл. 10.

Таблица 10

Динамика сети брокеров — дилеров (1995–2021 гг.)*

Брокеры — дилеры (некредитные организации) (без депозитариев и регистраторов), ед., на конец периода					
1995 апрель	1997 апрель	1999 июнь	2001	2015	2021 сентябрь
3176	5045	1628	618	422	178

* [4, с. 88; 2, с. 26]. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг, 2016–2021 (ЦБР).

Число брокеров — дилеров от пика в 1997 г. до осени 2021 г. сжалось в 28,3 раза. Как и в банках, этот распад, ярко выраженный в 1998–2000 гг. (кризис ГКО) и вновь «торжествующий» в 2014–2020 гг., неизбежно и глубоко затрагивает бизнес и активы их клиентов.

В конце 1999 г. на рынке действовали примерно 110 регистраторов, более 100 депозитариев [4, с. 90]. К осени 2021 г. на рынке остались 31 регистратор и 28 «чистых депозитариев» (сжатие в 3,5–4 раза) (Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг, 2016–2021, ЦБР).

В 1995 г. в России работали 30–40 негосударственных пенсионных фондов (НПФ), в 2000 г. — 227, в 2005 г. — 270 [4, с. 130], в марте 2011 г. — 151, в сентябре 2021 г. — 41 (Основные показатели деятельности НПФ, 2011–2021 ЦБР).

Их число упало более чем в 5 раз.

В 2009 г. в России были зарегистрированы 702 страховые организации [4, с. 142], к августу 2021 г. на рынке остались 149 страховых компаний [Реестр страховых организаций // Всероссийский союз страховщиков. Доступно: <https://www.insur-info.ru/register/2021-08/>]. Число сократилось более чем в 4 раза.

Скорость исчезновения небанковских институтов — примерно в 2 раза больше, чем банков. Их вымирание в регионах России было быстрее, чем в Москве.

ПРОБЛЕМА № 5. РОСТ КОНЦЕНТРАЦИИ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ, ОЛИГОПОЛИЗАЦИЯ, ГОСУДАРСТВЛЕНИЕ

Три тренда видны со всей яркостью с конца 1990-х годов:

— все более высокая концентрация финансовых активов, денег, финансовых рынков и институтов в Москве. Доля Московского региона в денежных средствах кредитных организаций на корсчетах в Банке России выросла с 46,8% в конце 1998 г. до 95–95% в 2021 г. (табл. 11). Это — заметное явление (хотя и связано отчасти с развитием централизованного управления ликвидностью в крупнейших банках). Часть

регионов вообще лишилась банков, имеющих местные корни и свою штаб-квартиру в регионе (больше 20 субъектов РФ к весне 2021 г.);

Таблица 11

Усиление концентрации денежных средств в Московском регионе*

Доля Московского региона в денежных средствах кредитных организаций на корсчетах в Банке России, %				
04.11.1997	2000	2010	2015	17.01.2022
53,7	58,2	65,3	77,7	94,7

* ЦБР.

— олигополизация, все большая концентрация активов в узкой группе финансовых институтов, прежде всего крупнейших банков, наряду с вымиранием малых и средних (табл. 12). Доля активов пяти крупнейших банков в общей сумме активов кредитных организаций выросла с 40,9% в начале 1998 г. до 64,6% в ноябре 2021 г. (табл. 12). Тот же тренд прослеживается и в других финансовых институтах. В 2020 г. за пятью крупнейшими НПФ — 63% активов всех НПФ (Основные показатели деятельности НПФ, ЦБР). Топ-5 организаций генерировали в 2019 году 44,5% активов страховщиков (Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков за 2019 год, ЦБР).

Таблица 12

Динамика концентрации активов в топ-5 кредитных организаций*

Доля активов топ-5 кредитных организаций в общей сумме активов кредитных организаций, %					
01.02.1998	01.12.2000	2010	2015	2019	01.11.2021
40,9	40,9	47,9	54,1	60,3	64,6

* Стат. бюллетень Банка России.

— огосударствление, все большая доля на рынке финансовых институтов с участием государства. Из пяти крупнейших российских банков (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Альфа-Банк, Россельхозбанк) четыре банка с государственным участием. По имеющимся оценкам, доля государства в собственности на банки достигла 70%.

ПРОБЛЕМА № 6. ХРОНИЧЕСКИЙ ВЫВОЗ КАПИТАЛА

30 лет финансовый сектор служит инструментом чистого вывоза частного капитала из России (высокие риски, налоги и административные издержки).

Таблица 13

Россия — экспортер частного капитала*

Чистый вывоз капитала частного сектора, млрд долл. США*							
1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
-14,4	-3,9	-23,8	-18,2	-21,7	-20,8	-24,8	-15,0
2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
-8,1	-1,9	-8,9	-0,1	+41,4	+81,7	-133,7	-57,5
2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
-30,8	-81,4	-53,9	-60,3	-152,1	-57,1	-18,5	-24,1
2018	2019	2020	х	х	х	х	х
-65,5	-22,1	-48,4	х	х	х	х	х

* (-) вывоз, (+) ввоз капитала. Бюллетень банковской статистики, 2008, № 12; 2012, № 1; Стат. бюллетень Банка России, 2015, № 12; 2021, № 4.

В 1994–2000 гг. чистый вывоз капитала частного сектора достиг 127,6 млрд долл. США, в 2001–2010 гг. — 132,9 млрд долл., в 2011–2020 гг., по нарастающей — 583,4 млрд долл., всего — 843,9 млрд долл. (табл. 13).

Плюс масштабным вывозом капитала занимается государство. Международные резервы, в их составе Фонд национального благосостояния, другие резервы бюджета, если они в валюте — это инвестиции в чужие экономики (по состоянию на лето 2021 г. не менее 400 млрд долл., без учета запасов золота). Не слишком ли много? Не перебор ли с рисками (риски замораживания активов)? Оптимальный размер резервов обсуждается с начала 2000-х годов.

Мы намного хуже, чем должны были бы быть в сравнении с другими странами, в части прямых долгосрочных иностранных инвестиций. Мы преимущественно демонстрируем портфельные инвестиции, когда в страну входят горячие деньги. Но при любых внешних шоках, при любой демонстрации повышения рисков на Россию начинается так называемое паническое бегство капиталов, и вот эта встроенность горячих денег в финансовый сектор приводит к одному и тому же. Это спусковой крючок финансовых кризисов, и это было и в 1997-м, в 1998-м, и в 2008–2009 годах, и в 2014-м, в 2018-м, и только что в 2020 году при негативном изменении внешних переменных (падение мировых цен на сырье, или при внешних шоках, когда приходит глобальный финансовый кризис, или при иных неприятных обстоятельствах).

ПРОБЛЕМНАЯ МОДЕЛЬ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

Можно перечислять и другие крупные проблемы финансового сектора (слишком большая регулятивная нагрузка (перерегулирование), его неинвестиционная направленность, зависимость от кэрри-трейдеров и горячих денег из-за рубежа, избыточные денежные резервы государства, слишком низкий госдолг и неиспользование его возможностей

для финансирования развития [5, с. 152–160] и др.). В любом случае, можно констатировать, что за 30 лет в России сформировалась модель финансового сектора (см. выше):

- не адекватная размерам экономики (в 2–3 раза меньше, чем должна быть);
- одна из самых волатильных, наиболее рискованных — из крупнейших в мире;
- в 4–7-м десятке стран по уровню финансового развития;
- встроенные деформации (избыточно, хронически высокие инфляция и процент, «встроенные» в финансовый сектор);
- сверхконцентрация в Москве и Московском регионе (активы, ликвидность, управление и т.д.);
- нарастающее огосударствление;
- четверть века является инструментом вывоза капитала из России.

Эта модель не произвольна, она — функция от: а) модели экономики России 1990–2020-х гг.; б) денежно-кредитной, валютной, процентной политики, политики регулирования финансового сектора, какими они сложились с середины 1990-х годов. Подробный анализ факторов формирования проблемной модели финансового сектора России см. [6, с. 30–91; 7, с. 323–369; 8, с. 119–142].

Хотя по-прежнему живы мечты о том, что удастся построить крупную финансовую машину в России для роста и модернизации, и что эти мечты все-таки реализуются в последующие 5–10 лет. Хорошо известно, как это делается на примере 15–20 стран, совершивших «экономическое чудо» после второй мировой войны (и совершающих его сегодня).

Библиографический список

1. Головнин М. (2021). Влияние пандемии на мировую финансовую систему // Научные труды ВЭО России. Т. 230. № 4. С. 252–258. DOI:10.38197/2072-2060-2021-230-4-252-258.
2. Миркин Я. (2002). Рынок ценных бумаг России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — М.: Альпина Пабlishер.
3. Ершов М., Танасова А. (2018). О монетизации, процентных ставках и экономическом росте // Научные труды ВЭО России. Т. 213. № 5. С. 456–466 // http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo_213.pdf, дата обращения 23.05.2021.
4. Миркин Я. (2011). Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: КНОРУС, GELEOS Publishing House.
5. Ершов М. (2021). О возможностях расширения механизмов поддержки экономики РФ // Научные труды ВЭО России. Т. 227. № 1. С. 152–160. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-152-160.
6. Клепач А. (2021). Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность // Научные труды ВЭО России. Т. 227. № 1. С. 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91.
7. Миркин Я. (2019). Российская экономическая модель // Научные труды ВЭО России. Т. 214. № 6. С. 323–369 // http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo_214.pdf, дата обращения 15.01.2022.
8. Миркин Я. (2021). Финансовый сектор России: 30 лет высокой волатильности внутри глобальных финансов // Контурь глобальных трансформаций. Т. 14. № 5. С. 119–142. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6.

References

1. Golovnin M. (2021). Vlijanie pandemii na mirovujuu finansovuju sistemuu // Nauchnye trudy VJeO Rossii. T. 230. № 4. S. 252–258. DOI:10.38197/2072-2060-2021-230-4-252-258.

2. Mirkin Ja. (2002). Rynok cennyh bumag Rossii: vozdejstvie fundamental'nyh faktorov, prognoz i politika razvitiya. — M.: Al'pina Pablisher.
3. Ershov M., Tanasova A. (2018). O monetizacii, procentnyh stavkah i jekonomicheskom roste // Nauchnye trudy VJeO Rossii. T. 213. № 5. S. 456–466 // http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo_213.pdf, data obrashhenija 23.05.2021.
4. Mirkin Ja. (2011). Finansovoe budushhee Rossii: jekstremumy, bumy, sistemnye riski. M.: KNORUS, GELEOS Publishing House.
5. Ershov M. (2021). O vozmozhnostjah rasshirenija mehanizmov podderzhki jekonomiki RF // Nauchnye trudy VJeO Rossii. T. 227. № 1. S. 152–160. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-152-160.
6. Klepach A. (2021). Social'nyj i innovacionnyj povorot rossijskoj jekonomiki: plany i real'nost' // Nauchnye trudy VJeO Rossii. T. 227. № 1. S. 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91.
7. Mirkin Ja. (2019). Rossijskaja jekonomicheskaja model' // Nauchnye trudy VJeO Rossii. T. 214. № 6. S. 323–369 // http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo_214.pdf, data obrashhenija 15.01.2022.
8. Mirkin Ja. (2021). Finansovyj sektor Rossii: 30 let vysokoj volatil'nosti vnutri global'nyh finansov // Kontury global'nyh transformacij. T. 14. № 5. S. 119–142. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6.

Контактная информация / Contact information

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy Of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.

Миркин Яков Моисеевич / Yakov M. Mirkin
yakov.mirkin@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-117-132

**НАУЧНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**
**RUSSIAN SCIENCE
AND TECHNOLOGY
COMPLEX: PROBLEMS
AND PROSPECTS
OF DEVELOPMENT**

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, главный экономист
ВЭБ.РФ

ANDREY N. KLEPACH

Member of the Management Board of VEO
of Russia, Chief Economist at VEB.RF

АННОТАЦИЯ

Развитие науки и технологий рассматривается как ведущий драйвер экономического и общественного развития в XXI веке. В то же время, несмотря на отдельные достижения, научно-технологический комплекс России отстает в научно-технологической гонке, разворачивающейся в мире. Расходы на НИОКР стагнируют, а количество исследователей продолжает сокращаться. Назрело не только резкое увеличение финансирования научных исследований и разработок, но и кардинальная перестройка системы управления наукой и технологическим развитием и повышение статуса ученых и науки в целом.

ABSTRACT

The development of science and technology is considered as the leading driver of economic and social development in the 21st century. At the same time, despite some achievements, the scientific and technological complex of Russia is lagging behind in the scientific and technological race unfolding in the world. R&D spending is stagnating and the number of researchers continues to decline. Not only a sharp increase in funding for research and development is overdue, but also a radical restructuring of the system of managing science and technological development, and an improvement in the status of scientists and science as a whole.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наука и технологии, фундаментальная и прикладная наука, государственные сбережения.

KEYWORDS

Science and technology, fundamental and applied science, state savings.

Jel: E320, E58, O11.

Острой проблемой как 30 лет Новой России, так и особенно последнего 10-летия являются процессы, происходящие с отечественным научно-технологическим комплексом. Конечно, в отличие от производства стали, яиц и мяса, научные результаты трудно посчитать и оценить. Качественные оценки здесь важнее количественных. Можно согласиться, что исходная проблема заключается в том, что наука перестала быть самостоятельным видом деятельности и особой такой ценностью или производительной деятельностью, а превратилась в услугу. Это не особая система созидания и производства, а система потребления и обслуживания. Правда, сейчас и образование — это услуга, а не особая ценность, и здравоохранение тоже услуга. В Новой России все — экономика одних услуг.

Наука — это все же часть экономики знаний или, если можно так сказать, интеллектуальная составляющая нашей российской экономики, и она должна характеризоваться опережающим развитием. Однако реальная картина говорит о нарастающем отставании не только от наших мировых конкурентов, но и от развития других секторов российской экономики.

2021-й — это не только второй год пандемии, но и Год науки. С 2018 года реализуется нацпроект по развитию науки. До этого принимался целый пакет стратегических решений: Стратегия развития науки и инноваций до 2010 года, Стратегия инновационного развития до 2020 года, указ президента 2012 года о развитии науки, цели развития науки и инноваций в указе 2018 года. В концепции долгосрочного социально-экономического развития, принятой в 2008 году, предполагалось к 2018 году выйти на уровни расходов на

НИОКР в ВВП в 1,77% и создать конкурентоспособную экономику знаний и инноваций. Новые приоритеты и большие вызовы перед наукой были заданы в Стратегии развития науки и технологий от 2014 года. Стратегических целей много, и в большинстве своем они правильные, но они так и не были выполнены, за исключением задачи повышения заработной платы ученым целевых категорий до 200% от средней заработной платы в регионе, и то, частично путем сокращения численности ученых.

В чем причина разрыва между целями и результатами? Неэффективный механизм управления наукой и инновациями? Однако все эти годы происходила серьезная институциональная перестройка научно-производственного сектора под флагом повышения его эффективности. Сформировалась новая система институтов, которые реализовывают инновационные высокотехнологичные проекты. Это Роснано, система НТИ, «Сколково», запуск работы по mega science, создание грантовой системы. Сложилась система венчурного бизнеса, хотя ее масштабы в разы уступают показателям развитых стран и российские стартапы, повзрослев, во многом предпочитают находить финансирование и набирать вес в США, Британии или азиатских странах. Реорганизовали Академию наук, лишив ее полномочий по управлению институтами, передав их в руки государственного агентства ФАНО, а потом и Министерства науки и образования. Повысило это эффективность научной и технологической деятельности? Думаю, нет. В разделении управления имуществом научных учреждений и собственно научных исследований, по-видимому, есть рациональное зерно, но нового качества координации научных исследований не сформировалось.

Есть определенные реальные технологические прорывы — нанотрубки, вакцины. Надо отдать должное, произошел серьезный рывок по композитным материалам и аддитивным технологиям. Мы сделали не только свои препреги, но и начали серийно производить волокно с характеристиками до 500–700 ГП. Есть достижения в суперкомпьютерах, работах по искусственному интеллекту, традиционно достаточно сильные ведущие позиции в ядерных и лазерных технологиях, сверхпроводимости. Увеличивается публикационная активность, хотя абсурдно, когда она превращается в главный показатель научной деятельности, включая прикладную науку, от которого зависит оценка статуса институтов и объемы их финансирования.

В то же время общий уровень расходов на науку по отношению к ВВП стагнирует уже 13 лет, и Год науки не стал исключением. Хотя в реальном выражении расходы на НИОКР за этот период действительно возросли, их прирост в разы уступает приросту государственных сбережений.

Отношение НИОКР к инвестициям несколько повысилось, но в развитых странах оно существенно выше (от 12 до 20%). Если в 2013–2020 годах прирост сбережений в ФНБ в 1,7 раза превысил общий объем НИОКР за семь лет, то в 2021–2024 годах этот разрыв может возрасти до 3,7 раза. Мы, как Плюшкин, сберегаем и сберегаем вместо того, чтобы инвестировать в производство знаний и капитала. Национальные сбережения уже сейчас позволяют поднять уровень накопления капитала и расходов на науки и технологии на 5–6% ВВП (при этом уровень госсбережений остался бы на уровне 2012 года), но для эффективного использования этих ресурсов не хватает кадров, оборудования и эффективного управления.

Таблица 1

Динамика государственных сбережений и инвестиций в развитие

Показатель	2008	2012	Δ (2012 – 2008)	2020	Δ (2020 – 2012)	2024	Δ (2024 – 2020)
Внутренние затраты на НИОКР, млрд руб.	431	700	269	1175	475	1868	694
% ВВП	1,04	1,03		1,10		1,23	
в т.ч. средства государства	279	475	196	785	311	1227	441
% ВВП	0,68	0,70		0,73		0,81	
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	8782	12 586	3805	20 118	7532	29 848	9729
% ВВП	21,3	18,5		18,8		19,6	
в т.ч. государственные	1405	1713	308	3762	2049	5663	1901
% ВВП	3,4	2,5		3,5		3,7	
отношение ВЗИР к инвестициям в основной капитал	4,9	5,6	7,1	5,8	6,3	6,3	7,1
в т.ч. государственные	19,9	27,7	63,5	20,9	15,2	21,7	23,2
Нефтегазовые фонды (ФНБ), объем на конец года, млрд руб.	4358*	4576	218	13 649	9073	28 913	15 263
% ВВП	10,6	6,7		12,7		18,6	

Источник: расчеты Института исследований и экспертизы ВЭБ.

* На конец 2007 г. За 2008 г. ФНБ вырос на 2254 млрд рублей и достиг 16% ВВП, после чего в кризис 2009 г. существенно сократился и восстановился только в 2012 году.

Количество исследователей и занятых в сфере НИОКР в России, в отличие от всех других стран, постоянно сокращается. За тринадцать лет почти на 45 тыс. и 150 тыс. человек соответственно. Соотношение инженеров и исследователей к общему количеству занятых, и особенно в промышленности, у нас одно из самых низких в мире. То есть мы теряем не только научные, но и — что, может быть, для технологического развития и для конкурентоспособности важнее — инженерные кадры. По объему публикаций и патентов Россия значительно уступает другим странам, однако по относительному уровню отдачи на одного исследователя и на рубль затрат мы вполне сопоставимы. Разговоры о необходимости приоритизации расходов на научные исследования и необходимости определиться с их эффективностью фактически стали прикрытием для систематического недофинансирования науки и отсутствия нормального механизма выработки самих стратегических приоритетов.

В целом устойчиво понижающаяся динамика этих индикаторов показывает, что, несмотря на декларации, научно-технологическая деятельность не является реальным приоритетом ни для государства, ни для бизнеса. При этом дело не только в недостатке ресурсов финансовых и человеческих или в дефиците научного оборудования, но и в отсутствии четких целей дальнейшего движения.

В принятой госпрограмме развития науки и технологий поставлена задача увеличения расходов на НИОКР, но в основном за счет частного бизнеса, тогда как роста государственных расходов в реальном выражении в ней не предусмотрено. Номинальное увеличение расходов в текущем 2022 году полностью объясняется включением в ее состав

Динамика финансовых и материальных ресурсов научно-технологического сектора

№	Страна	НИОКР, млрд долл. по ППС		Фондовоо-руженность, млрд долл.		Число исследователей, тыс. чел.		Заработная плата ¹ , пост. долл. США 2018 года по ППС	Патенты ² , тыс. шт.		Публикации web of science, тыс. шт.	
		2008	2019	2008	2019	2008 ³	2019		2008	2019	2008	2019
1	США	407,2	657,5	н.д.	н.д.				429	522	327	489,7
2	Китай	145,1	525,7	н.д.	н.д.	2069,7			204	1328	108	495,2
3	Япония	148,7	173,3	н.д.	н.д.	890,7	942,2		510	454	77	116,9
4	Германия	81,2	148,2	н.д.	н.д.	437,8	667,4	7237	172	178	83	131,1
5	Республика Корея	43,9	102,5	н.д.	н.д.	300,1	538,1		173	249	34	82,9
6	Франция	46,6	73,3	163,0	225,3	289,0	430,0		62	67	62	106,2
7	Великобритания	407,2	56,9	59,6	64,6	377,2	535,5		51	55	86	155,1
8	Россия	30,1	44,5	11,3	18	375,8	348,2	2279	31	30	28	89,6
9	Израиль	8,7	18,7	н.д.	н.д.				11	16	12	21,9
10	Чехия	3,6	8,9	12,8	11,7	44,2	63,7	3092	2	2	8	24,1

Источник: данные ОЭСР, Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

¹ Заработная плата Германии и Чехии представляет собой среднюю валовую заработную плату по разделу «Деятельность профессиональная, научная и техническая», пересчитанную на полный рабочий день. В отношении среднемесячной зарплаты в России используются данные, рассчитанные на основании сборников 2-наука.

² Статистика по патентам: <https://www3.wipo.int/ipstats/IpsStatsResultvalue>.

³ Численность исследователей: Китай 2012 год; Германия 2007 год; Великобритания 2007 и 2018 годы.

НИОКР, которые ранее финансировались по линии Минпрома, Росатома и других ведомств.

При сохранении сложившихся тенденций с учетом средств, предусмотренных в бюджете до 2024 г. и государственной программе развития науки и технологий, прорыва в развитии научного сектора получить не удастся, лишь небольшое улучшение показателей, при нарастающем отставании от мировых лидеров. Увеличение расходов на НИОКР до 1,2–1,3% ВВП, тогда как развитые страны уже сейчас имеют расходы выше 2%. Если мы хотим быть лидерами, то относительный уровень расходов на науку и технологии у нас должен быть не ниже, а выше, чем у наших соперников, как это и было в Советском Союзе. При этом повышение производительной силы науки предполагает опережающее развитие именно прикладных исследований и/или крайних этапов инновационного цикла, тогда как при сложившемся формате госпрограмм и проектов сфера прикладных и прорывных разработок является самым узким местом.

На Совете при Президенте РФ по развитию науки и образования в начале года науки говорилось о необходимости усиления координации научных исследований и опережающего развития прикладных разработок. Был принят указ президента по расширению полномочий Совета и созданию правительственной комиссии по развитию науки и технологий с полномочиями, аналогичными комиссии по развитию военно-промышленного комплекса. Год прошел, и мы видим скорее обратную картину, эффективность координации не повысилась, а понизилась.

Ранее в 2000-е годы указом президента утверждались приоритетные научно-технологические направления.

Таблица 3

Тенденции развития фундаментальных и прикладных исследований

Показатель	2007	2012	2017	2018	2019	2020	2021	2024	2030	цель
ВЗИР всего	371,1	699,9	1019,2	1028,2	1134,8	1174,5	1348,0	1724,7	2514,8	
% ВВП	1,12	1,03	1,11	0,98	1,03	1,10	1,08	1,18	1,24	>2-2,5
Фундаментальные исследования (за счет средств фед. бюджета)	54,8	86,6	117,0	149,6	192,5	203,2	202,0	256,6	406,9	
% ВВП	0,17	0,13	0,13	0,14	0,17	0,19	0,16	0,19	0,20	
Доля фундаментальных исследований во ВЗИР, финансируемых за счет всех источников	14,8%	12,4%	11,5%	14,5%	17,0%	17,3%	15,0%	14,9%	16,2%	25%
Прикладные исследования	316,3	613,2	902,2	878,7	942,3	971,3	1146,0	1468,1	2107,8	
за счет средств федерального бюджета	77,9	269,3	260,9	270,9	296,7	346,4	315,4	352,9	473,1	
% ВВП	0,24	0,40	0,28	0,26	0,27	0,32	0,25	0,24	0,23	
за счет госсредств через компании	99,7	118,9	296,5	268,8	263,1	235,8	389,7	533,9	770,9	
% ВВП	0,30	0,17	0,32	0,26	0,24	0,22	0,31	0,37	0,38	
частные средства	138,7	225,1	344,8	339,0	382,5	389,1	440,9	581,2	863,9	
% ВВП	0,42	0,33	0,38	0,32	0,35	0,36	0,35	0,40	0,42	
доля во ВЗИР	37,38	32,16	33,83	32,97	33,7	33,1	32,7	33,7	34,4	60-70
Доля прикладных исследований во ВЗИР, финансируемых за счет всех источников	85,2%	87,6%	88,5%	85,5%	83,0%	82,7%	85,0%	85,1%	83,8%	75,0%

Крайний указ, утверждавший 32 приоритетных направления, принимался в 2011 году. С тех пор никаких стратегических решений, которые оформлены решениями президента или правительства, нет. В самой госпрограмме никаких приоритетов научных и технологических направлений нет. Они частично отражены в стратегии научно-технологического развития в качестве больших вызовов. Предполагалось, что дальше на втором этапе они будут конкретизированы, но до настоящего времени такая конкретизация не проведена.

В то же время определенная приоритизация все же сложилась. В рамках национальной технологической инициативы определены в настоящее время 13 технологических инновационных направлений, которые должны создать новые рынки к 2030 году. Часть из них получило развитие в виде «проектов-маяков» в составе стратегических инициатив правительства (беспилотное автодвижение, беспилотное судовождение и авиаперевозки, электротранспорт в городах, персонализированные медицинские помощники). Однако серьезного заказа на фундаментальные разработки в рамках НТИ все же нет, как и стыковки с госзаданием по линии Академии наук и госпрограммой развития науки и технологий. Правительство утвердило ряд дорожных карт по приоритетным технологическим направлениям, с компаниями-лидерами во главе (композитные материалы, аддитивные технологии, интернет вещей, квантовые коммуникации и вычисления, искусственный интеллект), которые также не согласованы с НТИ и с госпрограммой.

Три года шла разработка комплексных научно-технических программ (КНТП) полного инновационного цикла. В бюджете до 2024 года зарезервированы небольшие

деньги, в разы меньше сумм запрашиваемых по паспортам программ, что не может не сказаться и на планируемых результатах. Не говоря о том, что планируемое финансирование многократно уступает аналогичным программам в США, Китае и Евросоюзе. Единственная КНТП, которую государство начало с текущего года финансировать, — это детское питание. Крайне нужный проект, но он не является драйвером научно-технологического развития, при этом остальные проекты остались пока вообще без денег.

В начале текущего 2022 года на заседании Совета были поддержаны три особо важных государственных инновационных проекта (мониторинга парниковых газов, научно-технологическая платформа реагирования на инфекционные заболевания, низкоуглеродная энергетика замкнутого цикла). Темы безусловно важные, но они не увязаны с другими направлениями и сам нормативно-правовой статус особо важных государственных проектов не определен. Не доведя до ума одни инициативы, мы начинаем другие.

Самая болевая точка — это все же не фундаментальная наука, а прикладная, или, что точнее, прорывные заделные разработки. Одно дело — фундаментальные исследования и их отражение в публикациях, цитировании, а другое дело — экспериментальные работы наших физических, химических, биологических институтов, требующих научного оборудования и опытных установок. Огромный исследовательский и инженерный корпус сосредоточен в государственных научных центрах (43 центра). Именно они ведут основные работы по космическим технологиям, авиационным, по новым двигателям, системам связи, тем же элементам микроэлектроники, фотоники, новым ма-

териалам. Тем не менее это сфера традиционно недофинансируется еще в большей степени, чем академические институты, и механизм координации ее развития толком так и не сформировался. Дополнительной проблемой является отсутствие координации работ, которые идут по линии Министерства обороны и гражданской тем. Это то, что кардинально отличает нынешнюю ситуацию от того, что было в советское время и что есть сейчас в Соединенных Штатах, где фундаментальная наука — математика, физика — во многом подпитывается именно заказами министерства обороны, причем перспективного плана. Серьезного диалога и взаимодействия между Минобороны и Минобрнауки не сложилось. При этом надо отдать должное, бизнес, особенно под влиянием санкций, пошел в науку, особенно в прикладную. И Газпром, и Роснефть, и «Газпром нефть» начали увеличивать финансирование, а главное — ставить более конкретные и долгосрочные задачи перед исследователями, включая академическую фундаментальную науку.

Особенно острой темой является вопрос так называемых прорывных, задельных работ. Для них нет специальной нормативной базы, к ним особенно не применимы процедуры 44-ФЗ и 223-ФЗ по закупкам. Принятое решение об исключении из отраслевых госпрограмм прорывных исследовательских работ нанесло также значительный вред этому направлению работ. Их можно финансировать только по линии Минобрнауки, хотя такое ведомственное межевание несовместимо с единством процесса исследований и разработок.

Инициатив получается много, инструментов тоже, а денег не хватает и целостной стратегии или программы развития научно-технологического комплекса не склады-

вается. Отсутствует даже обновленный прогноз научно-технологического развития, последняя версия которого была разработана 12 лет назад. Наши соперники и партнеры — США, Япония, Евросоюз, Китай — тратят в разы больше средств на приоритетные цели, но главная проблема — все же не в размерах финансирования, а в отсутствии эффективной координации научных и технологических разработок и всех участников этого процесса, что было сильной стороной советской системы управления наукой и техническим развитием.

В последние годы основное внимание правительства было сосредоточено не на развитии науки, а на образовании, строительстве кампусов, запуске новых стратегических инициатив «Студенческое предпринимательство» и «Инженерные школы». Студенческое предпринимательство — это все же не приоритет высшего образования, а проект инженерных школ выглядят скорее как дополнительное обучение для инженеров в вузах, чем собственно развитие инженерных школ в корпорациях и ведущих научных центрах и лабораториях. Минобрнауки в последние годы правильнее было бы назвать Министерством образования, потому что наука там занимает не приоритетное направление. Созданные научно-образовательные центры (НОЦ) не смогли стать действенным механизмом взаимодействия вузов и академической науки. Это инструмент привлечения ученых из институтов в вузовскую науку, а не инструмент совместной работы исследовательских центров и вузов.

Фактически мы в последние годы пытаемся реализовать англосаксонскую модель развития науки в университетах, вместо продолжения сильных традиций советской, а исто-

рически — немецкой науки, но с учетом новых требований и необходимости ее модернизации. В целом затянувшийся процесс поиска все новых и новых моделей и институциональных форм, подменяющий черновую ежедневную работу, и хронический дефицит финансирования угрожают нарастанием технологического отставания и утратой ведущих научных позиций.

Хотелось, чтобы путь, который проходит российская наука и весь научно-технологический комплекс страны, можно было бы назвать путь «через тернии к звездам», хотя есть угроза, что он может стать путем «через тернии в острова». Вместо целостного развития науки и экономики знаний при продолжении сложившихся тенденций можно получить фрагменты, острова разработок.

Таблица 4

Тенденции развития экономики знаний и технологий

Показатель (в текущих ценах, % ВВП)	Сценарий	2018	2020	2025	2030	2035
Продукции высоко- и среднетехнологичных и наукоемких отраслей	Баз.	21,3	23,4	24,8	27,2	28,7
	Опт.			29,6	36,6	43,3
Образование	Баз.	2,8	3,1	3,4	3,9	4,2
	Опт.			4,1	5,3	6,2
Здравоохранение	Баз.	3,0	3,5	3,5	3,9	4,1
	Опт.			4,6	5,4	6,6
Научные исследования и разработки	Баз.	1,5	1,4	1,3	1,4	1,4
	Опт.			1,6	2,6	3,2
Финансовый сектор	Баз.	4,3	4,9	3,6	3,7	3,9
	Опт.			4,3	4,8	5,6

Источник: Росстат, Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

В целом вклад сектора науки в производство ВВП (добавленной стоимости), по данным Росстата, понизился с 1,7% ВВП в 2013 году до 1,4% в 2020-м, хотя доля наукоемкого сектора — около 19% и можно сказать, что на 1 рубль научной деятельности в конечном счете приходится до 13,2 рубля наукоемких видов деятельности и 16,5 рубля высоко-, среднетехнологичных и наукоемких производств. Если в консервативном базовом сценарии развития научной сферы особого прорыва не происходит, то в оптимистичном варианте наука сможет резко повысить свой вклад в экономическое развитие страны и обеспечить превращение наукоемких, высоко- и среднетехнологичных отраслей в ведущий сектор будущей экономики России.

При всех терниях, проблемах у России есть все возможности, даже при ограниченности ресурсов, совершить прорыв и не просто удержаться 9-10-е место и войти в пятерку и быть лидером в ряде ключевых направлений. Ключевое звено, которое может переломить ситуацию, — создание эффективной системы координации исследований и разработок и повышение статуса ученого и науки.

Контактная информация / Contact information

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»

Москва, 125009, ул. Воздвиженка, д. 10.

VEB.RF, 10, Vozdvizhenka Street, Moscow, 125009, Russia.

+7 (495) 604-63-63, info@veb.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-134-154

**РОЛЬ HR-БРЕНДА
В ОРГАНИЗАЦИИ
РАБОЧИХ ПРОЦЕССОВ
КОМПАНИЙ
НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

**THE ROLE OF THE HR-BRAND
IN THE ORGANIZATION
OF WORK PROCESSES
OF COMPANIES
IN THE OIL AND GAS
SECTOR:
THEORETICAL AND
PRACTICAL ASPECTS**

ПОПОВА ПОЛИНА АНАТОЛЬЕВНА

Студентка 2-го курса магистратуры кафедры менеджмента и маркетинга Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия

POLINA A. POPOVA

Second-year student of the Master's degree of the Department of Management and Marketing D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia

КОПЫЛОВА ЛАРИСА ЕВГЕНЬЕВНА

Кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия

LARISA E. KOPYLOVA

PhD in engineering, senior lecturer of the Department of Management and Marketing D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты роли HR-бренда в условиях конкуренции компаний нефтегазового сектора на рынке труда. Представлена взаимосвязь построения позитивного бренда работодателя и повышения общего уровня вовлеченности персонала в развитие организации, а также оптимизации рабочих процессов в целом. В условиях долгосрочного экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, даже крупные нефтегазовые компании по всему миру испытывают нехватку высококвалифицированных кадров. Поэтому необходимо прикладывать усилия и разрабатывать мероприятия по совершенствованию HR-бренда для того,

чтобы создать привлекательное место труда как для своих сотрудников, так и для соискателей.

ABSTRACT

The article considers the theoretical and practical aspects of the role of the HR-brand in the conditions of competition of oil and gas companies in the labor market. The article presents the relationship between building a positive employer brand and increasing the overall level of staff involvement in the development of the organization, as well as optimizing work processes in general. In the context of the long-term economic crisis caused by the COVID-19 pandemic, even large oil and gas companies around the world are experiencing a shortage of highly qualified personnel. Therefore, it is necessary to make efforts and develop measures to improve the HR-brand in order to create an attractive place of work for both its employees and applicants.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

HR-бренд, бренд работодателя, нефтегазовый сектор, компания, рынок труда, рабочие процессы, роль HR-бренда, пандемия COVID-19.

KEYWORDS

HR-brand, employer brand, oil and gas sector, company, labour market, business (work) processes, role of the HR-brand, COVID-19 pandemic.

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности и сложностью прогнозирования, в связи с чем ведение хозяйственной деятельности сопряжено с потребностью постоянного обновления и развития человеческих ресурсов. Таким образом, человеческие ресурсы занимают центральное место в современных концепциях управления. Успех любой компании, в том числе функционирующей в нефтегазовом секторе, напрямую зависит от эффективности и результативности работы ее

сотрудников, то есть именно «человеческий фактор» — ключевой элемент роста производительности труда и социально-экономического развития компании в целом.

С каждым годом обостряется конкуренция между работодателями (отдельными юридическими/физическими лицами, отраслями, регионами и даже государствами). Связано это в первую очередь с тем, что на рынке труда существует дефицит талантливых и высококвалифицированных специалистов. Также постоянно растут и расширяются требования к работодателю со стороны соискателей. Данная ситуация получила особое название — «рекрутинговый бум», который, в свою очередь, и актуализировал такое направление в работе, как организация рабочих HR-процессов через грамотное построение HR-бренда компании (или бренда работодателя) [3, с. 65].

HR-бренд — это мощный стратегический инструмент, который позволяет снижать затраты работодателя на привлечение и наем сотрудников, увеличивать процент релевантных входящих резюме, повышать уровень лояльности и вовлеченности сотрудников, нанимать высококлассных специалистов, снижать процент текучести персонала, а также создавать условия стабильного развития всей компании и приобретать устойчивое положение в период экономических спадов. Именно благодаря сильному HR-бренду и отлаженным HR-процессам предприятие может выгоднее представить себя в глазах работающих и уволенных сотрудников, соискателей, клиентов и общественности.

HR-бренд любого предприятия ввиду своего комплексного и раздробленного характера является вызовом с точки зрения методологии изучения. Следует учитывать такие факторы влияния, как экономика, психология, социальный

контекст, рыночные аспекты локального и мирового масштаба [5, с. 37]. Следует помнить, что понятие HR-бренда не эквивалентно социальному имиджу и не является элементом последнего. Бренд работодателя — это самостоятельная характеристика организации, на основе которой соискатели делают выбор при трудоустройстве, он является «социальным конструктом, в котором прослеживается взаимное влияние ожиданий и впечатлений внешней и внутренней среды»¹.

Любая сфера бизнеса так или иначе зависит от людей, которые работают или планируют устроиться в организацию. В зависимости от сферы рынка роль людей либо определяющая, либо как минимум важная. С каждым годом возрастает значимость процессов формирования HR-бренда в сложных отраслях промышленности (так, например, авиационная, угольная и горнодобывающая, химическая, металлургическая, нефтегазовая). Особое внимание в данной статье будет уделено нефтегазовому сектору по трем основным причинам:

- доминирующая роль в российской и мировой экономике;
- многочисленность занятого персонала в отрасли;
- огромное влияние на экологию.

Все это в той или иной мере заставляет предприятия нефтегазовой промышленности пересматривать существующую парадигму взаимоотношений с субъектами рынка труда, а также грамотно формировать HR-бренд, опосредованно формируя положительное отношение к самому сектору со стороны общественности. Однако можно отметить отсут-

¹ Никишина А.Ю. Сущность, создание и продвижение HR-бренда современных организаций [Текст] / А.Ю. Никишина // Журнал SCI-ARTICLE. — 2017. — № 5. — С. 6–11.

стве проработанной стратегии формирования бренда работодателя в нефтегазовой отрасли, что позволяет говорить об актуальности рассматриваемой темы как в целом для отечественных компаний, так и для нефтегазового сектора. На данный момент методологические основы и первичные теории логики проработки HR-бренд компании находятся на стадии разработки, хотя и как направление науки данная тематика нашла отражение во многих областях общей теории менеджмента (так, например, в маркетинге и экономики труда) [4].

Сам термин «HR-бренд» — синоним зарубежного понятия «Employer Brand», что означает «бренд работодателя». Прежде всего, это инструмент позиционирования компании на рынке труда. На основании бренда работодателя/компании люди, ищущие работу, ориентируются на рынке труда и оценивают привлекательность того или иного предприятия с учетом своих ценностей, потребностей и желаний [6]. Результаты исследования Randsatd Employer Brand Research за 2015–2020 гг., свидетельствуют, что свыше 83% соискателей проверяют репутацию компании через HR-форму, социальные сети и иные инструменты [9, с. 15].

Впервые понятие «HR-бренд компании» появилось в научной литературе в 1990 году. С. Бэрроу в журнале «Journal of Brand Management» сделал первую публикацию: «HR-бренд — это совокупность функциональных, психологических и экономических преимуществ, создающих образ работодателя»². Именно благодаря этой публикации научное сообщество стало отождествлять бренд человеческих ресурсов с брендом работодателя, что в итоге дало возможность протестировать на практике взаимосвязь инструментов бренд-менеджмента и HR-управления.

² Ambler T., Barrow S. The employer brand // Journal of brand management. — 1990. — V. 4, № 3. — P. 286.

Что касается отечественных исследований в области HR-бренда, то их можно отнести в основном к концу 2000-х годов [5]. Многие публикации, прежде всего, были посвящены трансформации «рынка работодателя» в «рынок работника», целесообразности использования концепции HR-бренда в современных российских компаниях, сущности и опыту применения.

Сегодня не существует общего определения понятию «HR-бренд компании», однако многие авторы (Е.В. Шестакова, Н.А. Осовицкая, О.М. Исаева, Б. Минчингтон и др.) рассматривают его с точки зрения «образа компании, который складывается в сознании настоящих и бывших сотрудников, соискателей, клиентов, медиа, бизнес-партнеров и формирует общее впечатление об этом месте работы»³.

HR-бренд играет важную роль в организации рабочих процессов компании. Образ компаний формируется годами через четко продуманные механизмы и технологии. Нефтегазовый сектор можно отнести в этом контексте к особо рисковому, и это обуславливает потребность выработки четкой стратегии формирования бренда.

Структура HR-бренда компании, в том числе функционирующего и в нефтегазовой отрасли, включает в себя основные элементы (см. рис. 1):

- «Фундамент» — миссия, традиции, ценности предприятия и т.п.
- Ценностное предложение предприятия в качестве работодателя или EVP (Employer Value Proposition), или внутренний HR-брендинг.

³ Осовицкая Н.А. HR-брендинг: управление талантами, онлайн-обучение, геймификация и еще 15 эффективных практик. — СПб.: Питер, 2016. — 240 с.

- Внешний маркетинг (коммуникация с внешней средой) или внешний HR-брендинг.

Все элементы HR-бренда компании должны быть четко проработаны и качественно применены с учетом цели, миссии и принципов работы в конкретной отрасли. Только так можно повысить эффективность бизнеса и добиться высоких показателей хозяйственной деятельности.

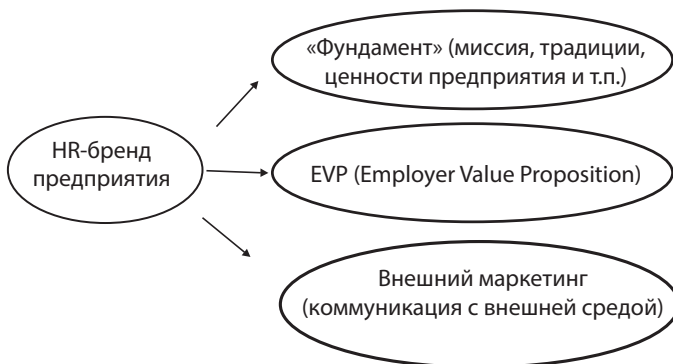

Рисунок 1. Структура HR-бренда предприятия [5]

Внешний маркетинг — способы коммуникации с внешней средой с помощью следующих методов:

- event-мероприятия;
- работа в СМИ и социальных сетях;
- сотрудничество с учебными заведениями;
- работа с лидерами мнений и т.п.

По мнению представителей бизнес-сообществ, «привлекать и удерживать талантливых сотрудников можно только с помощью грамотно выстроенного HR-бренда»⁴. Согласно

⁴ Гилянская А.А. Бренд работодателя как инструмент управления человеческими ресурсами [Текст] / А.А. Гилянская // Управление персоналом. — 2020. — № 7. — С. 16–24.

результатам международного исследования Employer Brand International (EBI), в 2010–2013 гг. лишь 23% отечественных компаний выделяли финансовые средства на развитие HR-бренда. Сегодня же (начало 2021 года) около 40% компаний в России пытаются разрабатывать эффективную стратегию построения HR-бренда (см. рис. 2) [2].

Тем не менее отмечается, что целенаправленную работу по формированию и развитию бренда работодателя ведут менее половины отечественных компаний.

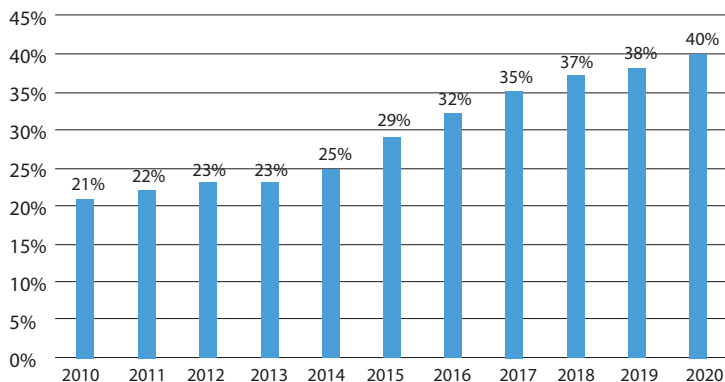

Рисунок 2. Количество отечественных компаний, выделяющих финансовые средства на развитие HR-бренда, 2010–2020 гг. (%) [2]

Если сравнить с позицией компаний нефтегазового сектора, то здесь можно сделать следующий вывод: практически все крупные нефтегазовые предприятия (так, например, ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Транснефть» и др.) ведут политику по формированию HR-бренда, но не так активно, как это делают их европейские и американские коллеги. А вот среди мелких и средних компаний нефтегазового сектора лишь около 35% от общего количества делают акцент

на своем HR-бренде (основные усилия прикладываются только для формирования общего социального имиджа) [11].

По оценкам специалистов в области управления персоналом, в России акцент на бренд работодателя был сделан совсем недавно: «Российские компании пытаются не просто запустить проекты по развитию своего HR-бренда, но и соответствовать лучшим западным предприятиям, применяя уже существующие принципы и современные стратегии развития. Отставание российских практик от зарубежных за последние пару лет значительно сократилось»⁵.

В последние годы нефтегазовый сектор Российской Федерации претерпевает ряд существенных изменений, которые относятся не только к добыче нефти, установлению рыночной цены и прибыльности отрасли в целом, но и к подбору персонала. Сегодня многие предприятия нефтегазовой отрасли сталкиваются со сходными HR-проблемами и рисками [11]:

- нехватка рабочей силы (сотрудников, разбирающихся в сложных технологических процессах);
- устаревшие способы и методы привлечения новой целевой аудитории («реклама рабочих мест»);
- смена поколений сотрудников сопровождается сложностью перехода их работы на новый технологический уровень;
- молодежь (поколение Y, или миллениалы) не хочет работать в неэтичной отрасли.

По результатам социологического исследования, проведенного в начале 2021 года энергетической рекрутинговой компанией Airswift, было установлено, что почти половина опрошенных компаний по всему миру (свыше 48%)

⁵ Руководство по построению HR-бренда // Консалтинговый центр HeadHunter. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hhcdn.ru/file/16594198.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).

уже имеют кадровый дефицит в своем географическом регионе, а 27% готовятся к нехватке рабочей силы через 3–4 года. Регион, который с каждым годом все активнее сталкивается с дефицитом квалифицированного труда, — Европа, в частности Великобритания, Россия, Норвегия, Дания [11]. Ученые также обеспокоены тем, что зарубежные и отечественные предприятия в нефтегазовом секторе делают меньше открытий и не хотят вкладываться в инновации и качественную разведку (без вреда окружающей среде), а, следовательно, наносят урон и своему имиджу [12]. Это обуславливает общую специфику найма сотрудников в нефтегазовом секторе и определяет перспективное и стратегическое направление для компаний — формирование позитивного HR-бренда.

Обобщив, можно заключить, что на проблему кадров в нефтегазовом секторе необходимо смотреть в контексте четырех составляющих:

- временного аспекта (какая отрасль была раньше и какой она будет завтра);
- возрастного аспекта (смена поколений сотрудников);
- экономико-политического аспекта (влияние рыночных условий и ситуации, вызванной пандемией COVID-19);
- маркетинга в применении к управлению кадрами (HR-брендинг, цель которого нарастить конкурентные преимущества на рынке труда и получить лояльных сотрудников).

В основу построения позитивного HR-бренда предприятия нефтегазового сектора всегда должны закладываться четко сформулированные ценностные предложения работодателя. В свою очередь, эти ценностные предложения следует выработать с учетом запросов и ожиданий целевых ауди-

торий (работающих сотрудников, соискателей, клиентов, партнеров, бывших сотрудников), а также стратегических планов и текущего конкурентного положения в нефтегазовой отрасли.

При формировании HR-бренда отечественные нефтегазовые предприятия (такие как ПАО «НК „Роснефть“», ПАО «Газпром нефть», ПАО «НОВАТЭК», ПАО «Лукойл», ПАО «Транснефть» и др.) в основном делают упор на создание ценностных предложений, направленных на уже имеющих сотрудников (взаимодействие с внутренней целевой аудиторией), а также работают в области экологии и благотворительности, уделяя мало внимания работе с еще только потенциальными сотрудниками.

Все ценностные предложения соответствуют общей стратегии развития нефтегазового сектора и корпоративной культуре каждой отдельной компании. Работникам предлагают:

- возможность для профессионального и карьерного роста;
- постоянное повышение квалификации;
- разные формы материального и нематериального стимулирования;
- возможность принимать непосредственное участие в бизнес-проектах (самореализация и творческая деятельность);
- конкурентоспособный компенсационный пакет;
- социальные программы и поддержку.

Что же касается построения коммуникаций с внешней целевой аудиторией, в частности соискателями молодого возраста (студентами, старшеклассниками и молодыми специалистами), то здесь можно ответить существенно мень-

шую интенсивность работ. По оценкам HR-специалистов, за последние 5–7 лет у отечественных предприятий появилась одна значительная проблема — донесение ценностей бренда до молодежи 16–23 лет и популяризация рабочих специальностей нефтегазовой отрасли [12]. В настоящее время в связи с долгосрочным экономическим кризисом, вызванным пандемией COVID-19, реальное положение дел на рынке труда говорит о нехватке высококвалифицированных кадров даже в крупных отечественных и зарубежных компаниях нефтегазового сектора. В середине 2021 года были опубликованы результаты исследования сервиса по поиску работы HeadHunter, которые показали, что 37% опрошенных людей в возрасте от 35 до 50 лет хотели бы работать в нефтегазовой отрасли. Однако среди российских студентов в данной сфере хотели бы работать лишь 11%. Наиболее предпочтительными сферами для работы молодежи стали: искусство и культура (23,5%), IT и интернет-сети (34,1%), государственная служба (41,4%) [10]. Таким образом, можно говорить о том, что компании нефтегазового сектора не уделяют должного внимания своим HR-брендам, что сказывается на заинтересованности в них как работодателей.

Работа в области экологии и благотворительности также оказывает влияние на общее восприятие бренда работодателя нефтегазовой компании на рынке труда. Отечественные компании освещают в медиа деятельность по данным направлениям, пассивно формируя внешний HR-бренд. На практике кейсы российских компаний в области медийной активности подтверждают тезис о приоритизации с образом компании в понимании сотрудников, а не кандидатов.

ПАО «НК „Роснефть“» ведет системную работу в части корпоративной социальной ответственности, придерживаясь

главного принципа — создание благоприятной социальной среды на предприятиях и в регионах своего присутствия. Деятельность ПАО «НК „Роснефть“» включает следующие направления:

- медицинское обслуживание — наличие экстренной помощи на объектах, система обеспечения охраны здоровья;
- социальный пакет — корпоративное кредитование по жилищной программе, пенсионная программа и поддержка ветеранов, улучшение условий труда;
- экология — участие в экологических программах;
- культура — меценатство в области культуры, поддержка национальной культуры в регионах (культурное наследие) [15].

За последние несколько лет ПАО «НК „Роснефть“» удалось реализовать следующие проекты, оказавшие значительное влияние на формирование HR-бренда: модернизация системы водоснабжения в Ингушетии; проект по биологической очистке сооружений «Башнефть-Уфанефтехима» (Башкирия); строительство взлетно-посадочной полосы и реконструкция аэропорта (Красноярский край); инвестирование в проекты ГМИИ им. Пушкина, сотрудничество с Академическим симфоническим оркестром Санкт-Петербургской филармонии им. Д.Д. Шостаковича; «социальная медицина» (расширение сети промышленных здравпунктов, внедрение качественно новой программы диспансеризации и развитие телемедицинских технологий) и др. [15].

ПАО «Газпром нефть» в полной мере несет социальную ответственность перед обществом, постоянно совершенствует свою деятельность в области промышленной и экологической безопасности и охраны труда. За 2019–

2020 гг. расходы на мероприятия в данных областях превысили 35,7 млрд руб. [16]. Основные направления деятельности ПАО «Газпром нефть» в сфере социальной ответственности:

- вклад в развитие регионов присутствия (содействие росту конкурентоспособности территорий своего присутствия и повышению качества жизни местных сообществ, реализация масштабной программы социальных инвестиций и развитие сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами);
- программа «Родные города» (пять стратегических направлений), объединившая многие социальные проекты компании (реализация в 28 городах России);
- производственная и экологическая безопасность, охрана труда, энергоэффективность и энергосбережение;
- развитие кадрового потенциала (забота о благополучии сотрудников и обеспечение максимума возможностей для их развития).

Крупнейший независимый производитель природного газа в России ПАО «НОВАТЭК» в начале сентября 2021 года подписал соглашение с Банком Японии для международного сотрудничества (JBIC) — стратегического сотрудничества по проектам с низким углеродным следом [17]. Данное сотрудничество позволяет не только создать положительный социальный имидж компании в глазах общественности, но и укрепить бренд работодателя в глаза сотрудников и соискателей. Можно говорить о том, что HR-бренд транслируется через разные каналы коммуникации, в том числе и через международное сотрудничество. Только четкое HR-позиционирование на рынке труда позволит закрепить за предприятием нефтега-

зового сектора такой бренд работодателя, к которому приходят и у которого остаются лучшие сотрудники.

Важно понимать, что если компания стремится стать лидером в нефтегазовой отрасли, то для нее формирование HR-бренда и ведение социально ответственного бизнеса становится конкурентным преимуществом. Однако, согласно многим международным исследованиям, направленных на изучение и сравнение опыта зарубежных и отечественных нефтяных/газовых компаний, в число первых и самых передовых входят такие компании, как ExxonMobil, British Petroleum, Chevron, ConocoPhillips, RD/Shell, ENI S.P.A. и др. Иными словами, именно зарубежные компании больше и чаще направляют денежные средства на благотворительные проекты, а также проекты в области здоровья своих сотрудников, безопасности и экологии в целом. Так, например, в 2020 году ExxonMobil на развитие регионов своего присутствия направило 59,3 млн долларов, на образование — 28,1 млн долларов, на развитие кадрового потенциала — 24,5 млн долларов, на экологию — 18,9 млн долларов [18].

Российские нефтяные и газовые компании еще не пришли к осознанию важности укрепления и развития своего HR-бренда и социальной ответственности в целом. Конечно, российские предприятия осознают необходимость социальной активности и свою социальную ответственность, но на текущий момент рассматривают это как источник информационных поводов, а не как ключевое звено стратегического развития в области кадрового потенциала. Зарубежная практика работы в этой области построена на принципах выстраивания сквозных цепочек взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами и больше соответствует повестке ESG (environment, social, governance).

Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что тактика формирования позитивного HR-бренда в условиях пандемии COVID-19 должна быть комплексной и опираться на четкое понимание последствий каждого принятого решения, то есть на общую стратегию антикризисного управления. Инвестиции, направленные на оптимизацию процесса поиска и подбора кадров, никогда не оправдываются, если не обращать внимания на конкурентную рыночную позицию с точки зрения HR-бренда [4]. Формирование положительного HR-бренда — это кропотливая и достаточно долгая работа, требующая усилий со стороны руководства. Задача каждого предприятия создать свой уникальный HR-бренд, став вне конкуренции на рынке труда. Благодаря данному элементу стратегического управления можно не только создать эффективную систему управления персоналом, но и получить результаты, превосходящие ожидания, привлекая высокомотивированных сотрудников в компанию.

Библиографический список

1. Ambler T., Barrow S. The employer brand // Journal of brand management. — 1990. — V. 4, № 3. — P. 286.
2. Гишинская А.А. Бренд работодателя как инструмент управления человеческими ресурсами [Текст] / А.А. Гишинская // Управление персоналом. — 2020. — № 7. — С. 16–24.
3. Кондрашова Р.Ю. HR-брендинг и корпоративная культура [Текст] / Р.Ю. Кондрашова // «ФОРУМ» — научно-практический журнал Волгоградского филиала МГЭИ. — 2020. — № 3. — С. 61–68.
4. Куприянчук Е.В., Щербаклова Ю.В. Управление персоналом: ассесмент, комплектование, адаптация, развитие: Учебное пособие.

- [Текст] / под ред. Е.В. Куприянчук, Ю.В. Щербакова. — М.: Риор, 2016. — 255 с.
5. Ляшенко Т.В. HR-брендинг: теоретические и практические аспекты [Текст] / Т.В. Ляшенко // Экономика и менеджмент. — 2017. — № 4(6). — С. 36–41.
 6. Никишина А.Ю. Сущность, создание и продвижение HR-бренда современных организаций [Текст] / А.Ю. Никишина // Журнал SCIENTIFIC ARTICLE. — 2017. — № 5. — С. 6–11.
 7. Осовицкая Н.А. HR-брендинг: управление талантами, онлайн-обучение, геймификация и еще 15 эффективных практик. — СПб.: Питер, 2016. — 240 с.
 8. Шестакова Е.В. Формирование модели HR-бренда предприятия в системе управления человеческими ресурсами: монография / Е.В. Шестакова, М.В. Хомидова — М.: Креативная экономика, 2020. — 162 с.
 9. Шмелева А.И. Роль бренда работодателя в новой реальности [Текст] / А.И. Шмелева // Управление персоналом. — 2020. — № 2. — С. 10–17.
 10. Исследования рынка труда, 2018–2021 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hh.ru/article/research> (дата обращения: 26.09.2021).
 11. Объединение лидеров нефтегазового сервиса и машиностроения России. Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. Особенности кадрового голода нефтегаза. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nangs.org/news/education/osobennosti-kadrovogo-goloda-neftegaza-lyudi-esty-znaniy-net> (дата обращения: 26.09.2021).
 12. Особенности работы в нефтегазовой отрасли. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/persons/632538-osobennosti-raboty-v-neftegazovoy-otrasli/> (дата обращения: 26.09.2021).

13. Парадоксы рынка труда: компаниям сложно найти качественный персонал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hrdocs.ru/novosti/kompaniyam-slozhno-najti-personal/> (дата обращения: 26.09.2021).
14. Руководство по построению HR-бренда // Консалтинговый центр HeadHunter. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hhcdn.ru/file/16594198.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).
15. Социальная политика ПАО «НК „Роснефть“». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/Development/social/> (дата обращения: 26.09.2021).
16. Отчетность ПАО «Газпром нефть» в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/social/responsibility/> (дата обращения: 26.09.2021).
17. Пресс-релизы и мероприятия. НОВАТЭК и JVIC подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве по низкоуглеродным проектам. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=4635 (дата обращения: 26.09.2021).
18. Корпоративная социальная ответственность (Обзор опыта международных нефтяных компаний). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://csrjournal.com/1481-korporativnaja-socialnaja-otvetstvennost-obzor.html> (дата обращения: 26.09.2021).

References

1. Ambler T., Barrow S. The employer brand // Journal of brand management. — 1990. — V. 4, № 3. — P. 286.
2. Gilinskaya, A.A. The employer's brand as a tool for human resource management / A.A. Gilinskaya // Personnel management. — 2020. — No. 7. — pp. 16–24.

3. Kondrashov, R.Y. employer branding and corporate culture / R.Y. Kondrashova // FORUM — scientific journal of the Volgograd branch ihei. — 2020. — No. 3. — P. 61–68.
4. Kupriyanchuk, E.V., Shcherbakov, Yu. V. personnel Management: the assessment, acquisition, adaptation, development: Training manual. / edited by E.V. Kupriyanchuk, Yu. V. Shcherbakov. — Moscow: Rior, 2016 — 255 p.
5. Lyashenko, T.V. HR-branding: theoretical and practical aspects / T.V. Lyashenko // Economics and Management. — 2017. — № 4(6). — Pp. 36–41.
6. Nikishin, A.Y. Essence, creating and promoting the HR brand of modern organizations / A. Nikishin // Journal of SCI-ARTICLE. — 2017. — No. 5. — P. 6–11.
7. Osowiecka, N.A. HR-branding: talent management, online learning, gamification and 15 other effective practices. — St. Petersburg: Peter, 2016. — 240 p.
8. Shestakova, E.V. Formation of the HR brand model of an enterprise in the human resource management system: monograph/E.V. Shestakova, M.V. Khomidova-M.: Creative Economy, 2020. — 162 p.
9. Shmeleva, A.I. The role of the employer’s brand in the new reality / A. I. Shmeleva // Personnel management. — 2020. — No. 2. — pp. 10-17.
10. Labor Market Research, 2018–2021 [electronic resource]. — URL: <https://hh.ru/article/research> (26.09.2021)
11. Association of leaders of the oil and gas service and mechanical engineering of Russia. National Association of Oil and Gas Service. Features of the personnel shortage of oil and gas. [electronic resource]. — URL: <https://nangs.org/news/education/osobennosti-kadrovogo-goloda-neftegaza-lyudi-esty-znaniy-net> (26.09.2021)
12. Features of work in the oil and gas industry. [electronic resource]. — URL: <https://neftegaz.ru/news/persons/632538-osobennosti-raboty-v-neftegazovoy-otrasli/> (26.09.2021)

13. Paradoxes of the labor market: it is difficult for companies to find high-quality personnel. [electronic resource]. — URL: <http://hrdocs.ru/novosti/kompaniyam-slozhno-najti-personal/> (26.09.2021)
14. Guide to building an HR brand // HeadHunter Consulting Center. [electronic resource]. — URL: <https://hhcdn.ru/file/16594198.pdf> (26.09.2021)
15. Social policy of PJSC “NK “Rosneft”. [electronic resource]. — URL: <https://www.rosneft.ru/Development/social/> (26.09.2021)
16. Gazprom Neft PJSC’s sustainability reporting. [electronic resource]. — URL: <https://www.gazprom-neft.ru/social/responsibility/> (26.09.2021)
17. Press releases and events. NOVATEK and JBIC have signed an agreement on strategic cooperation on low-carbon projects. [electronic resource]. — URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=4635 (26.09.2021)
18. Corporate social responsibility (Review of the experience of international oil companies). [electronic resource]. — URL: <https://csrjournal.com/1481-korporativnaja-socialnaja-otvetstvennost-obzor.html> (26.09.2021)

Контактная информация / Contact information

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия

125480, Москва, Миусская пл., д. 9.

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, 9, Miusskaya pl., Moscow, 125480, Russia

Попова Полина Анатольевна / Polina A. Popova

Копылова Лариса Евгеньевна / Larisa E. Kopylova

polinaanatolievna@mail.ru

kopyiloval@muctr.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-155-167

**БЕЗРАБОТИЦА
В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ:
НЕКОРРЕКТНАЯ
СТАТИСТИКА (15-ЛЕТНИХ
ШКОЛЬНИКОВ СЧИТАЮТ
БЕЗРАБОТНЫМИ)**

**UNEMPLOYMENT
IN THE RUSSIAN
FEDERATION:
INCORRECT STATISTICS
(15-YEAR-OLD
SCHOOLCHILDREN
ARE CONSIDERED
UNEMPLOYED)**

ЗОТОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

Профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», д.э.н., профессор

VLADIMIR B. ZOTOV

Professor of the Department of State and Municipal Administration of FSBOU VO “State University of Management”, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена проблема некорректного учета данных о безработице в Российской Федерации на основании материалов официальной статистики за 2020–2021 гг. Для проведения оценки использованы материалы официального сайта Росстата, а также данные социологических опросов. По результатам исследования делается вывод о том, что подходы по учету данных о безработице в России должны учитывать реальную ситуацию на рынке труда. Кроме этого, используемая методология Росстата по учету трудоспособного населения противоречива и некорректна, при этом крайне спорным выступает учет якобы трудоспособного возраста с 15 лет. Росстатом не учитываются данные об официальном трудоустройстве среди подростков, а статистика неофициального трудоустройства детей и подростков остается латентной. Некорректная статистика недопустима потому, что показатели безработицы являются важнейшей основой для государственной стратегии развития экономики и социального развития.

ABSTRACT

This article considers the problem of incorrect accounting of unemployment data in the Russian Federation on the basis of official statistics for 2020–2021. For the assessment, the materials of the official website of the Federal State Statistics Service, as well as data from sociological surveys, are used. According to the results of the study, it is concluded

that approaches to accounting for unemployment data in Russia should take into account the real situation in the labor market. In addition, the Rosstat methodology used to account for the able-bodied population is contradictory and incorrect, while accounting for the allegedly working age from 15 years is extremely controversial. Rosstat does not take into account data on official employment among adolescents, and statistics on unofficial employment of children and adolescents remain latent. Incorrect statistics are unacceptable because unemployment rates are the most important basis for the state strategy for the development of the economy and social development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Официальные статистические данные, безработица, трудоспособное население, подросток.

KEYWORDS

Official statistics, unemployment, working-age population, teenager.

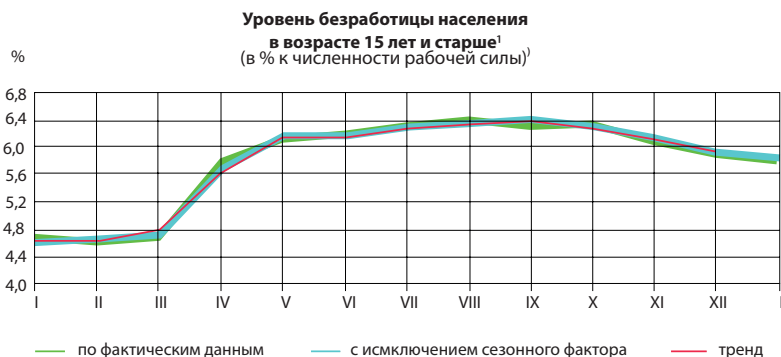
Ситуация в сфере занятости населения является основополагающей для экономики любого государства и во многом определяет его развитие не только на ближайшую перспективу, но и в долгосрочном периоде. Это выглядит важным, т.к. многие экономические и инфраструктурные проекты реализуются в течение значительного временного интервала и привлечение необходимых трудовых ресурсов на различных стадиях их осуществления выступает одним из главных факторов успешной и своевременной реализации.

Также важно и обеспечение трудовыми ресурсами предприятий, оказывающих значительное влияние на повседневную жизнь простого человека и социума в целом: продовольственных магазинов и других торговых предприя-

тий, служб бытовых услуг, предприятий сферы ЖКХ, энергетики, социального обслуживания и др.

Важно отметить, что в условиях действия негативных макроэкономических факторов, вызванных пандемией COVID-19, в целом мире и в нашей стране, в частности, обострилась ситуация на рынке труда.

Так, по данным Росстата, в течение 2020 года уровень безработицы превысил 6,5%. В начале 2021 года показатель составил 5,8%, но это значение было выше, чем в январе 2020 года (рис. 1).

1) Оценка данных с исключением сезонного фактора осуществлена с использованием программы "JDemetra+". При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

Рисунок 1. Уровень безработицы в России в течение 2020 года, % (приводится по данным Росстата [1])

Согласно официальной статистике, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в январе 2021 г. составила 75 млн чел., из которых 4,3 млн чел. были классифицированы как безработные согласно критериям МОТ (якобы искали

работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю, не имели работы или доходного занятия).

Несомненно, что в данном случае важно учитывать фактор привлекательности пособий по безработице. Исходя из того, что с апреля 2020 года в условиях пандемии коронавируса граждане могли встать на учет в центры занятости дистанционно и получать повышенные пособия в течение трех месяцев, привлекательность статуса безработного, несомненно, выросла. В настоящий момент подобные льготные условия аннулированы, несмотря на то что ситуация с заболеванием населения в отдельных регионах остается достаточно напряженной и речь идет о возможной 4-й волне роста заболеваемости коронавирусной инфекцией. Поэтому следует ожидать, что снижение привлекательности статуса безработного, а также необходимость личного посещения центров занятости приведет к неминусемому снижению числа безработных граждан в 2020 году.

Вместе с тем в данном статистическом подходе усматривается несколько серьезных нюансов, которые могут влиять на объективность всего статистического учета рассматриваемого показателя.

Например, в общую статистику безработицы за 2020 год включены лица в возрасте 15 лет, как находящиеся в трудоспособном возрасте и якобы готовые выполнять трудовую функцию с определенными ограничениями, установленными законодательно.

Согласно нормам Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее — ТК РФ) допускается заключение трудового договора с лицами, достигшими возраста 16 лет. Но при этом до достижения работником 18 лет он считается несовершеннолетним, что вводит ограничения на выполнение

им трудовой функции. Например, для работников, не достигших 16 лет, еженедельная продолжительность совокупного рабочего времени не может превышать 24 час., а для тех, кто не достиг 18 лет, — 35 час. и др.

Также действующее трудовое законодательство разрешает привлекать на работу для выполнения легкого труда и лиц в возрасте 15 лет. Это может осуществляться в период времени, свободный от учебы, во время каникул или если работник уже окончил среднее учебное заведение и получил общее образование.

Но даже по достижении возраста 14 лет с работником может быть заключен трудовой договор для выполнения легкого труда при наличии одновременно нескольких условий: согласия одного из родителей (попечителя) или органов опеки и попечительства, выполнения работы в свободное от учебы время, отсутствия нанесения вреда здоровью и ущерба освоению образовательной программы.

Кроме этого, возможно заключение трудового договора с работником и не достигшим 14 лет, при осуществлении трудовой функции в определенной сфере (организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках, а также в качестве спортсмена).

В данном случае в национальном законодательстве России учтены рекомендации, изложенные в Конвенции № 138 Международной организации труда (далее — МОТ) о минимальном возрасте для приема на работу [3]. Согласно указанной Конвенции МОТ, национальные органы власти имеют право на закрепление в трудовом законодательстве нормативных подходов по определению возраста несовершеннолетних, с которого они могут осуществлять трудовую функцию. При этом без ограничений по условиям выпол-

нения своих обязанностей работник может трудиться, согласно рекомендациям МОТ, только с 18 лет. Важным же выглядит то, что международное право также определяет ограничения по условиям труда для несовершеннолетних, но не определяет, что лицом трудоспособного возраста можно признать подростка 15 лет.

Поэтому возникает вопрос о том, почему в качестве отсчета для статистического учета лиц трудоспособного возраста в России выбран показатель именно в 15 лет, а не в 14 или 16. Объяснение этому отсутствует в методологических пояснениях в подразделе «Численность и состав населения» раздела «Демография» на официальном сайте Росстата [4]. Поэтому логика принятия подобных решений в статистическом учете остается непонятной.

Не менее парадоксальным выглядит и то, что, согласно действующему нормативному документу Росстата, в котором определяется методика учета возрастных групп населения России — приказу Росстата от 17 июля 2019 года № 409 [5] (далее — Приказ № 409), указано, что лица моложе 16 лет не относятся к трудоспособному населению. При этом, исходя из текста Приказа № 409, данный подход действует для определения возраста, по достижении которого у гражданина возникает право на трудовую пенсию.

Таким образом, Росстат в одном случае относит 15-летних лиц к трудоспособному населению, а в другом случае не относит их к таковой группе. Тогда статистические данные Росстата о доле безработных среди трудоспособного населения страны за 2020 год, если исходить из требований Приказа № 409, выглядят недостоверными и из первичных данных для проведения расчетов необходимо исключить возрастную группу 15-летних.

Подтверждением неправильности проводимых расчетов выступает и сопоставление официальных данных самого Росстата.

Так, в справке о занятости и безработице в России в январе 2021 года [1] указано, что в этот период количество трудоспособного населения в возрасте старше 15 лет составило 75 млн чел. Но согласно справке о численности населения на этом же сайте организации в разделе «Демография» [6] на конец 2020 года количество трудоспособного населения в нашей стране в возрасте старше 16 лет составило 82 678 тыс., т.е. свыше 82 млн чел. Несомненно, что включение в число трудоспособного населения категории 15-летних лиц должно было только расширить общее количество человек в данной категории, а никак не уменьшить его, как произошло в данном случае.

Таким образом, даже сравнение официальных данных Росстата по числу лиц трудоспособного возраста, размещенных на сайте организации, показывает значительные отличия, что только подтверждает некорректность проводимых расчетов в отношении неработающего населения страны.

Еще больше вопросов к статистическому учету безработных в России возникает в том случае, если мы изучим данные о том, какое количество подростков выполняет трудовую функцию, не достигнув своего совершеннолетия. К сожалению, подобная информация отсутствует в официальной статистике, хотя она была бы крайне информативной с позиции того, какая часть несовершеннолетних трудится.

Пока же подобная статистика отсутствует, Росстат зачисляет в число трудоспособных подростков, которые только

потенциально могут быть отнесены к трудоспособному населению (например, учащихся школьников, которые нигде не работают).

С таким же успехом в качестве работающего населения необходимо учитывать детей и подростков, профессионально занимающихся спортом, т.к. во многих его видах уже в 12–14 лет спортсмен может достигнуть вершины своей карьеры и собрать целую коллекцию титулов мирового уровня. К подобным спортивным дисциплинам можно в полной мере отнести фигурное катание, плавание, спортивную и художественную гимнастику, теннис и др.

А вот интересную статистику дают недавние социологические опросы. Так, согласно данным Общероссийского народного фронта, полученных в 2019 году в ходе опроса 2,5 тыс. подростков в возрасте 13–18 лет из 84 регионов России, 90% респондентов хотели бы трудоустроиться и готовы к этому до наступления 18-летия. При этом только 4% школьников указали, что они официально трудоустроены [7].

Если учесть эти данные о скрытой занятости среди подростков, то показатель безработицы в России также подлежит серьезной коррекции.

Не менее интересным выглядит и вопрос о трудовой занятости населения России с учетом работающих мигрантов и нежелания граждан столичных регионов осуществлять трудовую деятельность на непривлекательной, по их мнению, хотя и на высокооплачиваемой, работе. Но данный вопрос подлежит детальной и глубокой оценке, поэтому может быть рассмотрен в рамках отдельного исследования.

Пока же отметим основные результаты проведенного анализа по учету статистических данных об уровне безработицы в России:

1. Методология Росстата по учету трудоспособного населения противоречива и некорректна, что приводит к различным данным статистического учета по безработице.
2. Идет прямое грубейшее нарушение Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032 в редакции от 02.07.2021 № 343.

В статье 3 п. 1 прямо указано, что безработными признаются только те граждане, «кто не имеет работы и зарегистрирован в органах службы занятости». В пункте 3 ст. 3 «безработными не могут быть признаны граждане, не достигшие 16-летнего возраста», а также граждане, которым в том числе и досрочно назначена страховая пенсия по старости [8].

В нарушение норм закона Росстат не учитывает и не исключает из числа безработных граждан, осужденных по решению суда к исправительным и принудительным работам и к наказаниям в виде лишения свободы.

3. Неприемлемым выступает учет трудоспособного возраста с 15 лет для расчета данных по показателю безработицы в России.
4. Росстатом не учитываются данные об официальном трудоустройстве среди подростков. Статистика неофициального трудоустройства детей и подростков остается латентной и просто не учитываемой.

Считаем, что данная проблемная ситуация подлежит детальной оценке не только в экспертном сообществе, но прежде всего представителями органов власти. Необходимо разработать единую и адекватную сложившейся ситуации методику оценки занятости среди населения Российской Федерации и критерии отнесения подростков

к трудоспособному населению. Это позволит приблизить статистические данные к реальной ситуации в стране, что, в свою очередь, будет способствовать принятию эффективных управленческих решений в масштабе как государства, так и его отдельных регионов.

Библиографический список

1. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2021 года (по итогам обследования рабочей силы) // Росстат [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (дата обращения: 05.10.2021).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 3.
3. Конвенция № 138 Международной организации труда «О минимальном возрасте для приема на работу» (заключена в г. Женеве 26.06.1973) // СПС Консультант Плюс.
4. Численность и состав населения, методология // Росстат [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_nasel_met.htm (дата обращения: 05.10.2021).
5. Приказ Росстата от 17.07.2019 № 409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения» // СПС Консультант Плюс.
6. Демография // Росстат [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2021).
7. Полуказакова Т. Опыт и деньги: сколько подростков в России готовы начать работать до 18 лет // ТВ Звезда [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/201953103-oe9cW.html> (дата обращения: 05.10.2021).

8. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2021) «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 19.10.2021).

References

1. Zanjatost' i bezrobotica v Rossijskoj Federacii v janvare 2021 goda (po itogam obsledovaniya rabochej sily) // Rosstat [Jelektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (data obrashhenija: 05.10.2021).
2. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 28.06.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2002. — № 1 (chast' I). — St. 3.
3. Konvencija № 138 Mezhdunarodnoj organizacii truda «O minimal'nom vozraste dlja priema na rabotu» (zakljuchena v g. Zheneve 26.06.1973) // SPS Konsul'tant Pljus.
4. Chislennost' i sostav naselenija, metodologija // Rosstat [Jelektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_nasel_met.htm (data obrashhenija: 05.10.2021).
5. Prikaz Rosstata ot 17.07.2019 № 409 «Ob utverzhdanii metodiki opredelenija vozrastnyh grupp naselenija» // SPS Konsul'tant Pljus.
6. Demografija // Rosstat [Jelektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashhenija: 05.10.2021).
7. Polukazakova T. Opyt i den'gi: skol'ko podrostkov v Rossii gotovy nachat' rabotat' do 18 let // TV Zvezda [Jelektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://tvzvezda.ru/news/201953103-oe9cW.html> (data obrashhenija: 05.10.2021).
8. Zakon RF ot 19.04.1991 № 1032-1 (red. ot 02.07.2021) «O zanjatosti naselenija v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tant Pljus. [Jelektronnyj

resurs] — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (data obrashhenija: 19.10.2021).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

109542, Россия, Москва, Рязанский просп., 99.

FSBEI HE “State University of Management”

109542, Russia, Moscow, Ryazan Ave., 99

Владимир Борисович Зотов / Vladimir B. Zotov

e-mail: zotov-vladimir@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-168-193

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
БАЗИС И МЕТОДОЛОГИ-
ЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ГОСУДАРСТВЕННОМУ
ИНВЕСТИРОВАНИЮ
В ОБРАЗОВАНИЕ**
**CONCEPTUAL BASIS
AND METHODOLOGICAL
APPROACHES TO PUBLIC
INVESTMENT
IN EDUCATION**

ГРИШИНА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и цен, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

OLGA A. GRISHINA

Doctor of Economics, Professor, Department of Finance and Prices, Plekhanov Russian University of Economics

СЛЕПОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и цен, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

VLADIMIR A. SLEPOV

Doctor of Economics, Professor, Department of Finance and Prices, Russian Economic University. G.V. Plekhanov

РОДЕНКОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и цен, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

TATYANA NIKOLAEVNA RODENKOVA

Doctor of Economics, Professor, Department of Finance and Prices, Russian Economic University. G.V. Plekhanov

КРАСИКОВА АНАСТАСИЯ ГРИГОРЬЕВНА

Начальник отдела экономических нормативов в сфере образования и науки Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, аспирант кафедры финансов и цен, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

ANASTASIA G. KRASIKOVA

Head of the Department of Economic Standards in the Sphere of Education and Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Postgraduate student Department of Finance and Prices, Plekhanov Russian University of Economics

**ПОКАМЕСТОВ ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Аспирант кафедры финансов и цен,
Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова

DMITRY A. POKAMESTOV

Postgraduate student Department of Finance
and Prices, Plekhanov Russian University of
Economics

АННОТАЦИЯ

Реализация глобальных целей и стратегических задач по повышению статуса России как одной из ведущих мировых держав по научным исследованиям и качеству образования требует существенной корректировки как концептуального базиса ее финансового обеспечения, так и финансовых моделей государственной поддержки образования. Постоянное недофинансирование образования и науки в течение последних десятилетий является закономерным результатом неоллиберального рыночного подхода к финансовому обеспечению социальной сферы. Глобализация, интернационализация и цифровизация науки и образования, необходимость ресурсной поддержки массового открытого онлайн-обучения сближают рыночную и государственную модели финансирования, ориентированные на диверсификацию финансовых источников. Теоретический базис многоканального финансирования, основанный на принципах теории опекаемых благ А.Я. Рубинштейна [1] и концепции экономической социодинамики Р.С. Гринберга, позволяет не только прогнозировать общемировые сдвиги в механизмах финансирования образовательных организаций, но и определить новые подходы к методологии развития человеческого капитала, актуализирующие финансовые модели государственной поддержки образования с учетом современных тенденций в социально-экономической и научно-образовательной сферах. По мнению

авторов, они заключаются в разработке соответствующих инструментов проектного и инвестиционного финансирования, направленных на совершенствование механизмов и институтов государственной поддержки, ориентированных на реализацию национальных целей и интересов.

ANNOTATION

The implementation of global goals and strategic tasks to improve the status of Russia as one of the leading world powers in scientific research and the quality of education requires significant adjustments, both the conceptual basis of its financial support and financial models of state support for education. The constant underfunding of education and science over the past decades is a natural result of the neoliberal market approach to the financial provision of the social sphere. Globalization, internationalization and digitalization of science and education, the need for resource support for massive open online learning bring market and state funding models closer together, focused on diversifying financial sources. The theoretical basis of multichannel financing, based on the principles of A. Ya. financial models of state support for education, taking into account modern trends in the socio-economic, scientific and educational spheres. According to the authors, they consist in the development of appropriate instruments for project and investment financing aimed at improving the mechanisms and institutions of state support, focused on the implementation of national goals and interests.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теория опекаемых благ, современная теория человеческого капитала, концептуальные подходы к финансированию образования, модели государственной поддержки, бюджетная политика.

KEYWORDS

Theory of patronized goods, modern theory of human capital, conceptual approaches to financing education, models of state support, budget policy.

Необходимость государственных инвестиций в сферу образования вытекает, с одной стороны, из теории опекаемых благ (Р. Гринберга, А. Рубинштейна), с другой — из современной теории человеческого капитала. Теория опекаемых благ, опираясь на принципы методологического субъективизма, рассматриваемые в русле Концепции экономической социодинамики (КЭС), обосновывает социальную значимость образования и предполагает использование государственных субсидий для компенсации «рыночных провалов», при которых неплатежеспособные потребители образовательных услуг теряют доступ к обучению, а общество при этом лишается части высококвалифицированного трудового потенциала. Если КЭС и теория опекаемых благ объясняют практическую целесообразность мультипликатора экономического роста как трехкомпонентного коэффициента, включающего: творческий потенциал и креативность индивидуумов; инфраструктуру, обеспечивающую эффективную реализацию инноваций; активную государственную поддержку науки, образования и инноваций финансовыми ресурсами. То классическая концепция человеческого капитала (Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.), базируясь на триаде: инвестиции в образование, развитие человеческого потенциала, экономический рост и социальное развитие, предполагает индивидуальную ответственность потребителей за получение образования.

Вклад в развитие концептуальных подходов к сущности человеческого капитала в современной экономической теории внесли как зарубежные (Г. Беккер, Э. Денисон, Дж. Минсер, Р. Солоу, Т. Шульц), так и отечественные исследователи (Л. Абалкин, С. Дятлов, Е. Ленчук, А. Харламова). Влияние об-

разования как одной из базовых составляющих человеческого капитала на динамику экономического роста исследовали Д. Робинсон, Дж. Хекман, С. Беляков, Т. Клячко. Проблемам государственной политики развития человеческого потенциала посвящены труды С. Бобылева, Г. Леонидовой, К. Устиновой. Наиболее существенный вклад в разработку методологических основ финансирования образовательных услуг в России внесли ученые-экономисты С.А. Беляков, А.Б. Вифлеемский, В.И. Ерошин, В.М. Зуев, В.П. Шетинина. Инструментарий государственной поддержки образовательных организаций детально исследовали М. Лоджи, Г.А. Лукичев, Б.Г. Петерс, Л.Л. Шпаковская. Концептуальные основы формирования и развития предпринимательских университетов представлены в исследованиях П. Бленкера, Г. Кларка, Т.Л. Клячко, А. Трахтенберга, Г.А. Чередниченко, С.Р. Филоновича. Однако сегодня для всех государств вне зависимости от теоретико-методологических и концептуальных подходов к образованию актуальным остается поиск новых источников финансирования образовательных организаций всех уровней, обеспечивающих устойчивый рост человеческого капитала.

В 2019 году в общем мировом рейтинге по индексу человеческого развития (ИЧР) Россия занимала 52-е место в первой группе, включающей 66 стран категории «очень высокий ИЧР» (Норвегия — 1-е место, США — 17-е место) [2], 49-е место по уровню высококвалифицированных кадров (Швейцария — 1-е место, США — 3-е место, Китай — 45-е место) [3], для оценки которого используется Global Talent Competitiveness Index, включающий семь показателей, три из которых характеризуют качество обучения и **образовательной среды**. В том же году в глобальном рейтинге

цифровой конкурентоспособности Россия заняла 38-место, поднявшись на две позиции, уступая 10 позиций Китаю. Оценка строилась на основе 50 критериев, объединенных по трем группам: «знание», «технологии», «готовность к будущему». Частично это может быть объяснено процессами международной глобализации и интеграции в мировом образовательном пространстве. Но главная причина невысоких позиций России в рейтинге — недостаток инвестиций, и прежде всего незначительная по сравнению с ведущими странами государственная поддержка образования и науки. Похожая ситуация наблюдается в США и Японии при укреплении позиций за последние 20 лет в формировании человеческого капитала Норвегии, Германии, Польши и Китае.

По мнению экспертов, рост ИЧР России напрямую зависит от уровня активности и качества жизни населения, измеряемого величиной ВВП на душу населения (с 21 270 долл. в 2010 году до 27 903 долл. в 2020 г.) [4], а высокий индекс человеческого капитала — доступности образования, обеспеченной государственными субсидиями. Однако, на наш взгляд, наиболее существенным фактором рисков снижения качества человеческого капитала в ближайшее десятилетие является постоянное недофинансирование сферы образования. В России отношение расходов на образование к общей величине ВВП «за последние 20 лет сократилось с 5,1 до 4,0%. По значению этого показателя среди стран ОЭСР Россия занимает 27-е место, уступая лидеру (Дании) 2,7 п.п.» [5].

В России государственное инвестирование в образование по-прежнему осуществляется за счет средства консолидированного бюджета.

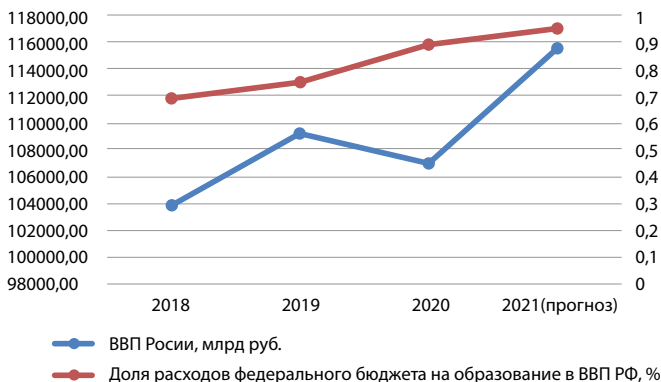

Рисунок 1. Изменение доли расходов федерального бюджета в ВВП РФ [6]

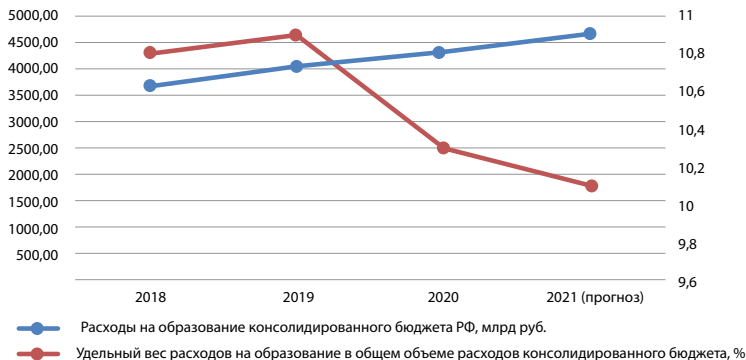

Рисунок 2. Расходы на образование за счет средств консолидированного бюджета РФ [7]

За период с 2018 года по 2021 год «доля расходов на образование в общем объеме расходов федерального бюджета снизилась с 4,3 до 4,0%. Однако к 2023 г. прогнозируется

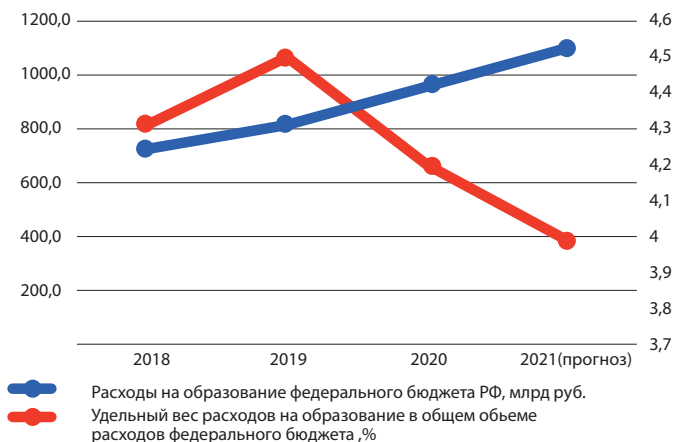

Рисунок 3. Расходы на образование за счет средств федерального бюджета РФ [8]

ее снижение — с 3,9% в 2021 году до 3,6%» [9]. По данным Счетной палаты РФ, относительный объем государственных расходов на образование существенно не растет начиная с 2014 года. Данная тенденция получила продолжение и в федеральном бюджете на 2021–2023 годы, то есть бюджетный маневр в пользу инвестиций в человеческий капитал в настоящее время не реализуется. Структура госрасходов на образование за последние 20 лет существенно не изменилась и характеризуется преобладанием расходов на общее образование. В результате Россия по уровню расходов на образование занимает одно из последних мест в рейтинге Skyeng по 36 странам. По результатам рейтинга «наибольшую долю государственного финансирования имеет Норвегия (99% затрат на обучение), частных расходов — США, Япония и Испания. В России ежегодные расходы на обучение в 19 раз меньше,

чем в Норвегии» [10]. Одним из экономических последствий пандемии коронавируса стал спад глобального ВВП, составивший в 2020 году 4,3% [11]. Прогнозируется, что объем мировой экономики вернется к докризисному уровню только к концу 2021 года благодаря экономическому подъему в Китае. Аналитики утверждают, что «уровень финансирования образования в мире, равный уровню 2018 года, будет достигнут не ранее чем через шесть лет» [12]. Последствия экономического кризиса ощущаются в каждой сфере образования. В высшем образовании особенно остро ощущается дефицит финансовых ресурсов на обновление и реконструкцию материально-технической базы, во многом обусловленные необходимостью перехода к информационным технологиям и дистанционному образованию. Так, по оценкам Минобрнауки, ежегодная дополнительная потребность на расходы по капитальному ремонту и модернизации инфраструктуры вузов в 2021–2023 гг. составляет «23,8 млрд руб., в то время как в проекте федерального бюджета предусмотрено всего 35% от фактической потребности» [13]. В этом случае очень проблематично, даже за счет частичной государственной поддержки, формирование бюджетов программ развития вузов, способных решать задачи научного, технологического и кадрового обеспечения современной цифровой экономики.

Проблема усугубляется тем, что не увеличиваются расходы и на гражданскую науку, объем которых из федерального бюджета в 2019 году составил 422,15 млрд рублей, или 2,65% расходов федерального бюджета, в 2020 году — 523,28 млрд рублей (2,63%). В странах-лидерах доля негосударственного финансирования НИОКР превосходит долю государственного в пропорции 70% на 30%, в РФ — наоборот [14]. Многолетнее недофинансирование сферы образования, особенно

высшего, и науки существенно затрудняет решение задач научно-технологического прорыва.

На наш взгляд, постоянное недофинансирование образования и науки является закономерным результатом нелиберального рыночного подхода к финансовому обеспечению социальной сферы, реализуемого в течение последних десятилетий, одним из последствий которого стал взрывной рост частных образовательных организаций и тенденция получения новых знаний процессами коммодификации. Неoliberalный рыночный подход предполагает трансформацию социально ориентированного государства в государство как субъект рынка. А это, в свою очередь, меняет иерархию ценностей в сфере образования, преобразуя их в новые «рыночные установки». Недостаток инвестиций в сфере образования усугубляется посткризисными изменениями на рынке труда, обусловленными, с одной стороны, дефицитом сотрудников с соответствующими компетенциями для новых рабочих мест, с другой — потребностью в сокращении персонала, вызванной процессами автоматизации и цифровизации.

По нашему мнению, обеспечение нового статуса отечественных науки и образования предполагает параллельное решение задач теоретического обоснования целесообразности и эффективности государственного инвестирования в сферу научных исследований и образовательные проекты в русле сохранения позиций социально-ориентированного государства при одновременном совершенствовании моделей господдержки, реализуемых в рамках научно обоснованного и практически апробированного финансового инструментария.

Несмотря на то, что предлагаемая группа задач является достаточно новой для современных исследователей,

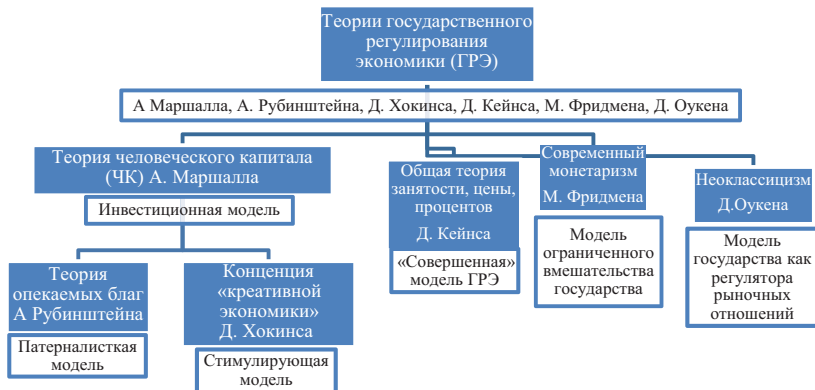

Рисунок 4. Теоретико-концептуальный базис государственного инвестирования российского образования

концептуально-методологический базис финансирования образования, основанный на исследованиях основоположников современной теории государственного регулирования экономики (Д. Кейнса, М. Фридмена, Д. Оукена) и человеческого капитала А. Маршалла, Т. Шульца и Г. Беккера, а также теории опекаемых благ А. Рубинштейна и Р. Гринберга и Концепции креативной экономики Д. Хокинса, позволяет достаточно эффективно актуализировать действующий инструментарий финансовой поддержки образования (рис. 4). Исследование теоретических подходов к совершенной теории государственного регулирования экономики позволило Д. Кейнсу сформулировать вывод о том, что капиталистическая экономика не может полностью саморегулироваться. Дополнить механизм автоматического регулирования экономики с помощью рынка должно государство, используя бюджетную и финансовую политику как главный инструмент регулирования экономики. Даль-

нейшее развитие индустриального общества выявило потребность в новых стимулах и инструментах эффективной поддержки инноваций и достижений технологического прогресса. В этой связи М. Фридмен предложил кардинально изменить роль государства в экономике. По его мнению, «деятельность государства должна быть направлена на раскрытие и повышение рыночного потенциала всей экономики, на создание необходимых условий для ведения свободного предпринимательства» [15]. Более компромиссный подход в теории государственного регулирования экономики предложил представитель неоклассицизма Д. Оукен, считающий, что государство должно задавать правила игры на рынке, защищая частную собственность, при этом не вмешиваясь в механизм конкуренции и проводя политику реализации социальных гарантий.

Предварительное определение концепции человеческого капитала сформулировал А. Маршалл, которую можно рассматривать как одно из направлений развития теории государственного регулирования экономики. Американские ученые-экономисты Т. Шульц и Г. Беккер представили современную интерпретацию теории человеческого капитала, в рамках которой было доказано, что образование является базовым фактором увеличения доходов как отдельных индивидуумов, так и организаций и государства в целом. Г. Беккер, предложив рассматривать результаты вложений в образование как инвестиционный доход, сформулировал основные постулаты инвестиционной модели теории человеческого капитала.

Современная теория человеческого капитала Г. Беккера предполагает классификацию человеческого капитала на общий и специфический. Общий капитал измеряется, как

правило, суммарным числом лет обучения и характеризует уровень «общего развития» человека. Под «специфическим человеческим капиталом» понимаются знания и навыки, позволяющие индивидууму повышать эффективность профессиональной деятельности. Соответственно, модель инвестиций в человеческий капитал объединяет два периода: первый — осуществление инвестиций в обучение и второй — период, в котором обучение начинает приносить отдачу. На формирование общего человеческого капитала направляется 97,7% всех инвестиций, при этом большая часть из них, 87,2%, — расходы бюджетов всех уровней, что свидетельствует о ведущей роли государства в финансовом обеспечении образования. Основными инвесторами при формировании специфического человеческого капитала являются: бизнес — 51,2% и население — 32,9% (табл. 1).

Таблица 1

Структура инвестиций в образование по характеру участия в формировании человеческого капитала [16]

Источники инвестиций	Инвестиции в общий ЧК, %	Инвестиции в специфический ЧК, %	Всего инвестиции в образование, млрд руб.
Бюджеты всех уровней	87,2	12,5	2389,8
Организации	0,5	51,2	59,0
Население	11,2	32,9	333,5
Внебюджетные фонды	0,5	1,7	15,4
Иностранные источники	0,6	1,7	17,5
ИТОГО	100,0	100,0	2815,2

Таким образом, формирование человеческого потенциала происходит в системе образования и, как правило, за счет бюджетных средств, а его развитие — за счет средств частных инвесторов.

Еще одним направлением развития теории государственного регулирования экономики, рассматриваемого в русле теории человеческого капитала, стала теория опекаемых благ А. Рубинштейна и Р. Гринберга, определяющей государство как «автономного участника рыночных отношений, использующего имеющиеся у него ресурсы (бюджетные средства) для достижения присущих ему интересов, декларируемых от имени общества» [17]. По мнению основателей теории, такая модель предполагает «иммобилизацию государственных инвестиций в производство опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики, цель которых — рост человеческого капитала, способствующего экономическому развитию» [17]. Теоретическое осмысление формирования «креативной экономики», базовый актив которой составляет творческий и интеллектуальный потенциал человеческого капитала, представлено в исследованиях Дж. Хокинса. По мнению российских исследователей (Белокрылова О.С., Дубская Е.С.), «основное отличие креативной экономики от традиционного экономического уклада заключается в том, что главный инструмент в ней — это знания, ресурс — информация, а продукт — инновация» [18]. По мнению большинства исследователей, в развитии креативной экономики занимать ключевые позиции должно государство, имеющее возможность использовать бюджетные инвестиции для стимулирования развития фундаментальной и прикладной науки, инновационных разработок и передовых информационно-коммуникатив-

ных технологий, создавая условия для востребованности на рынке креативной продукции.

Теоретический базис многоканального финансирования, основанный на теории опекаемых благ А.Я. Рубинштейна [18] и концепции экономической социодинамики Р.С. Гринберга, позволяет разделить услуги образования по способу их присвоения на смешанные и социальные. Отличительной особенностью данных услуг является наличие вторичного потребления, то есть социальной полезности, свойственной всем опекаемым благам [19]. Универсальным мотивом общественной опеки является стремление максимизировать социальную полезность. В соответствии с КЭС «социальная полезность товаров и услуг — их способность удовлетворять нормативный интерес общества, является маркером для любого вида опекаемых благ и служит универсальным мотивом государственной активности (в этом и состоит сущность патерналистской модели)» [20]. Речь идет о государственном инвестировании в социальные блага, учитывающего социально-экономические интересы и обязательства государства.

Рассматривая образование как опекаемое благо, государство заинтересовано в использовании средств бюджета на развитие человеческого потенциала, что, в свою очередь, приводит не только к повышению качества опекаемых благ и уровня их полезности, но и к повышению производительности труда на основе прироста человеческого капитала. Разделение образовательных услуг на два вида — смешанные и социальные блага — становится основой двух форм государственной финансовой поддержки: полное финансовое обеспечение создания социальных благ (программно-целевое финансирование и целевые субсидии для фундаментальных научных исследований) и частичная поддержка образова-

тельных услуг и прикладных научных исследований (нормативное финансирование и субсидии). При этом государство, определяя в качестве основного социально-экономического тренда структурный сдвиг в сторону образования и науки, заинтересовано в инвестировании финансовых ресурсов в развитие человека как важнейшего актива нового технологического уклада. Отсюда следует вывод, что бюджетные расходы на образование — это априори целесообразные и эффективные государственные инвестиции в человеческий капитал при условии соблюдения «парето-эффективного равновесия в данной модели, то есть равенства предельных издержек сумме предельной индивидуальной и предельной социальной полезности опекаемого блага $MCR = MUI + MUS$ » [21].

Глобализации и интернационализация образования, широкая поддержка массового открытого онлайн-образования и его цифровизация сближают рыночную и государственную модели финансирования образования. Рыночная модель ориентирует развитие образовательных организаций в русле прагматической логики экономической целесообразности. Государственная модель — в логике государственного задания и функции гаранта социальных обязательств. В России, как и в европейских странах, реализуется государственная (континентальная) модель поддержки образования, но в отличие от европейской отсутствует нормативное финансирование научных исследований, что является препятствием реализации индивидуальной и социальной полезности услуг сферы высшего образования. Для стран, реализующих континентальную модель (западно-европейские страны), по требованиям Всемирного банка господдержка должна обязательно включать три компонента — «гарантированное финансиرو-

ние, финансирование результатов, стимулирование достижения целей политики государства путем направления средств на инновации и развитие» [22]. Такого сбалансированного подхода к государственному инвестированию образовательных проектов в России пока нет. На наш взгляд, необходимо докомплектowanie действующей модели господдержки образовательных организаций, то есть базовое финансирование нужно дополнить программно-целевым и проектным финансированием.

Концепция социодинамики (Р. Гринберга) объясняет природу сближения рыночной и государственной моделей поддержки образования, обусловленную диверсификацией источников финансирования. В соответствии с данной концепцией в перспективе государство сохранит и, скорее всего, усилит свои позиции в организации финансирования образовательных организаций, которое будет опираться на рыночные инструменты, например на систему частных инвестиций, основанных на механизмах возвратной платы, в то время как сами образовательные организации будут вынуждены интегрировать ресурсы, привлекая новых инвесторов. В соответствии с КЭС Всемирный банк, прогнозируя общемировые сдвиги в механизмах финансирования образования, предлагает постепенный отказ от финансирования по входным параметрам и переход к финансированию по выходным параметрам (результатам), то есть от адресного финансирования к конкурсному финансированию и от нормативного финансирования — к проектному.

По нашему мнению, развитие информационно-коммуникативных технологий в образовании актуализирует проблематику современных концептуальных подходов к разработке моделей государственного инвестирования

научных исследований и образовательных проектов. При этом требуют дополнительного изучения особенности формирования проблемно-аналитического поля для принятия государственными органами управления образованием эффективных решений по вопросам инвестиций в образование как базового фактора развития человеческого капитала. Особое значение приобретают комплексные межотраслевые научные подходы, обеспечивающие интегративные парадигмальные и общесистемные связи различных наук в этой сфере.

На наш взгляд, новые подходы к методологии развития человеческого капитала, в русле которых формируются финансовые модели господдержки, заключаются в разработке соответствующих инструментов проектного и инвестиционного финансирования, направленных на совершенствование механизмов и институтов этой поддержки, ориентированных на реализацию национальных целей и интересов. При этом финансовое моделирование распределения инвестиционных потоков в сфере образования следует осуществлять на основе корреляции патерналистской модели производства опекаемых благ и стимулирующей модели «креативной экономики».

Например, для построения финансовой модели государственной поддержки российских вузов следует задействовать матричный инструментарий разработки финансовой стратегии, позволяющий не только систематизировать современные тенденции, выявить проблемы, определить пути их решения и прогнозировать перспективы, но параллельно генерировать идеи-концепты новых решений. Это, в свою очередь, вызывает необходимость изменения принципов реализации бюджетной политики в сфере высшего

образования. Рассматривая бюджетную политику вузов как совокупность управленческих решений, обеспечивающих оптимальное сочетание моделей и методов распределения финансовых ресурсов в соответствии с поставленными стратегическими и тактическими целями, считаем необходимым усилить стратегическую составляющую проектного финансирования вузов. Сейчас в вузах имеют место стратегическое планирование (как обязательная часть программ стратегического развития) и бюджетирование (как правило, основанное на сметном подходе и имеющее короткий горизонт планирования). Однако нормативно установленных объемов государственных инвестиций для выполнения мероприятий по развитию образовательного и научного потенциала вузов в бюджетной политике РФ не предусмотрено.

По нашему мнению, для решений этой задачи необходимо использовать матричный инструментарий разработки финансовой стратегии в сфере высшего образования. Данный инструментарий предполагает, что стратегические планы развития каждого вуза и системы высшего образования в целом должны коррелироваться со стратегическими приоритетами развития страны. Для этого можно использовать различные инструменты стратегического планирования: систему сбалансированных показателей, комплексные стратегические карты, проектное финансирование, логистический подход к управлению финансовыми ресурсами и др. Главная цель бюджетной политики в сфере науки и образования — обеспечение финансовой устойчивости системы высшего образования при реализации стратегических программ развития вузов и национальных социально-экономических приоритетов.

Опыт российских вузов, успешно реализующих стратегические программы развития, позволил сформулировать следующие основополагающие принципы бюджетной политики для сферы образования в целом:

- четкость целей и задач бюджетной политики, их соответствие приоритетам стратегического развития страны и сферы образования;
- научно-практическая обоснованность, простота и ясность распределения финансовых ресурсов;
- прозрачность и последовательность расчетных и учетно-аналитических процедур и документов;
- информационно-коммуникативная доступность, достоверность и открытость аналитических и финансовых документов.

Таким образом, бюджетная политика органов управления образованием, обоснованная современными концептуальными подходами к теории человеческого капитала, теории опекаемых благ и концепции «креативной экономики», целенаправленно переориентируя инвестиционные потоки в сфере образования и используя эффективный инструментарий трансформации моделей его финансирования, может изменить структуру и качество человеческого капитала, реализуя на практике новый мультипликатор экономического роста.

Библиографический список

1. Рубинштейн А.Я. К теории рынков опекаемых благ // Вестник РУДН, серия Экономика, 2011, № 5, с. 298–307.
2. Десять стран — лидеров рейтинга цифровой конкурентоспособности [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/425582> (дата обращения: 21.09.2021).

3. Рейтинг стран по уровню высококвалифицированных кадров [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-talent-index> (дата обращения: 12.09.2021).
4. ВВП на душу населения в России по годам [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/vvp-na-dushu.php?l=gossija> (дата обращения: 12.09.2021).
5. Индикаторы образования: 2020: Статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 496 с.
6. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере России. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rea.ru/ru/Pages/expertixareu.aspx> (дата обращения: 03.09.2021).
7. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере России [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.rea.ru/ru/Pages/expertixareu.aspx> (дата обращения: 03.09.2021).
8. Министерство финансов Российской Федерации. Бюджет для граждан [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://finance.rambler.ru/realty/44959681/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.10.2021).
9. Топ-5 стран с самыми большими затратами на образование [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://news.rambler.ru/sociology/42979658/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.09.2021).
10. В 2020 году мировая экономика сократилась на 4,3% [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4661983> (дата обращения: 18.09.2021).
11. Перспективы развития: прогнозы на 2021 год [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Дайджест_Прогнозы_2021.pdf (дата обращения: 24.09.2021).

12. Россия тратит на одного учащегося в три раза меньше Америки [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2020-09-21/4_7969_education.html (дата обращения: 24.09.2021).
13. Отчет о работе Департамента аудита образования, науки и инноваций Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году. Приложение № 6 к отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.09.2021).
14. Тюкавкин Н.М. Экономическая теория предложения // Вестник СамГУ, 2014, № 6 (117), с. 179.
15. Балаханова Д.А., Окунькова Е.А. Инвестиции в образование как фактор развития человеческого капитала // Экономика и управление: проблемы и решения, 2019, № 1 (103), с. 75.
16. Рубинштейн А.Я., Славинская О.А., Бураков Н.А. Патернализм и инвестиции в производство опекаемых благ (научный доклад). — М., 2018, с. 5.
17. Белокрылова О.С., Дубская. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.10.2021).
18. Рубинштейн А.Я. К теории опекаемых благ // Вестник РУДН, серия Экономика, 2011, № 5, с. 303. А.Я. Рубинштейн объединяет блага, производство и потребление которых связано с государственной активностью, в «опекаемые блага» (прим. автора).
19. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории. JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований), 2018, т. 10, № 4, с. 42.
20. Рубинштейн А.Я. К теории опекаемых благ // Вестник РУДН, серия Экономика, 2011, № 5, с. 305.

21. Крохмаль Л.А., Фефелова А.А. К вопросу о законности государственной поддержки услуг высшего образования // Вестник Евразийской науки, 2019, № 4, том 11 [Электронный ресурс] (дата обращения: 12.10.2021).

References

1. Rubinshtein A. Ya. K teorii rynkov opekaemykh blag // Vestnik RUDN, seriya Ekonomika, 2011, № 5, s. 298–307.
2. Desyat' stran — liderov reitinga tsifrovoy konkurentosposobnosti. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.bfm.ru/news/425582> (data obrashcheniya 21.09.21).
3. Reiting stran po urovnyu vysokokvalifitsirovannykh kadrov. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-talent-index> (data obrashcheniya 12.09.2021).
4. VVP na dushu naseleniya v Rossii po godam. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://svspb.net/danmark/vvp-na-dushu.php?l=rossija> (data obrashcheniya 12.09.2021).
5. Indikatory obrazovaniya: 2020: Statisticheskii sbornik / N.V. Bondarenko, D. R. Borodina, L. M. Gokhberg i dr. — M.: NIU VShE. 2020. - 496 s.
6. Analiz tendentsii v byudzhethno-nalogovoi sfere Rossii. [Elektronnyi resurs] rezhim dostupa: <http://www.rea.ru/ru/Pages/exspertixareu.aspx> (data obrashcheniya 03.09.2021).
7. Analiz tendentsii v byudzhethno-nalogovoi sfere Rossii. [Elektronnyi resurs] rezhim dostupa: <http://www.rea.ru/ru/Pages/exspertixareu.aspx> (data obrashcheniya 03.09.2021).
8. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii. Byudzheth dlya grazhdan. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: https://finance.rambler.ru/realty/44959681/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya 03.10.2021).
9. Top-5 stran s samymi bol'shimi zatratami na obrazovanie. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://news.rambler.ru/>

sociology/42979658/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya 10.09.2021).

10. V 2020 godu mirovaya ekonomika sokratilas' na 4,3 %. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/4661983> (data obrashcheniya 18.09.2021).
11. Perspektivy razvitiya: prognozy na 2021 god. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Daidzhest_Prognozy_2021.pdf (data obrashcheniya 24.09.2021).
12. Rossiya tratit na odnogo uchashchegosya v tri raza men'she Ameriki. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: https://www.ng.ru/economics/2020-09-21/4_7969_education.html (data obrashcheniya 24.09.2021).
13. Otchet o rabote Departamenta audita obrazovaniya, nauki i innovatsii Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu Prilozhenie № 6 k otchetu o rabote Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu [Elektronnyi resurs] (data obrashcheniya 23.09.2021)
14. Tyukavkin N.M. Ekonomicheskaya teoriya predlozheniya. //Vestnik SamGU, 2014, № 6 (117), s. 179.
15. Balakhanova D.A., Okun'kova E.A. Investitsii v obrazovanie kak faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala. //Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya. — 2019, №1 (103), s. 75.
16. Rubinshtein A.Ya., Slavinskaya O.A., Burakov N.A. Paternalizm i investitsii v proizvodstvo opekaemykh blag. (nauchnyi doklad). — M., 2018, s. 5.
17. Belokrylova O.S., Dubskaya. Mirovoi opyt formirovaniya kreativnoi ekonomiki i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossii. [Elektronnyi resurs]. (data obrashcheniya 03.10.2021).
18. Rubinshtein A.Ya. K teorii opekaemykh blag. //Vestnik RUDN, seriya Ekonomika, 2011, № 5, s. 303. A.Ya. Rubinshtein ob'edinyayet blaga, proizvodstvo i potreblenie kotorykh svyazano s gosudarstvennoi aktivnost'yu, v «opekaemye blaga» (prim. avtora).

19. Rubinshtein A.Ya., Gorodetskii A. E. Gosudarstvennyi paternalizm i paternalistskii proval v teorii. JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy). Tom 10. № 4. 2018. s. 42.
20. Rubinshtein A.Ya. K teorii opekaemykh blag. // Vestnik RUDN, seriya Ekonomika, 2011, № 5, s. 305.
21. Krokhnal' L.A., Fefelova A.A. K voprosu o zakonnosti gosudarstvennoi podderzhki uslug vysshego obrazovaniya // Vestnik Evraziiskoi nauki, 2019, № 4, tom 11. [Elektronnyi resurs]. (data obrashcheniya 12.10.2021).

Контактная информация / Contact information

ФБГОУ ВО «Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова»

117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36

Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyannyj pereulok,
Moscow, 117997, Russia

Дмитрий Александрович Покаместов / Dmitry A. Pokamestov
Pokamestov1@gmail.com

Ольга Алексеевна Гришина / Olga A. Grishina
grishina.oa@rea.ru

Владимир Александрович Слепов / Vladimir A. Slepov
kaffin@rea.ru

Татьяна Николаевна Роденкова / Tatyana N. Rodenkova
Rodenkova_t@mail.ru

Анастасия Григорьевна Красикова / Anastasia G. Krasikova
anastasiya.krasikova@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-194-224

ДОМИНАНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

DOMINANT IDEAS IN THE RESEARCH OF HEALTH RESORTS' ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF REGIONAL ECONOMICS

СИЛИН ЯКОВ ПЕТРОВИЧ

Ректор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», член Президиума
Вольного экономического общества России,
Президент Уральского отделения Вольного
экономического общества России, д.э.н.,
профессор

YAKOV P. SILIN

Rector, Professor of Regional, Municipal Economics and Governance Dept., Ural State University of Economics, Member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia, President of the Ural branch of the Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor

ХАРИТОНЕНКО ОЛЕСЯ ВИКТОРОВНА

Соискатель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

OLESYA V. KHARITONENKO

Applicant for Candidate degree of Regional, Municipal Economics and Governance Dept., Ural State University of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье обоснованы ключевые доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной экономики. Методы представленного исследования базируются на подходах формализации и систематизации, библиометрическом анализе и контент-анализе. Опираясь на теоретико-методологические разработки ученых, работающих в рамках экономической теории, теории услуг и теории региональной и муниципальной экономики, раскрыты существенно-содержательные характеристики санаторно-курортной деятельности с позиций ключевых положений региональной науки.

ABSTRACT

The paper discusses the dominant ideas of the research of health resorts' activities in the context of regional economics. According to the authors, such ideas include factors, conditions, economic and social effects of formation, development and functioning of the health resort's

activities in these or those territories. The methods of formalization, systematisation, bibliometric and content analysis are used to fulfill the research objectives. Based on analysis of the theoretical and methodological developments of the scholars working within economic theory, theory of services and theories of regional and municipal economics, the authors reveal essential characteristics of health resorts' activities under the tenets of regional science.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Региональная экономика, санаторно-курортная деятельность, санаторно-курортная услуга, человеческий капитал, факторы развития санаторно-курортной деятельности, экономический эффект функционирования санаторно-курортной деятельности, социальный эффект функционирования санаторно-курортной деятельности.

KEYWORDS

Regional economy, health resorts' activities, health resort services, human capital, factors in the development of resorts' activities, economic effect of health resorts' functioning, social effect of health resorts' functioning

Ведущие научные исследования последних лет подчеркивают значимость личности (человека) как важнейшего фактора экономического роста. Каждую личность характеризует совокупность потребностей, на удовлетворение которых направлена деятельность особого сектора экономики — *сектора услуг*. Начиная со второй половины XX в. быстрый рост сектора услуг сформировал научное направление постиндустриального общества, или общества, услуг, были выделены четвертичный и пятеричный секторы экономики, в состав которых вошли услугообразующие виды экономической деятельности [1].

Согласно определению авторитетного американского экономиста Л. фон Мизеса, «нематериальные экономические блага называются услугами» [2, с. 91]. Е.Г. Анимица, Я.П. Силин рассматривают услугу как специфический вид целесообразной деятельности людей, полезный эффект которой проявляется во время труда и связан с удовлетворением определенной потребности человека [3, с. 18]. В научных исследованиях выделены отличительные свойства услуги: *неовещественность, неосвязаемость, несохраняемость, неотделимость* от источника ее оказания [4, 5].

В связи с активным развитием сектора услуг в структуре современной экономики возрастает значимость научных познаний услугодобывающей деятельности с целью выявления ее территориальной специфики, обоснования участия в формировании регионального ландшафта, «генетического кода» регионов и муниципальных образований, укреплении человеческого капитала.

Изучением различных сторон функционирования и развития санаторно-курортной деятельности как услугодобывающей занимаются ученые различных научных направлений, среди которых: экономика, в том числе региональная экономика [6, 7 и др.], рекреационная [8, 9 и др.] и медицинская [10, 11 и др.] география, курортология [12, 13 и др.] и др.

Для раскрытия содержания санаторно-курортной деятельности в контексте исследований региональной науки следует обратиться к толкованию исходного понятия «экономическая деятельность».

Существуют различные точки зрения, раскрывающие содержание понятия «*деятельность*», но их суть одна — «специфический для человека способ отношения к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении его челове-

ским целям» [14, с. 198]. По своему содержанию деятельность есть производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразование общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний.

Содержание категории «деятельность» составляют действия человека по изменению окружающей среды в интересах его самого, а также преследуемые цели и средства, избранные и применяемые для достижения этих целей [2, с. 47]. В свою очередь, *экономическая деятельность* представляет собой «деятельность по производству (или) реализации товаров (работ, услуг), также любую иную деятельность, направленную на получение прибыли (доходов), независимо от результатов такой деятельности» [14, с. 201].

Академик П.А Минакир распределение созданного и накопленного богатства в пространстве именуется «второй универсальной координатой экономической деятельности» [15, с. 5]. По мнению ученого, на начальных этапах становления экономики регионов «исследования пространственного аспекта экономической деятельности заключались преимущественно в выявлении особенностей конкретных проявлений экономической деятельности в различных географических условиях» [16, с. 16]. Уральские ученые Я.П. Силин и Е.Г. Анимица считают, что преобладающим признаком в рамках региональной экономики является *территориальность* [17, с. 21].

Санаторно-курортная деятельность не представлена в структуре Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, утвержденного приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. Наиболее близкий к объекту нашего исследования вид экономической деятельности, представленный в нем, — это «деятельность са-

наторно-курортных организаций» (код 86.90.4), входящая в группу «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», включающая в себя медицинскую помощь, осуществляемую медицинскими организациями (санаторно-курортными организациями) в профилактических, лечебных и реабилитационных целях на основе использования природных лечебных ресурсов в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах [18].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ст. 2) медицинскую помощь определяет как «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг», содержанием которых является медицинское вмешательство, направленное на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющее самостоятельное законченное значение [19].

Законодательно закреплены две составляющие целевого назначения санаторно-курортного лечения [19]:

- 1) активация защитно-приспособительных реакций организма в целях профилактики заболеваний, оздоровления;
- 2) восстановление и (или) компенсация функций организма, нарушенных вследствие травм, операций и хронических заболеваний, уменьшение количества обострений, удлинение периода ремиссии, замедление развития заболеваний и предупреждение инвалидности в качестве одного из этапов медицинской реабилитации.

Проблемы функционирования и развития санаторно-курортной деятельности представлены в трудах зарубежных и отечественных авторов. Зарубежные авторы рассматри-

вают санаторно-курортную деятельность в рамках изучения *оздоровительного туризма*, в частности, отметим работы С. Хофера, Ф. Хонеггера, Ж. Хубели [20], А. Спейера [21], С. Лоха [22], Ж. Хале [23], М. Дальстрема [24], П. Кука [25].

В работах отечественных ученых санаторно-курортная деятельность исследуется преимущественно с позиции решения проблем *организации и управления санаторно-курортным комплексом*, в частности выделим работы С.Ю. Амбарцумяна и С.А. Лочана [26], А.Н. Разумова и его коллег [27], А.М. Ветитнева, А.В. Дзюбиной [28] и др.

На платформе положений *региональной науки* санаторно-курортная деятельность представлена незначительным количеством работ, среди которых выделим наиболее глубокие исследования Д.И. Асланова [6], Р.Ш. Зиннатовой [29], М.С. Оборина [7, 30] и др.

Раскрытие содержания санаторно-курортной деятельности тесно связано с внутренними характеристиками таких ключевых родовых понятий, как «санаторий», «курорт», «рекреация», и их производными.

Еще в первые годы после Октябрьской революции советское законодательство закрепило понятие *лечебной местности (курорта)* постановлением Совета народных комиссаров «О лечебных местностях общегосударственного значения». Первая в советском законодательстве институция звучала так: «1. К лечебным местностям или курортам относятся: а) места с источниками лечебных (минеральных и химически безразличных) вод или с лечебными грязями, б) солено-озерные, лиманные и морские купанья, в) климатические и горные станции и г) места для пользования кумысолечением» [31]. Отметим, что именно этим документом был заложен централизованный принцип управ-

ления здравницами, который сохранялся на протяжении всего периода существования СССР.

Сущностно-содержательные характеристики таких понятий, как «курорт» (нем. *kurort*, *kur* — лечение, *ort* — место, лечебное место), «курортная местность», «курортная зона», «рекреация», имеют четкую *территориальную* привязку и часто используются авторами как синонимы.

Мы разделяем позицию авторов специализированного энциклопедического словаря, рассматривающих данные понятия как близкие, но не идентичные. В частности, в их терминологии *курорт* представляет собой «местность, располагающую природными лечебными факторами (минеральные источники, грязи, благоприятный климат и др.) и необходимыми условиями для их применения с лечебно-профилактическими целями, признанную курортом в установленном порядке» [32, с. 201].

Согласно ст. 3 Федерального закона от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» признание территории курортом осуществляется в зависимости от ее значения Правительством Российской Федерации, соответствующим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления на основании специальных курортологических, гидрогеологических и других исследований [33].

Курортная местность (лечебная местность) не требует официального закрепления и представляет собой «территорию, обладающую природными факторами (климатические условия, минеральные воды, лечебные грязи и др.), благоприятными для укрепления здоровья, лечения и профилактики заболеваний» [32, с. 204]. *Курортная зона* объединяет

территории нескольких курортов, образуя курортный район, или представляет собой часть территории курорта.

В состав понятия «рекреация» входит составной частью санаторно-курортное лечение как один из видов отдыха. В результате рекреационная деятельность по своему содержанию шире, чем санаторно-курортная деятельность, поскольку включает в себя еще и деятельность по оказанию туристических услуг. В результате рекреационный потенциал территории будет включать в себя возможности для организации отдыха и санаторно-курортного лечения.

На территории курорта осуществление санаторно-курортной деятельности тесно связано с созданием и функционированием объектов санаторно-курортной *инфраструктуры*. М.С. Оборин выделяет два основных типа инфраструктуры курортов: «специализированные лечебные учреждения (санатории, оздоровительные учреждения) и *вспомогательные организации* (неспециализированные коллективные средства размещения объектов гостиничной инфраструктуры — пансионаты, дома отдыха, гостиницы, отели», а также объекты транспортной, коммунальной, финансовой инфраструктуры и др.) [30, с. 28].

В свою очередь, *санаторно-курортное лечение* представляет собой *вид лечебно-профилактической помощи*, оказываемой в специализированных стационарных учреждениях и основанной на применении главным образом природных лечебных факторов (климат, минеральные воды, лечебные грязи и др.). В комплекс курортных факторов входят также перемена обстановки и «выключение» больного из привычных условий труда и быта, особенности природных условий и ландшафта курортов; важную роль играют лечебная физкультура, диетотерапия, санитарный режим и т.д.

Санаторий как медицинский *институт* и санаторно-курортное лечение как особая медицинская *услуга*, оказанная им, тесно связаны с природными факторами, присущими конкретной территории, а также условиями создания здорового образа жизни.

В настоящее время в научной литературе отсутствует единство толкований понятия «санаторно-курортная деятельность». Приведем наиболее интересные и обоснованные, на наш взгляд, позиции.

Как *особый вид человеческой деятельности* рассматривает санаторно-курортную деятельность Д.И. Асланов, предлагая следующее определение: «это сконцентрированный на определенной территории (местности), располагающей благоприятными природно-климатическими и бальнеологическими ресурсами, особый вид *человеческой деятельности* в форме специфической услуги, выполняемой для удовлетворения потребностей человека в лечении, отдыхе, для сохранения, восстановления здоровья населения и наращивания капитала здоровья» [34, с. 15].

Как *система мероприятий* представлена санаторно-курортная деятельность в исследованиях М.С. Оборина: «особым образом организованная система *мероприятий* на локализованном пространстве, которое имеет необходимые для осуществления профилактических, оздоровительных, реабилитационных задач характеристики и позволяет удовлетворять потребности широких групп населения в лечении, укреплении, сохранении своего здоровья, а также отдыхе с целью общего повышения качества жизни» [30, с. 33].

Социальная значимость выведена на передний план А.Б. Ивановым при раскрытии содержания санаторно-курортной деятельности: «*социально значимый вид деятель-*

ности по профилактике заболеваемости и оздоровлению населения Российской Федерации, направленный в первую очередь на увеличение продолжительности активного (в том числе трудового) периода жизни и осуществляемый в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах» [35]. Автор выделяет несколько базовых факторов реализации санаторно-курортной деятельности: пребывание в условиях курорта, санаторно-курортное лечение, медицинская реабилитация и оздоровление, медицинские услуги, диетическое питание, услуги общественного питания и культурный досуг отдыхающих».

В представленных определениях четко прослеживается *территориальный* аспект (территориальная привязка) санаторно-курортной деятельности, которая может быть представлена далеко не на каждой территории, что особенно важно с позиции исследований региональной экономики.

Санаторно-курортная деятельность осуществляется на базе учреждений санаторно-курортного комплекса, который представляет собой «освоенное особо охраняемое целостное конкретное пространство, обладающее уникальными ресурсами с натуральными полезными свойствами, в пределах которого развертывает свою услугуобразующую деятельность совокупность географически локализованных лечебно-оздоровительных учреждений, сопутствующих предприятий инфраструктуры и иных субъектов территориальной активности, объединенных устойчивыми, многослойными тесными внутренними природно-хозяйственными, экономическими, социальными, информационными и иными связями, согласованные и скоординированные действия которых на протяжении длительного времени направлены

на сохранение, восстановление, укрепление здоровья населения и наращивание капитала здоровья» [34, с. 16].

Основу санаторно-курортного комплекса формирует совокупность учреждений, предприятий, субъектов, объектов территориальной активности. Именно они в ходе своего функционирования осуществляют санаторно-курортную деятельность.

В рамках исследований по региональной экономике ученые изучают проблемы здоровья человека в контексте анализа *человеческого капитала* (капитала здоровья), который представляет собой важнейший фактор развития экономики страны и входящих в ее состав регионов. В связи с этим считаем важным к выделенным задачам осуществления санаторно-курортной деятельности как особого вида деятельности добавить *экономические* задачи, реализуемые посредством *увеличения человеческого капитала*.

В данном аспекте представляют интерес работы ученых, связывающих развитие санаторно-курортной деятельности и санаторно-курортного комплекса с формирующейся концепцией профилактической и восстановительной медицины, активно направленной на повышение качества жизни и творческого потенциала человека [36, с. 271–277; 37]. В частности, Миронов С.П. и его коллеги рассматривают восстановительную медицину как систему знаний и практической деятельности, направленной «на восстановление функциональных резервов и адаптивных способностей человека, сниженных в процессе неблагоприятного воздействия факторов среды и деятельности или в результате болезни, путем применения преимущественно немедикаментозных технологий» [38]. Авторы отмечают особое место в системе восстановительной медицины санаторно-курортной помощи,

«спецификой которой является оказание лечебно-оздоровительных услуг на основе преимущественного применения лечебных факторов (климата, минеральных вод, грязей, купания в морской воде и др.), а также использования преформированных физических факторов» [38].

В научных исследованиях авторы акцентируют внимание на выявлении социального и экономического эффектов санаторно-курортной деятельности.

Социальный эффект санаторно-курортной деятельности состоит в улучшении индивидуального, общественного здоровья и качества жизни населения [39; 40; 37], поскольку снижение временной нетрудоспособности экономически активного населения является научно доказанным результатом санаторно-курортного лечения [41; 35].

Экономический эффект функционирования санаторно-курортной деятельности имеет мультипликативный характер, проявляющийся в стимулировании развития сопутствующих видов экономической деятельности (строительных, инфраструктурных, образовательных, торговых, общественного питания, транспортно-логистических и др.), а также создания новых рабочих мест и повышения доходной части бюджетов всех уровней бюджетной системы [6; 7; 41].

Основным результатом осуществления санаторно-курортной деятельности на конкретной территории является оказание специфической санаторно-курортной услуги, ориентированной на внешнее, «приезжее» население. Нам импонирует определение санаторно-курортной услуги, предложенное М.С. Обориным: «санаторно-курортные услуги представляют собой синтетическую форму услуг, образованную на стыке туристско-рекреационной и медицинской деятельности, выполняющую *социальные* (лечеб-

но-оздоровительные, рекреационные, профилактические) и *экономические* (реализация финансовых задач частных организаций, увеличение доходов бюджетов различных уровней, рост доходов граждан и др.) *функции*, представляемые в рамках санаторно-курортных комплексов на основе единых организационно-институциональных, правовых, экологических, экономических условий с использованием специфических для территории того или иного СКК природно-лечебных ресурсов» [30, с. 48].

Подводя итог вышеизложенному, отметим незначительное количество исследований санаторно-курортной деятельности в контексте положений и постулатов региональной экономики. Еще в меньшей степени представлены работы, посвященные изучению санаторно-курортной деятельности на муниципальном уровне. Авторы научных работ зачастую концентрируют внимание на организационных и управленческих аспектах функционирования и развития санаторно-курортного комплекса на макро- и микроуровнях.

Представим собственные выводы, дающие приращение научного знания в контексте изучения санаторно-курортной деятельности региональной наукой.

1. Ключевыми доминантами исследования санаторно-курортной деятельности на научном поле региональной экономики являются следующие направления:

- во-первых, выявление, познание факторов и условий возникновения, развития и территориальной дифференциации данного вида экономической активности;
- во-вторых, изучение экономических и социальных эффектов функционирования санаторно-курортной деятельности на той или иной территории (рисунок).

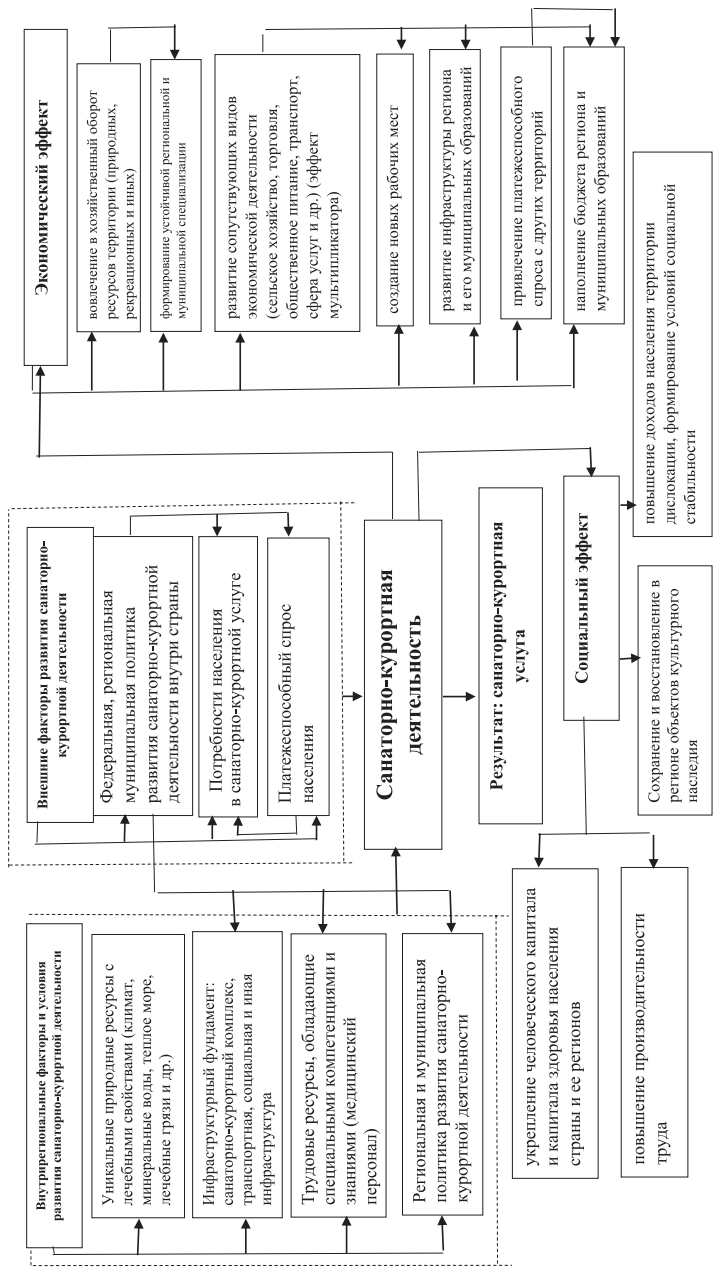

Рисунок. Ключевые доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте региональной экономики

Раскроем подробнее данный тезис.

Становление и развитие санаторно-курортной деятельности на территории региона определяют две группы факторов и условий — внутренние и внешние, ряд из которых имеет особый специфический характер.

Отметим, что важнейшим, отправным *внутренним* фактором зарождения и развития санаторно-курортной деятельности в том или ином локусе выступает наличие *уникальных природных ресурсов с лечебными свойствами* (климат, минеральные воды, лечебные грязи и др.). Например, еще в конце XIX в., описывая историю развития города Евпатории, крымский краевед, член Императорского Русского географического общества В.Х. Кондараки отмечал полезные свойства сакской грязи, открытой в 1809 г., притягивающей приезжее население с других территорий: «Ныне к ним стекаются с отдаленных мест много страдальцев, которые большинством, после долгих страданий, возвращаются домой совершенно здоровыми» [42, с. 35].

Наличие *инфраструктурного фундамента* — важнейший *внутренний* фактор функционирования и развития санаторно-курортной деятельности в регионе. В частности, строительство железных дорог, развитие пассажирского парохозяйства на Черном море оказали положительное влияние на становление и развитие крымских курортов. Ученые особо выделяют вклад строительства Лозово-Севастопольской железной дороги в 1875 г. [43, с. 38–46].

Ключевым *внешним* по отношению к региону *фактором* является государственная политика развития санаторно-курортной деятельности внутри страны. Ярким историческим примером является выбор Крыма в качестве приоритетного места летнего отдыха императорской семьи

и представителей высшего социального и имущественного слоя государства [44, 45 и др.].

2. Опираясь на теоретико-методологические разработки ученых, работающих в рамках экономической теории, теории услуг и теории региональной экономики, нами предложено определение санаторно-курортной деятельности.

Санаторно-курортная деятельность представляет собой особый вид экономической активности, сложившийся в определенном пространстве региона или муниципалитета на основе преимущественного использования его уникальных природных лечебных факторов, результатом которой является оказание специфической услуги, удовлетворяющей потребность человека в лечении, укреплении, сохранении здоровья, наращивании своего человеческого капитала, а также отдыхе, формирующей особые экономические и социальные эффекты для региона дислокации и других регионов страны.

В отличие от ранее представленных данное определение подчеркивает экономическую и социальную значимость санаторно-курортной деятельности как для территории дислокации, так и других регионов страны.

Раскрывая содержание санаторно-курортной деятельности, выделим проявления **экономических эффектов** ее функционирования и развития для региона дислокации.

А. Вовлечение в хозяйственный оборот уникальных лечебных ресурсов территории.

Природные ресурсы (благоприятный климат, минеральные источники, лечебные грязи, ресурсы моря и др.) становятся важным условием, «базовым материалом» оказания санаторно-курортной услуги. Именно их уникальные свойства в значительной степени обеспечивают приток при-

езжего населения с других территорий, которое является носителем платежеспособного спроса. Экономический эффект усиливается свойствами возобновляемости многих уникальных ресурсов (например, благоприятный климат, морские ресурсы, солнечный свет и др.).

Б. Формирование устойчивой региональной и муниципальной специализации.

В результате эффективного использования уникальных природных ресурсов формируется устойчивая региональная специализация, ядром которой выступают санаторно-курортная и туристско-рекреационная деятельности. Взаимосвязь и взаимодополнение санаторно-курортной и туристско-рекреационной видов деятельности обусловлены едиными мотивами лиц, пользующихся услугами этих сфер, — восстановление здоровья, рекреация, отдых.

Региональная специализация, региональный «генетический код», в основе которого представлены санаторно-курортная и туристско-рекреационная деятельности, может не меняться на протяжении длительного временного периода.

В. Развитие на компактной территории сопутствующих видов экономической деятельности (эффект мультипликатора), активизация процессов градообразования и градоформирования.

Санаторно-курортная деятельность стимулирует развитие сопутствующих видов экономической деятельности, способствующих выполнению главной ее задачи — оказания санаторно-курортной услуги. Это прежде всего развитие сельского хозяйства, пищевой промышленности, общественного питания, розничной и оптовой торговли, транспорта, разнообразной сферы услуг.

Санаторно-курортная деятельность может выступать градообразующим и градоформирующим фактором. По этому поводу известные французские ученые-урбанисты Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо в рамках исследования городов, в которых доминируют функции гостеприимства, отмечают: «Узкоспециализированные курортные города формируются вокруг водолечебниц... Курортники хотят развлекаться. Поэтому около курортов насаживаются парки, окрестные леса приспособливают для прогулок, в местах, с которых открываются красивые виды, устанавливают скамейки, разбивают площадки для игры в гольф, строят помещения для концертов и спектаклей. Организация развлечений в курортном городе порой становится залогом его процветания и даже основной функцией» [46, с. 171–172].

Г. Развитие региональной и муниципальной инфраструктуры.

Становление санаторно-курортной деятельности явилось существенным фактором формирования санаторно-курортного комплекса, создания объектов социальной, транспортной и иной инфраструктуры. В.Х. Кондараки констатировал, что для удобства приезжего населения в непосредственной близости от лечебных учреждений содержали гостиницу с рестораном «и употребляли всевозможные усилия для доставления пациентам своим комфорта и развлечений» [42, с. 35].

Среди важных экономических эффектов функционирования и развития санаторно-курортной деятельности особо выделим: создание новых рабочих мест; привлечение платежеспособного спроса населения с других территорий; наполнение бюджета региона и его муниципальных образований.

Социальный эффект системного функционирования экономических агентов санаторно-курортной деятельности на территории региона состоит в следующем:

— укрепление человеческого капитала населения страны посредством упрочения капитала здоровья;

— повышение производительности труда на других территориях и в масштабе страны в целом благодаря восстановлению здоровья рекреантов.

Социальный эффект функционирования и развития санаторно-курортной деятельности для жителей территории дислокации состоит прежде всего в повышении доходов населения посредством создания рабочих мест, необходимых для обслуживания платежеспособного спроса с других территорий страны, а также из-за рубежа; формировании условий социальной стабильности в регионе.

Особым косвенным социальным эффектом функционирования и развития санаторно-курортной деятельности как для региона дислокации, так и для страны в целом является восстановление и сохранение объектов исторического и культурного наследия.

3. Проведенное нами исследование позволяет дополнить особенности локализации санаторно-курортной деятельности на территории региона.

В ранее представленных научных работах выделены особенности локализации санаторно-курортной деятельности, в частности обоснованы ее *избирательность, привязанность и концентрация* в определенных точках социально-экономического пространства, обладающих соответствующими предпосылками и ресурсами [34, с. 15].

Авторы данной статьи считают необходимым добавить следующие важные *особенности локализации санаторно-ку-*

рортной деятельности — тяготение и концентрация в городских населенных пунктах или в непосредственной близости от них.

Данная особенность обусловлена специфическим характером санаторно-курортной услуги, вызванным ее высокой степенью комплексности [30, с. 44–53]. В частности, санаторно-курортная услуга включает в себя мероприятия по лечению, оздоровлению, профилактике, а также временно-му пребыванию, питанию, рекреации, транспортному обслуживанию и др. В большей степени условия для оказания комплексной санаторно-курортной услуги созданы в городских населенных пунктах, на территории которых расположены объекты социальной, коммунальной, транспортной инфраструктуры.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что нами в статье выделены главные доминирующие идеи исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной науки — региональной экономики. Такими доминантами, по мнению авторов, являются факторы, условия, экономические и социальные эффекты становления, развития и функционирования санаторно-курортной деятельности на той или иной территории (см. рисунок).

Отметим, что важнейшими *внутрирегиональными* факторами и условиями становления, функционирования и развития санаторно-курортной деятельности на территории региона являются: наличие уникальных природных ресурсов, обладающих лечебными свойствами; инфраструктурного фундамента; трудовых ресурсов, обладающих специальными компетенциями и знаниями, а также реализуемая региональными и местными органами власти политика развития санаторно-курортной деятельности.

Наиболее значимые *внешние* факторы развития санаторно-курортной деятельности — это федеральная и региональная политика (идеология) в отношении данного вида деятельности; сформированные потребности населения в санаторно-курортной услуге, а также поддерживающий эти потребности платежеспособный спрос населения.

Экономический эффект функционирования и развития санаторно-курортной деятельности на территории региона находит свое проявление в следующем: вовлечение в хозяйственный оборот ресурсов территории (природных, рекреационных и иных); формирование устойчивой региональной специализации и специализации расположенных на территории региона муниципальных образований; развитие сопутствующих видов экономической деятельности (сельское хозяйство, торговля, общественное питание, транспорт, сфера услуг и др.) (эффект мультипликатора); создание новых рабочих мест; стимулирование развития инфраструктуры региона и его муниципальных образований; привлечение платежеспособного спроса с других территорий; наполнение бюджета региона и муниципальных образований и др.

Не менее важны *социальные результаты (социальный эффект)* реализации санаторно-курортной деятельности, которые находят свое проявление не только в регионе ее дислокации, но и далеко за его пределами, в частности укрепление человеческого капитала и капитала здоровья населения страны и ее регионов и, как следствие, — повышение производительности труда; повышение доходов населения территории дислокации, формирование условий социальной стабильности; сохранение и восстановление в регионе объектов культурного наследия и др.

Все вышеперечисленное формирует ключевые доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в рамках научного поля региональной экономики.

Библиографический список

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, Cop. 1973. — 507 с.
2. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории: пер. с англ. Челябинск, Социум. — 877 с.
3. Анимица Е. Г., Силин Я. П. Контуры формирования парадигмальных оснований в муниципальной экономике // Journal of New Economy, 2021, т. 22, № 1, с. 5–25.
4. Дятел Е.П., Голомолзина Н.В. Предмет, история и основные направления развития экономической теории услуг. — Екатеринбург: Архитектон, 2009. — 152 с.
5. Дятел Е.П., Голомолзина Н.В. Экономическая структура общества услуг: от Великой депрессии к Великой рецессии // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014, № 4 (54), с. 6–17.
6. Асланов Д.И. Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. — 183 с.
7. Оборин М.С., Нагоева Т.А., Кожушкина И.В. Научно-теоретические подходы к определению роли санаторно-курортного комплекса в социально-экономическом развитии региона // Вестник Забайкальского государственного университета, 2020, т. 26, № 5, с. 93–105.
8. Царфис П.Г. Рекреационная география СССР: Курортол. аспекты. — М.: Мысль, 1979. — 311 с.
9. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 208 с.

10. Чаклин А.В. Медицинская география. — М.: Знание, 1977. — 128 с.
11. Воронов А.Г. Медицинская география: Зоонозы и сапронозы. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 105 с.
12. Пономаренко Г.Н. Курортология: энциклопедический словарь. — СПб: Человек, 2008. — 256 с.
13. Курортология: основные природные лечебные факторы и методы их использования, описание курортов мира / В.Б. Адилов и др.; под ред. А.Н. Разумова, Е.А. Туровой. — М.: Унив. кн., 2016. — 639 с.
14. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. — М.: Институт новой экономики, 2004. — 1376 с.
15. Минакир П.А. Экономика и пространство // Пространственная экономика, 2005, № 1, с. 4–26.
16. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика, 2010, № 2, с. 6–32.
17. Силин Я.П., Анимица Е.Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of New Economy, 2020, т. 21, № 1, с. 5–28.
18. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2): утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст // Консультант Плюс.
19. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48, ст. 6724.
20. Hofer S., Honegger F., Hubeli J. Health tourism: definition focused on the Swiss market and conceptualisation of health(i) ness // J. Health Organ. Manag. 2012. №26. P. 60–80.
21. Speier A.R. Health tourism in a Czech health spa // Anthropol. Med. 2011. № 18. P. 55–66.
22. Loh C.P. Health tourism on the rise? Evidence from the Balance of Payments Statistics // Eur. J. Health Econ. 2014. № 15. P. 759–766.

23. McHale J. Health tourism and the UK. Some new developments // Br. J. Nurs. 2010. № 19. P. 926–927.
24. Dalstrom M. Medical travel facilitators: connecting patients and providers in a globalized world // Anthropol. Med. 2013. № 20. P. 24–35.
25. Cook P.S. Constructions and Experiences of Authenticity in Medical Tourism: the performances of places, spaces, practices, objects and bodies // Tourist Studies. — 2010. — № 10. — P. 135–153.
26. Амбарцумян С.Ю., Лочан С.А. Организация и управление санаторно-курортным комплексом. Инновационный аспект. — М.: Палеотит, 2003. — 136 с.
27. Разумов А.Н., Мазитов Ф.Х., Ильясов Б.Г., Загидуллин Ш.З. Санаторно-курортный комплекс как сложный объект управления // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры, 2008, № 5, с. 43–46.
28. Ветитнев А.М., Дзюбина А.В. Современные проблемы санаторно-курортного комплекса России и пути их решения // Экономика Крыма, 2012, № 3 (40), с. 296–300.
29. Зиннатова Р.Ш. Организационно-экономические условия развития санаторно-курортного комплекса региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. — М., 2009. — 180 с.
30. Оборин М.С. Формирование и развитие рынка санаторно-курортных услуг: теория, методология, практика: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05. — Сочи, 2016. — 549 с.
31. О лечебных местностях общегосударственного значения: Постановление СНК РСФСР от 4 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 19–21.
32. Курорты. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.И. Чазов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — 592 с.
33. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: Федеральный закон от 23 февраля 1995 г.

- № 26-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 февраля 1995 г. № 9, ст. 713.
34. Асланов Д.И. Развитие теоретико-методологических основ трансформации санаторно-курортного комплекса региона: автореферат дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2013. — 47 с.
 35. Иванов А.Б. Санаторно-курортная деятельность имеет социальную значимость // Федеральный специализированный журнал «Кто есть кто в медицине». 2017. № 2 (85). Режим электронного доступа: <http://ktovmedicine.ru/2017/2/sanatorno-kurortnaya-deyatelnost-imeet-socialnuyu-znachimost.html> (дата обращения: 27.05.2021).
 36. Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым / Майданевич Ю.П., Василенко В.А., Черемисина С.Г. и др. — Симферополь: Полипринт, 2019. — 361 с.
 37. Баснина Т.Д., Валитова Л.А., Шерешева М.Ю. Управление российским санаторно-курортным комплексом: основные проблемы и тенденции развития // Управленец, 2021, т. 12, № 1, с. 62–77.
 38. Миронов С.П., Разумов А.Н., Казаков В.Ф., Бобровницкий И.П. Актуальные вопросы восстановительной медицины в системе санаторно-курортных учреждений Управления делами Президента Российской Федерации. Режим электронного доступа: <http://kremlin-medicine.ru/article/download> (дата обращения: 04.04.2021).
 39. Григорьев В.И. Генезис рекреационной отрасли и ее влияние на воспроизводство человеческого капитала // Экономика труда 2017, т. 4, № 1, с. 31–42.
 40. Мальцев А.А., Фечина А.О. Медицинская услуга в системе управления качеством человеческих ресурсов // Управленец, 2019, т. 10, № 2, с. 62–72.
 41. Оборин М.С., Нагоева Т.А., Кожушкина И.В. Особенности формирования институциональной среды санаторно-курортного комплекса региона // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2020, № 3 (185), с. 26–37.

42. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма: в 17 ч. Ч. 14. — С.-Петербург: Типография В. Веллинга, 1875. — 145 с.
43. Кеня И.А. Вклад российских предпринимателей в становление курортов Южного берега Крыма в конце XIX — начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета, 2018, № 4, с. 38–46.
44. Мальгин А. В. Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь: СОНАТ, 2004. — 325 с.
45. Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / Под редакцией д.г.н., проф. И.М. Яковенко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. — 408 с.
46. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1967. — 424 с.

References

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. — N.Y.: Basic Books, Cop. 1973. — 507 p.
2. Mizes L. fon. Chelovecheskaja dejatel'nost': Traktat po jekonomicheskoj teorii: per. s angl. Cheljabinsk, Socium. — 877 s.
3. Animica E. G., Silin Ja. P. Kontury formirovanija paradigmat'nyh osnovanij v municipal'noj jekonomike // Journal of New Economy. 2021. T. 22, № 1. S. 5–25.
4. Djatel E.P., Golomolzina N.V. Predmet, istorija i osnovnye napravlenija razvitija jekonomicheskoj teorii uslug. — Ekaterinburg: Arhitekton, 2009. — 152 s.
5. Djatel E.P., Golomolzina N.V. Jekonomicheskaja struktura obshhestva uslug: ot Velikoj depressii k Velikoj recessii // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2014. № 4 (54). S. 6–17.
6. Aslanov D.I. Transformacija sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona: teorija, metodologija, praktika. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. jekon. un-ta, 2012. — 183 s.

7. Oborin M.S., Nagoeva T.A., Kozhushkina I.V. Nauchno-teoreticheskie podhody k opredeleniju roli sanatorno-kurortnogo kompleksa v social'no-jekonomicheskom razvitii regiona // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26, № 5. S. 93–105.
8. Carfis P.G. Rekreacionnaja geografija SSSR: Kurortol. aspekty. — M.: Mysl', 1979. — 311 s.
9. Mironenko N.S., Tverdohlebov I.T. Rekreacionnaja geografija. — M.: Izd-vo MGU, 1981. — 208 s.
10. Chaklin A.V. Medicinskaja geografija. — M.: Znanie, 1977. — 128 s.
11. Voronov A.G. Medicinskaja geografija: Zoonozy i sapronozy. — M.: Izd-vo MGU, 1989. — 105 s.
12. Ponomarenko G.N. Kurortologija: jenciklopedicheskij slovar'. — Spb: Chelovek, 2008. — 256 s.
13. Kurortologija: osnovnye prirodnye lechebnye faktory i metody ih ispol'zovanija, opisanie kurortov mira/ V.B. Adilov i dr.; pod red. A.N. Razumova, E. A. Turovoj. — M.: Univ. kn., 2016. — 639 s.
14. Bol'shoj jekonomicheskij slovar' / pod red. A.N. Azrilijana. — M.: Institut novoj jekonomiki, 2004. — 1376 s.
15. Minakir P.A. Jekonomika i prostranstvo // Prostranstvennaja jekonomika. 2005. № 1. S. 4–26.
16. Minakir P.A., Dem'janenko A.N. Prostranstvennaja jekonomika: jevoljucija podhodov i metodologija // Prostranstvennaja jekonomika. 2010. № 2. S. 6–32.
17. Silin Ja.P., Animica E.G. Jevoljucija paradigmy regional'noj jekonomiki // Journal of New Economy. 2020. T. 21, № 1. S. 5–28.
18. Obshherossijskij klassifikator vidov jekonomicheskoy dejatel'nosti OK 029-2014 (KDES Red. 2): utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 № 14-st // Konsul'tant Pljus.
19. Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21 nojabrja 2011 g. № 323-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 nojabrja 2011 g. № 48 st. 6724.

20. Hofer S., Honegger F., Hubeli J. Health tourism: definition focused on the Swiss market and conceptualisation of health(i) ness // *J. Health Organ. Manag.* 2012. № 26. P. 60–80.
21. Speier A.R. Health tourism in a Czech health spa // *Anthropol. Med.* 2011. № 18. P. 55–66.
22. Loh C.P. Health tourism on the rise? Evidence from the Balance of Payments Statistics // *Eur. J. Health Econ.* 2014. № 15. P. 759–766.
23. McHale J. Health tourism and the UK. Some new developments // *Br. J. Nurs.* 2010. №19. P. 926-927.
24. Dalstrom M. Medical travel facilitators: connecting patients and providers in a globalized world // *Anthropol. Med.* 2013. № 20. P. 24–35.
25. Cook P.S. Constructions and Experiences of Authenticity in Medical Tourism: the performances of places, spaces, practices, objects and bodies // *Tourist Studies.* — 2010. — № 10. — P. 135–153.
26. Ambarcumjan S.Ju., Lochan S.A. Organizacija i upravljenje sanatorno-kurortnym kompleksom. Innovacionnyj aspekt. — M.: Paleotit, 2003. — 136 s.
27. Razumov A.N., Mazitov F.H., Il'jasov B.G., Zagidullin Sh.Z. Sanatorno-kurortnyj kompleks kak slozhnyj ob#ekt upravlenija // *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoj kul'tury.* — 2008. — №5. — S. 43–46.
28. Vetitnev A.M., Dzubina A.V. Sovremennye problemy sanatorno-kurortnogo kompleksa Rossii i puti ih reshenija // *Jekonomika Kryma.* — 2012. — № 3 (40). — S. 296–300.
29. Zinnatova R.Sh. Organizacionno-jekonomicheskie uslovija razvitija sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk. — M., 2009. — 180 s.
30. Oborin M.S. Formirovanie i razvitie rynka sanatorno-kurortnyh uslug: teorija, metodologija, praktika: dissertacija ... doktora jekonomicheskikh nauk : 08.00.05. — Sochi, 2016. — 549 s.

31. O leчебnyh mestnostjah obshhegosudarstvennogo znachenija: Postanovlenie SNK RSFSR ot 4 aprelya 1919 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 5. M., 1971. S. 19–21.
32. Kurorty. Jenciklopedicheskiy slovar' / Gl. red. E.I. Chazov. — M.: Sov. Jenciklopedija, 1983. — 592 s.
33. O prirodnyh leчебnyh resursah, leчебno-ozdorovitel'nyh mestnostjah i kurortah: Federal'nyj zakon ot 23 fevralja 1995 g. № 26-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 27 fevralja 1995 g. N 9 st. 713.
34. Aslanov D.I. Razvitie teoretiko-metodologicheskikh osnov transformacii sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona: avtoreferat dis. ... d-ra jekon. nauk: 08.00.05. Ekaterinburg, 2013. — 47 s.
35. Ivanov A.B. Sanatorno-kurortnaja dejatel'nost' imeet social'nuju znachimost' // Federal'nyj specializirovannyj zhurnal «Kto est' Kto v medicine». 2017. № 2 (85). Rezhim jelektronnogo dostupa: <http://ktovmedicine.ru/2017/2/sanatorno-kurortnaya-deyatelnost-imeet-socialnuyu-znachimost.html> (data obrashhenija 27.05.2021).
36. Analiz tendencij social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Krym / Majdanevich Ju. P., Vasilenko V.A., Cheremisina S.G. i dr. — Simferopol': Poliprint, 2019. — 361 s.
37. Basnina T.D., Valitova L.A., Sheresheva M.Ju. (2021). Upravlenie rossijskim sanatorno-kurortnym kompleksom: osnovnye problemy i tendencii razvitija // Upravlenec. 2021. T. 12, № 1. S. 62–77.
38. Mironov S.P., Razumov A.N., Kazakov V.F., Bobrovnickij I.P. Aktual'nye voprosy vosstanovitel'noj mediciny v sisteme sanatorno-kurortnyh uchrezhdenij Upravlenija delami Prezidenta Rossijskoj Federacii. Rezhim jelektronnogo dostupa: <http://kremlin-medicine.ru › article › download> (data obrashhenija 04.04.2021).
39. Grigor'ev V.I. Genezis rekreacionnoj otrasli i ejo vlijanie na vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala // Jekonomika truda. 2017. Tom 4. № 1. S. 31–42.

40. Mal'cev A.A., Fechina A.O. Medicinskaja usługa v sisteme upravlenija kachestvom chelovecheskih resursov // Upravlenec. 2019. T. 10. № 2. S. 62–72.
41. Oborin M.S., Nagoeva T.A., Kozhushkina I.V. Osobennosti formirovanija institucional'noj sredy sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2020. № 3 (185). S. 26–37.
42. Kondaraki V.H. Universal'noe opisanie Kryma: v 17 ch. Ch. 14. — S.-Peterburg: Tipografija V. Vellinga, 1875. — 145 s.
43. Kenja I.A. Vklad rossijskih predprinimatelej v stanovlenie kurortov Juzhnogo berega Kryma v konce XIX — nachala XX vv. // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 4. S. 38–46.
44. Mal'gin A. V. Russkaja Riv'era: Kurorty, turizm i otdyh v Krymu v jepohu Imperii. Konec XVIII — nachalo HH v. — Simferopol': SONAT, 2004. — 325 s.
45. Turistsko-rekreacionnyj resursnyj potencial Respubliki Krym i g. Sevastopol' / Pod redakciej d. g. n., prof. I. M. Jakovenko. — Simferopol': IT «ARIAL», 2015. — 408 s.
46. Bozhe-Garn'e Zh., Shabo Zh. Oчерки по географии gorodov: per. s fr. — M.: Progress, 1967. — 424 s.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, РФ, г. Екатеринбург, пр. 8 Марта / Народной Воли, 62/45
Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St.,
Ekaterinburg, 620144, Russia.

Силин Яков Петрович / Yakov P. Silin

+7 (343) 283-11-11; e-mail: odo@usue.ru

Харитоненко Олеся Викторовна

+7 (343) 283-10-76; e-mail: rime@usue.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-225-239

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN MARKET OF ORGANIC PRODUCTS¹

ЗАКИРОВА ЭЛИНА РАФИКОВНА

Директор Института дополнительного образования Уральского государственного экономического университета, д.э.н., доцент

ELINA R. ZAKIROVA

Director of the Institute of Continuing Education of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В современном мире одним из актуальных направлений является развитие рынка органической продукции, который является необходимым условием в сохранении и улучшении здоровья российских граждан и в обеспечении продовольственной безопасности. В данной статье рассматривается состояние рынка органической продукции и меры, направленные на активное формирование данной сферы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-510-07009.

ABSTRACT

In the modern world, one of the most important spheres of economy is the development of the organic market. The development of the organic market is a necessary element for preserving and improving the health conditions of Russian citizens. The development of the organic market positive impacts food security for country. In this article, the author examines the situation of the organic market and activities that are aimed at the sustainable formation of this sector of economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Органическая продукция, органическое производство, экологически чистые продукты, экологическая безопасность, продовольственная безопасность, рынок молока, экология, экономика, рынок, устойчивое развитие.

KEYWORDS

Organic products, organic production, environmentally friendly products, ecological safety, food security, milk market, ecology, economy, market, sustainable development.

Экологическая и продовольственная безопасность, повышение качества жизни российских граждан за счет обеспечения населения продуктами питания высокого качества и использование технологий производства с минимальным воздействием на экологию в процессе этого производства являются важнейшими направлениями в поддержании национальной безопасности страны. Правомерность ориентации нашего исследования на экологическую повестку подтверждается увеличением количества работ, посвященных развитию «зеленой экономики», инфраструктуры «зеленых финансов», способов увеличения усилий как со стороны государства, так и со стороны частных инвесторов по

охране окружающей среды. Таким образом, вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса об интеграции интересов государства и частных лиц в экологической отрасли. Развитие рынка органической продукции становится актуальной составляющей и необходимым условием в решении проблемы сохранения и улучшения здоровья населения. В свою очередь, оградительные меры стимулировали население более осознанно относиться к своему здоровью, что также в перспективе повышает спрос на органическую продукцию. Поэтому на сегодняшний день процесс развития рынка органической продукции является одним из актуальных для России.

Началом формирования рынка органической продукции можно считать 2008 г., когда Роспотребнадзор утвердил «Санитарно-эпидемиологические требования к экологически ориентированным продуктам питания». Период 2007–2008 гг. сопровождался кризисом продовольственных цен и обострил потребность в обеспечении и развитии продовольственной безопасности страны.

Первой терминологической основой в сфере органического производства является нормативный документ ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические. Термины и определения». Стоит отметить, что введение санкций в 2014–2015 гг. со стороны ряда экономически развитых стран побудило государство предпринимать более активные меры по развитию отечественных предприятий и в дальнейшем послужило стимулом для начала реализации импортозамещения. Так, в определенной степени основными факторами, культивирующими развитие в сфере продовольственной безопасности, выступали конфликты, чрезвычайные явления и экономические неурядицы.

Также примечательно, что до 2017 года не существовало единых правил сертификации органической сельскохозяйственной продовольственной продукции, что на практике приводило к трудностям в идентификации продукции: любой сельхозпроизводитель мог дать наименование своей продукции как «экологической», «био», «органической» и т.д., независимо от того, является ли продукция в действительности органической или нет. Так, с целью обеспечения населения безопасными продуктами питания возникла потребность в производстве экологически чистой и безопасной продукции. Поэтому в 2018 г. принят закон «Об органической продукции», который вступил в силу в 2020 г.

Рынок органической продукции является достаточно динамичным (рис. 1). В России с 2007 по 2019 г. он вырос с 30 до 160 миллион евро. С 2008 г. розничные продажи имеют тенденцию к росту. Стоит отметить, что с 2012 по 2018 г. рынок органической продукции не имел динамичного развития, что можно объяснить низким платежеспособным спросом и формированием нормативной базы вплоть до 2018 г., когда был разработан основополагающий закон «Об органической продукции».

Также на рис. 2 можно отметить изменение количества производителей органической продукции: увеличение с 25 в 2008 г. до 82 в 2015 г. Однако далее, с 2015 г., в России происходит снижение численности товаропроизводителей, после чего, с 2018 г., данный показатель снова возрастает. Так, исходя из графиков на рис. 1 и 2, мы можем разглядеть корреляцию между динамикой на диаграммах и ключевыми моментами развития рынка органической продукции, описанными выше.

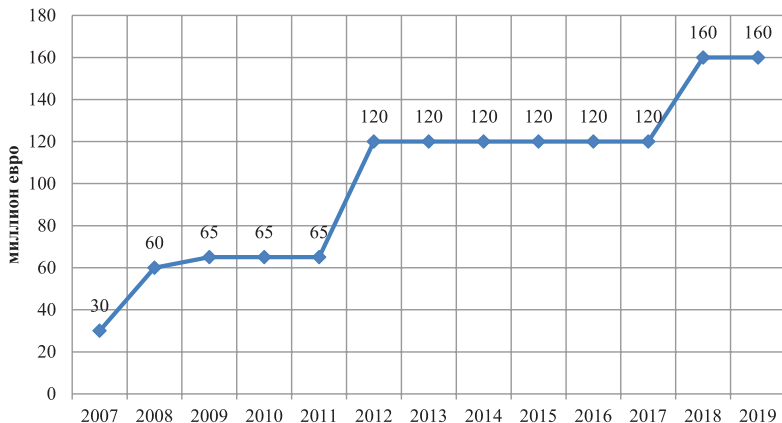

Рисунок 1. Развитие органической розничной торговли в РФ за 2007–2019 гг. (в млн евро) [19]

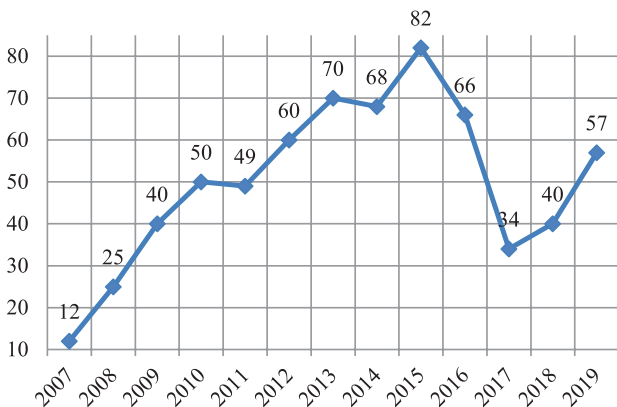

Рисунок. 2. Динамика товаропроизводителей органической продукции в РФ за 2007–2019 гг. [20]

Таблица
Поддержка производителей органической продукции на региональном уровне

Наименование региона	Наименование нормативного документа	Описание
Томская область	Поддержка производства органической продукции в Томской области осуществляется на основании приказа Департамента по социально-экономическому развитию Томской области № 72 от 09.09.2020 года «О предоставлении субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства по отделенным подотраслям растениеводства и животноводства (на возмещение части затрат)».	<p>Первый регион, который принял конкретные меры поддержки органического сельского хозяйства.</p> <p>Размер субсидии не может превышать 80 процентов от фактических затрат получателя субсидии без учета налога на добавленную стоимость.</p> <p>В среднем производители органической продукции Томской области получают погектарную поддержку около 1000 руб./га.</p> <p>К началу 2020 г. налажено профессиональное обучение и подготовка кадров к органическому сельхозпроизводству в ФГБОУ ДПО Томский институт переподготовки кадров и агробизнеса (ТИПКИиА).</p> <p>Объем экспорта увеличился с 11,8 тысячи тонн в 2018 г. до 29,6 тысячи тонн в 2019 г. На данный момент регион имеет следующие продукты – это овес с пониженным содержанием глютена, пшеница третьего и пятого класса, рапс и многое другое [9].</p>

Наименование региона	Наименование нормативного документа	Описание
Воронежская область	<p>Господдержка осуществляется на основании постановления правительства Воронежской области от 17.05.2019 № 504 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из областного бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям и другим организациям агропромышленного комплекса независимо от их организационно-правовой формы (за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство) на развитие производства органической продукции».</p>	<p>Производителям органической продукции Воронежской области из средств регионального бюджета возмещаются затраты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) 100% затрат на сертификацию органического производства; 2) 50% затрат на биологические средства защиты, питания, вет-препараты, кормовые добавки для животных, разрешенные к применению в органическом сельском хозяйстве. <p>Особенностью является то, что регион учитывает переходный период. Право на получение субсидий имеют получатели субсидий, имеющие земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в переходном периоде и проходящие процедуру сертификации органического производства.</p> <p>Поддержка сельхозпредприятий, которые производят яблоки, ягоды, овощи, зерновые и масличные сельхозкультуры.</p>
Ярославская область	<p>Постановление правительства области от 06.03.2014 № 188-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года».</p>	<p>Органическое сельское хозяйство — одно из приоритетных направлений в развитии АПК региона. Минсельхоз России осуществляет масштабную работу по обеспечению подготовки профильных специалистов в сфере органического сельского хозяйства. В марте 2021 г. состоялась открытие Центра компетенций органического сельского хозяйства на площадке Ярославской государственной сельскохозяйственной академии, подведомственной Минсельхоза России.</p>

Наименование региона	Наименование нормативного документа	Описание
Краснодарский край	Закон Краснодарского края от 5 июля 2019 г. № 4077-КЗ «О развитии производства органической продукции на территории Краснодарского края».	Особенностью является то, что регион учитывает переходный период, когда продукция еще не имеет статус органики, а услуги сертификации нужно оплачивать. Государственная поддержка на производимую органическую продукцию на площади обрабатываемых в органическом производстве сельскохозяйственных угодий в переходный период, в течение которого обеспечивается внедрение правил ведения органического сельского хозяйства и производства органической продукции, установленных действующими в Российской Федерации национальными, межгосударственными и международными стандартами в сфере производства органической продукции.
Саратовская область	Закон Саратовской области от 4 ноября 2003 г. № 68-ЗСО «О государственной поддержке производства и реализации сельскохозяйственной продукции (в том числе органической продукции) в Саратовской области» (с изменениями на 27 апреля 2020 г.).	<p>Меры государственной поддержки:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) содействие получению кредитов в государственных и коммерческих кредитных организациях; 2) содействие получению техники и оборудования по договорам лизинга в ходе реализации государственных программ Российской Федерации и государственных программ области; 3) субсидирование за счет средств областного бюджета части процентной ставки по краткосрочным и долгосрочным кредитам; 4) авансирование закупок сельскохозяйственной продукции (в том числе органической продукции), сырья и продовольствия для государственных нужд области; 5) осуществление закупочных и товарных интервенций.

Наименование региона	Наименование нормативного документа	Описание
Белгородская область	Постановление правительства Белгородской области от 28.10.2013 № 439-пп (ред. от 23.11.2020) «Об утверждении государственной программы Белгородской области „Развитие сельского хозяйства и рыбоводства в Белгородской области“».	<p>1) планирование реализации комплекса мер по поддержке сельхозовладелецпроизводителей из областного бюджета, в рамках которой предусматривается развитие органических (молочных) ферм;</p> <p>2) разработка системы сертификации органической продукции и продукции с улучшенными экологическими характеристиками, разработка брендов и торговых марок для эффективного продвижения продукции на потребительском рынке Российской Федерации;</p> <p>3) 100% затрат на сертификацию органического производства. Открыто первое региональное представительство Союза органического земледелия.</p> <p>Реализуется локальный проект по развитию сельскохозяйственной кооперации на основе органического земледелия. Для фермеров осуществляется разработка «коробочных» решений, включающих полный цикл. А именно сертификация, агротехнологии по разным видам сельхозпроизводства (растениеводство, животноводство, пчеловодство), совместная переработка и сбыт.</p>
Республика Башкортостан	Закон Республики Башкортостан от 31 октября 2007 г. № 472-з «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан» (с изменениями на 30 марта 2021 г.).	<p>Органическое сельское хозяйство отнесено к таким же приоритетным направлениям для республики, как коневодство, пчеловодство, элитное семеноводство.</p> <p>В закон добавлена фраза «развитие органического сельского хозяйства и поддержка производителей органической продукции». Производители, занимающиеся данным направлением, могут теперь рассчитывать на финансовые меры государственной поддержки.</p>

С 1 января 2020 года в России действует Закон об органической продукции, который направлен на введение единых требований к производству и маркировке российской органики, а также устранение недобросовестных маркетинговых практик [4]. Помимо принятого федерального закона, в России приняты и действуют три стандарта в данной сфере. Также действует единый государственный реестр производителей органической продукции и единый государственный знак органической продукции.

На начало 2020 г. в России 90 производителей органики, из которых 45 сельхозпроизводителей сертифицировано по международным стандартам [5]. По мнению западных экономистов, более 90% рынка органической продукции в России составляет импортная продукция. На начало 2020 г. Россия занимает 0,2% доли на мировом органическом рынке [2]. Также к началу 2021 года в стране создано семь аккредитованных органов по сертификации органики.

Обеспечение продовольственной безопасности несет в себе оказание государственной поддержки крупным производителям и фермерам, а также разработку и принятие программ по защите внутреннего рынка продовольственной продукции. Со стороны государства осуществляется следующая форма поддержки: в 2020 году производителям органики вернут 70% затрат на проведение сертификации по международным стандартам. Кроме того, действуют меры по возмещению затрат на введение в оборот неиспользуемых земель, проведение культурно-технических работ. Для фермерских хозяйств предусмотрена поддержка на увеличение посевных площадей, которая в основном происходит за счет неиспользуемых сельхозугодий.

Государственная поддержка является важным элементом развития органического сельского хозяйства в России. Увеличение на российском рынке «экологической продукции» может быть обеспечено за счет государственной поддержки на федеральном уровне и региональном уровне (см. таблицу).

Из проведенных исследований можно сделать вывод, что ряд регионов достаточно активно работает в направлении развития органического сельского хозяйства. На уровне этих областей приняты региональные программы развития органического сельского хозяйства. Государственная поддержка оказывается различным местным отраслям: овощеводство и бахчеводство, мясная, молочная и другие отрасли. Молоко и молочные продукты занимают важное место в пищевом рационе российских граждан и необходимы для сбалансированного питания.

Таким образом, можно сделать вывод, что продовольственная безопасность является одним из главных направлений, обеспечивающих сохранение национальной безопасности. В современных условиях невозможно отрицать взаимосвязь между продовольственной безопасностью и рынком органической продукции. В результате развитие рынка органической сельскохозяйственной продукции также является необходимым условием повышения уровня жизни населения через обеспечение экологическими продуктами питания. Многие регионы страны уже осуществляют мероприятия по поддержке и развитию органического производства с учетом специфики областей. Общий тренд на развитие экологичного производства отражается и на деятельности предпринимательства. В частности, предприятия рынка молочной продукции

уже целенаправленно реализуют проекты в сфере обеспечения продовольственной безопасности — модернизация производства, позволяющая использовать ресурсосберегающие технологии, ликвидация опасного для окружающей среды производственного оборудования и т.д. На данный момент Россия находится на начальных стадиях активного формирования рынка органической продукции. В свою очередь, это позволяет выявить ряд проблем, которые требуют решения со стороны государства путем разработки и совершенствования нормативной базы органического производства в отношении управления, контроля и сертификации; развития и реализации проектов в сфере ГЧП, субсидирования и финансовой поддержки предпринимательства, а также выстраивания кооперации торговых сетей и местных производителей органики, распространения информации относительно подготовки кадров и повышения осведомленности потребителей. В будущем российский рынок потенциально имеет положительные предпосылки для расширения.

Библиографический список

1. Бондаренко А.И. Развитие рынка органической продукции в России // Студенческая наука — взгляд в будущее: Материалы XV Всероссийской студенческой научной конференции. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. — С. 67–69.
2. Дадаев Я.Э. Экологически чистое производство в системе экологического предпринимательства // Вестник Чеченского государственного университета, 2019. — № 3 (35). — С. 97–103.
3. Коростелева Д.С. Что же такое органическая продукция? / Д.С. Коростелева, С.Н. Букатников, И.Я. Яковлева // Наука и ин-

- новации в современном мире: Сборник научных статей. — М.: Перо, 2020. — С. 46–49.
4. Мартынушкин А.Б. Российский рынок органической продукции: проблемы формирования и пути их решения / А.Б. Мартынушкин, П.В. Мартынушкин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, 2020. — № 2 (74). — С. 62–65.
 5. Главные тренды молочной продукции начала 2020 (Globaldata) [Электронный ресурс]. — URL: <https://dairytech-expo.ru/Stativglavnie-trendi-molochnoi-produkcii-2020> (дата обращения: 31.03.2021).
 6. Как нацпроект меняет культуру производства // Российская газета — Спецвыпуск, 2020. — № 268 (8322) [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/11/26/reg-urfo/kak-nacproekt-meniaet-kulturu-proizvodstva-na-urale.html> (дата обращения: 09.05.2021).
 7. Органический рынок России в 2020 г. // «Национальный органический союз» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosorganic.ru/files/Analiz%20organic%20RF%202020%20%D0%B3.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).
 8. План инвестиционного развития № 01-01-39-62 от 13.12.2019 Е.В. Куйвашев [Электронный ресурс]. — URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/images/piir.pdf> (дата обращения: 09.05.2021).
 9. Томская область показала беспрецедентный рост экспорта органической продукции [Электрон. ресурс]. — URL: <https://soz.bio/tomskaya-oblast-pokazala-besprecedentnyj-rost-eksporta-organicheskoy-produkcii/> (дата обращения: 09.05.2021).
 10. Organic retail sales // FIBL [Электронный ресурс]. — URL: <https://statistics.fibl.org/world.html> (дата обращения: 30.03.2021).

References

1. Bondarenko A.I. Razvitie rynka organicheskoi produktsii v Rossii // Studencheskaya nauka — vzglyad v budushchee: Materialy XV Vserossiiskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii. — Krasnoyarsk. Izd-vo: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2020. — S. 67–69.
2. Dadaev. Ya.E. Ekologicheski chistoe proizvodstvo v sisteme ekologicheskogo predprinimatel'stva // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo univesiteta, 2019. — № 3 (35). — S. 97–103.
3. Korosteleva, D.S. Chto zhe takoe organicheskaya produktsiya? / D.S. Korosteleva, S.N. Bukatnikov, I.Ya. Yakovleva // Nauka i innovatsii v sovremennom mire: Sbornik statei. M: Pero, 2020. — S. 46–49.
4. Martynushkin, A.B. Rossiiskii rynek organicheskoi produktsii: problemy formirovaniya i puti ikh resheniya / A.B. Martynushkin, P.V. Martynushkin // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii, 2020. — № 2 (74). — S. 62–65.
5. Glavnye trendy molochnoi produktsii nachala 2020 (Globaldata) [Elektron.resurs]. — URL: <https://dairytech-expo.ru/Stati/glavnie-trendi-molochnoi-produkcii-2020> (data obrashcheniya: 31.03.2021).
6. Kak natsproekt menyaet kul'turu proizvodstva // Rossiiskaya gazeta - Spetsvyпуск, 2020. — № 268(8322) [Elektron.resurs]. — URL: <https://rg.ru/2020/11/26/reg-urfo/kak-nacproekt-meniaet-kulturu-proizvodstva-na-urale.html> (data obrashcheniya: 09.05.2021).
7. Organicheskii rynek Rossii v 2020g. // «Natsional'nyi organicheskii soyuz» [Elektron.resurs]. — URL: <https://rosorganic.ru/files/Analiz%20organic%20RF%202020%20%D0%B3.pdf> (data obrashcheniya: 31.03.2021).
8. Plan investitsionnogo razvitiya № 01-01-39-62 ot 13.12.2019 E.V. Kuvashhev [Elektron.resurs]. — URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/images/piir.pdf> (data obrashcheniya: 09.05.2021).

9. Tomskaya oblast' pokazala bespretsedentnyi rost eksporta organicheskoi produktsii [Elektron.resurs]. — URL: <https://soz.bio/tomskaya-oblast-pokazala-besprecedentnyj-rost-eksporta-organicheskoy-produkcii/> (data obrashcheniya: 09.05.2021).
10. Organic retail sales // FIBL [Elektron.resurs]. — URL: <https://statistics.fibl.org/world.html> (data obrashcheniya: 30.03.2021).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45.

Ural State University of Economics, 620144, Yekaterinburg, 8 Marta / Narodnoi Voli Str., 62/45.

Закирова Элина Рафиковна / Elina R. Zakirova
erzakirova@inbox.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-240-253

**МУЛЬТИФОРМАТНОСТЬ
ТОРГОВЛИ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ
СЕТЕВОГО РЕТЕЙЛА
MULTI-FORMAT RETAIL -
WHAT ARE THE FORMATS
OF MODERN STORES**

**ЦАРЕГОРОДЦЕВА СВЕТЛАНА
РОСТИСЛАВНА**

Доцент кафедры логистики и коммерции
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», к.т.н.

SVETLANA R. TSAREGORODTSEVA

Ph. D., associate Professor of the Department
of logistics and Commerce, Ural State University
of Economics

ПАНКРАТЬЕВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

Доцент кафедры технологии питания
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», к.т.н.

NATALIA A. PANKRATIEVA

Ph. D., associate Professor of the Department
of Food Technology, Ural State University
of Economics

АННОТАЦИЯ

Современные торговые сети осуществляют свою деятельность в различных форматах. Российские предприниматели многому научились у иностранных сетей, перенимая их опыт, технологии и стратегии деятельности. Такие форматы розничных магазинов, как аутлеты, моллы, бутики, дисконт-центры, шоу-румы, гипермаркеты, супермаркеты, являясь иностранным порождением, успешно прижились и работают на российском рынке, в том числе и в Екатеринбурге. Наряду с этим следует отметить тенденцию к вытеснению традиционных форматов торговли более современными, а также стремление к созданию мультиформатных торговых сетей.

ABSTRACT

At the moment, modern retail chains operate in various formats. Our Russian entrepreneurs have learned a lot from foreign networks, adopting their experience, technologies and strategies. For example, such formats of retail stores as outlets, malls, boutiques, discount centers, showrooms, hypermarkets, supermarkets, being a foreign product, have successfully taken root and work on the Russian market, including in Yekaterinburg. Retail formats are developing all over the world according to the same logic, and the Russian retail market repeats their experience. Along with this, we should note the tendency to replace traditional trade formats with more modern ones, as well as the desire to create multi-format re-

tail networks. This makes them more flexible, allows them to make more purchases, increase the share of their own brands, and maintain customer loyalty by satisfying their various requests.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аутлет, бутик, дисконт, молл, мультиформатность, суперстор, тип магазина, формат магазина.

KEYWORDS

Outlet, boutique, discount, Mall, multi-format, superstore, store type, store format.

Самые крупные транснациональные торговые компании когда-то начинали свою деятельность с одного магазина. Сделаем краткий обзор наиболее известных и успешных в мире компаний.

Wal-Mart Stores — самая крупная розничная сеть в мире, начала свою деятельность в США. Специализация — дискаунтеры. Основатель сети открыл первый магазин по типу самообслуживания в 1950 г. (это был третий по счету магазин самообслуживания в стране). Сегодня сеть имеет более четырех тысяч магазинов в 10 странах мира.

Carrefour — французская компания. Специализация — гипермаркет, супермаркет. Первый магазин открыт в 1959 г. На сегодняшний день занимает 2-е место в мире по товарообороту. Имеет более 12 тысяч магазинов в 30 странах мира. Carrefour пришла на российский рынок в 2007 г.

METRO — компания начала свою деятельность в Германии. Специализация — диверсифицированная деятельность. Холдинг METRO AG работает в шести разных форматах: мелкооптовая торговля, супермаркеты, гипермаркеты, универмаги, форматы «все для дома». Сеть основана в 1996 г.

Работает в 22 странах и состоит из более чем двух тысяч магазинов. Пришла на российский рынок в 2001 г. [1].

Можно приводить еще много примеров иностранных сетей, которые достигли на мировом рынке значительных успехов, но всех их объединяет одно — начинали они с единичных магазинов, а сегодня это крупнейшие сети. Всем им когда-то стало мало рынка сбыта в их родной стране, и они произвели экспансию за ее пределы. Наши российские предприниматели многому у них научились, изучая их стратегии и технологии развития. На сегодняшний день можно смело утверждать, что наши российские сети не хуже иностранных, и они начинают теснить иностранцев и создавать им конкуренцию.

В этой связи можно отметить, например, компанию Media Markt (торговля электроникой и бытовой техникой), которая находится в составе холдинга METRO. В 2018 г. сеть продала свои магазины и ушла с российского рынка. Ее потеснили отечественные сетевые компании «М-видео», «Эльдорадо», «ДНС» [2].

Современные российские сети существуют в различных форматах.

Существует большое количество самых разных определенных понятия «формат розничной торговли», в его определение авторы закладывают различное количество признаков. Обобщая мнения различных авторов, можно сделать вывод, что формат магазина — многосоставное понятие, на которое оказывает влияние большое количество взятых вместе факторов и которое по большому числу определяется технологией работы предприятия торговли и стандартами ее деятельности [3].

Некоторые форматы предприятия синтезируют сами. Например, «Магнит Семейный». В определение формата

отечественные ретейлеры добавляют свои собственные признаки детализации. Например, есть или нет мелко-оптовая торговля (кэш энд кэрри), углубленный или премиальный ассортимент, углубленный анализ по торговой площади, ценовой политике, уровню предоставляемого сервиса [4].

Стандарты деятельности и, как следствие, форматы предприятий розничной торговли во всем мире развиваются по единым правилам. На начальном этапе розничные предприятия торговли в России повторяли этапы и тенденции развития мировых более развитых стран. На современном этапе происходит вытеснение традиционных форм торговли и появление инновационных их видов.

Перед тем как приступить к анализу форматов розничной торговли, определимся с термином «тип» розничного торгового предприятия. Определение и признаки определения типа предприятия розничной торговли изложены в российском ГОСТе¹.

Согласно этому документу на определение типа оказывает влияние размер торговой площади, ассортимент и формы торгового обслуживания.

Вот некоторые типы, наиболее распространенные в российской торговле.

1. **Гастрономы** — магазины площадью от 400 кв.м. Применяют форму обслуживания «через прилавок». В их ассортименте основную часть составляют гастрономические товары.

2. **Универсамы** — продовольственные магазины площадью более 400 кв.м, форма продаж — комбинирован-

¹ ГОСТ Р 51303-2013 «Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 № 582-ст) (ред. от 29.03.2016).

ная: самообслуживание и обслуживание через прилавок. Эти типы магазинов появились в России еще в советский период.

3. Супермаркеты — торговая площадь от 600 кв.м. и до 5000 кв.м. Магазин располагает достаточно широким ассортиментом, расположен обычно в месте с оживленным пешеходным и автомобильным трафиком. Средний чек в супермаркете равен среднему чеку по сети, имеется достаточно большая парковка и складские площади. В ассортименте супермаркета до 30% допускается доля непродовольственных товаров.

4. Гипермаркет — магазин с ассортиментом товаров, обладающим характеристиками широкого, глубокого и насыщенного. Место дислокации гипермаркетов — в при-трассовой зоне, вследствие этого имеется оживленный автомобильный трафик и огромная площадь парковки. Площадь торгового зала 5000–10 000 кв.м, количество кассовых узлов 25–40, ассортимент 25–50 тыс. позиций.

5. Дискаунтер — это формат магазина с площадью от 250 квадратных метров, в торговом зале дискаунтера располагается достаточно узкий ассортимент товаров, товары реализуются по более дешевым ценам, чем в других форматах розничной сети, в частности вследствие ограниченного количества предлагаемых услуг.

Помимо классификации розничных предприятий по типам и видам. Существует деление их по форматам. Вот наиболее важные признаки, положенные в основу понятия «формат»:

- 1) форма обслуживания;
- 2) количество расчетно-кассовых узлов;
- 3) время работы;

- 4) площадь складских, вспомогательных, офисных помещений;
- 5) наличие собственной торговой марки (СТМ);
- 6) уровень цен на основные позиции ассортимента;
- 7) площадь торгового зала;
- 8) предоставляемые услуги и сервис;
- 9) широта и глубина ассортимента;
- 10) товарооборот с 1 м² площади;
- 11) наличие собственного производства продукции [5].

Проведем анализ наиболее интересных форматов магазинов, действующих в России и, в частности, представленных в Екатеринбурге [6].

Молл — крупный комплекс, осуществляющий широкую торговлю потребительскими товарами, а также предоставленного широкого спектра предприятий бытовых и развлекательных услуг. В Екатеринбурге мы имеем Молл Ботаника, Парк-хаус, в 2018 г. открылся Victory moll, в июне 2021 г. состоялось открытие VEER moll, по размеру торговой площади этот торговый центр занимает второе место после Гринвича.

Шоу-рум — офис, имеющий демонстрационный зал, где выставлены образцы коллекций представляемых брендов. Примерами может служить шоу-рум Индиго (в Гринвиче), Look (на ул. Карла Либкнехта), Базар (на ул. Малышева) и т.д.

Дисконт, сток-центры — такая торговля подразумевает распродажу сезонных вещей по сниженным ценам, которые были не проданы магазинами в сезон, распродажу коллекций прошлых сезонов, реализацию одежды, которая по разным причинам не поступила на продажу, а также фабричного брака. Примерами магазинов такого формата

в Екатеринбурге могут служить дисконт-центры Адидас, Рибок, Найк.

Бутик — небольшой магазин с площадью торгового зала от 18 м². Его можно отнести к специализированным магазинам, т.к. представленный ассортимент ограничен товарами одной группы или даже части группы. Форма продаж — индивидуальное обслуживание.

Примерами бутиков в Екатеринбурге служат Гуччи (ул. Розы Люксембург), Кристиан Диор (ул. Сака и Ванцетти), Лав Рипаблик, Шанель (ТЦ Гринвич) и т.д.

Кэш энд кэрри — это магазин самообслуживания, который позволяет приобретать различные товары мелким оптом и в розницу. Самый первый формат такого предприятия — компания METRO, но российские предприниматели также открывают магазины такого же формата. Например, Оптоклуб в Санкт-Петербурге.

Каскет (от англ. «casekit») в переводе означает «набор избранного». Каскеты включают в себя большой выбор традиционного обувного магазина, доступность, качество обслуживания и атмосферу эксклюзивного бутика. Примером может служить каскет «Эконика» в Екатеринбурге.

Аутлетом называют торговый центр площадью свыше 5000 м². Здесь осуществляется торговля одеждой не распроданных коллекций прошлых сезонов. Цена обычно ниже установленной в сезон распродажи. В Екатеринбурге можно встретить Милано-мода-аутлет, Армани, Бренд сторис — аутлет.

Суперстор (superstore) — это зарубежный формат розничного одноярусного магазина самообслуживания с минимальной торговой площадью 2500 м². Суперстор специализируется на продаже определенных видов товаров. Суперсторы похо-

жи на гипермаркеты, но в отличие от них торгуют потребительскими, а не продовольственными товарами.

Не случайно мы привели этот формат магазина. Дело в том, что в России отмечается тенденция падения товарооборота в формате гипермаркета. Это отмечают компании METRO, «Магнит», «Райт» и т.д. Формат гипермаркета переживает в современных условиях кризис, что особенно прослеживается в крупных мегаполисах. Долгое время их преимуществом был огромный ассортимент товаров по низким ценам, но в последнее время можно отметить тенденцию к мультиформатности торговых сетей, открытие большого количества магазинов формата «у дома», «мягких дискаунтеров».

Потребитель, пытаясь экономить, все чаще предпочитает покупать товары в магазинах, расположенных вблизи его работы или места жительства. Кроме того, размещение гипермаркета требует значительных торговых площадей и наличия больших автомобильных парковок, поэтому чаще всего они располагаются в притрассовых зонах, т.е. на окраинах, и вследствие этого теряют в частоте посещений.

На сегодняшний день крупные сети формируют собственную политику, которая касается как изменений в ассортименте, так и создания внутрисетевых форматов.

Например, «Магнит» решил изменить концепцию своих гипермаркетов и превратить их в суперсторы. Суперсторы будут «более цифровыми, интерактивными и атмосферными магазинами». Там появится самостоятельное сканирование и оплата товаров, а также электронный сомелье кубанских вин: считав штрихкод, он покажет информацию о производителе и вкусовых качествах. Новый формат, надеется компания, поможет остановить отток покупателей.

Также в дальнейшем сеть «Магнит» планируется развиваться в формате дискаунтеров и до конца 2021 г. увеличить их численность до 200 (сейчас их около 60).

Пандемия 2020 г. стала толчком для глобальных изменений как в розничном ретейле, так и в выборе потребительских предпочтений.

В розничных сетях следует отметить тенденцию к дальнейшему развитию торговли товарами собственных торговых марок (СТМ). Эта продукция охотно приобретается покупателями, т.к. реализуется по более привлекательным ценам.

Торговые сети, пользуясь преимуществом, которое им дает «эффект масштаба», реализует товары по более низким ценам, чем несетевые продуктовые магазины, привлекая тем самым потребителей со средним и низким доходом.

Также в период пандемии стала востребована услуга «заказ товаров по интернету с доставкой», которую взяли на вооружение многие крупные торговые сети. Это позволило им не только выжить в период пандемии, но и увеличить свой товарооборот. После отмены карантина покупатели, вкусившие прелесть этой услуги, не отказались от нее и продолжают с удовольствием ей пользоваться. Услугу «интернет-заказ с доставкой» имеют такие сети, как «Пятерочка», «Перекресток», «Лента» и др.

Что касается изменения потребительских предпочтений, то следует отметить тенденцию к здоровому питанию, употреблению экопродуктов, фермерских продуктов и появлению новых форматов магазинов, отвечающих этим новым запросам населения.

Примером может служить сеть «Жизньмарт», открытая в 2019 г. На сегодняшний день сеть состоит из семи магази-

нов, которые в зависимости от занимаемой площади существуют в разных форматах, от «островка» до супермаркета, с разным набором услуг и ассортиментом предоставляемых товаров.

К уникальным особенностям сети следует отнести то, что 85% всей продукции — это продукция собственного производства. В этой связи была открыта фабрика, на которой производят готовые к употреблению блюда (их можно купить и дома просто разогреть), готовые наборы для приготовления блюд (например, набор для приготовления супа или пиццы), широкий ассортимент напитков с ограниченным сроком хранения (свежеприготовленные морсы, лимонады, мятная вода и т.д.). Чай из готового набора ингредиентов покупатель может приготовить сам прямо в магазине. В магазине отсутствуют кассиры, расчет производится только через кассы самообслуживания.

Магазин такого формата рассчитан прежде всего на молодежь и современного покупателя, который желает покупать только свежие качественные продукты, не хочет толкаться в очередях в сетевых супермаркетах и экономит свое время.

Широкое распространение получают магазины экопродуктов, такие как «Машенька», «Медведь», «Ягодка» и т.д., магазины фермерских продуктов.

Свою нишу в продуктовом ретейле завоевывают специализированные магазины, в которых продают широкий ассортимент товаров в пределах одной товарной группы. В них также много полуфабрикатов и охлажденной продукции. Например, это сети «Первый рыбный», «Мясной центр», «Мясоед» и т.д.

Из всего вышеизложенного следуют выводы:

1. Розничная торговля на современном этапе развивается бурными темпами, тонко чувствует и стремится учитывать в своей деятельности изменения и потребности рынка.
2. Российские предприниматели многому научились, изучая стратегии и технологии развития передовых иностранных сетей, и в настоящее время создают им жесткую конкуренцию, вытесняя с рынка.
3. Розничные торговые предприятия представлены множеством форматов. Часть их копирует западные образцы, но следует отметить появление собственной, порой внутрисетевой классификации магазинов по форматам. Это помогает выработать единые внутрисетевые стандарты.
4. В последнее время можно отметить тенденцию к мультиформатности торговых сетей, что делает их более гибкими. Наличие разных форматов в пределах одной сети позволит осуществлять больший объем закупок, увеличить долю собственных торговых марок, увеличить лояльность покупателей, удовлетворяя их различные запросы.
5. С изменением потребительских предпочтений следует отметить стремление потребителей к здоровому питанию, употреблению экопродуктов, фермерских продуктов и появлению новых форматов магазинов, отвечающих этим новым запросам населения.

Библиографический список

1. Розничные торговые сети: стратегии, экономика и управление: учебное пособие/ кол. авторов; под ред. А.А. Есютина и Е.В. Карповой. — М.: КНОРУС, 2007. — 424 с.

2. Почему ушел Медиа Маркт из России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fishki.net/3017278-pochemu-ushel-media-markt-iz-rossii.html>.
3. Определение формата магазина. Как избежать ошибок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/branch/retail_concept.htm.
4. «Магнит» запустил формат «Семейный» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.sostav.ru/news/2012/05/15/magnit_semeyniy_format/.
5. Современные форматы розничной торговли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://infopedia.su/9xf20c.html>.
6. Классификация форматов розничной торговли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://studbooks.net/825152/marketing/klassifikatsiya_formatov_roznichnoy_torgovli.

References

1. Roznichnye torgovye seti: strategii, ekonomika i upravlenie: uchebnoe posobie/ kol. avtorov; pod red. A.A. Esyutina i E.V. Karpovoi. — М.: KNORUS, 2007 — 424 s.
2. Pochemu ushel Media Markt iz Rossii [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <https://fishki.net/3017278-pochemu-ushel-media-markt-iz-rossii.html>.
3. Opredelenie formata magazina. Kak izbezhat' oshibok [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/branch/retail_concept.htm).
4. «Magnit» zapustil format «Semeinyi» [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.sostav.ru/news/2012/05/15/magnit_semeyniy_format/.
5. Sovremennye formaty roznichnoi trgovli [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <https://infopedia.su/9xf20c.html>.

6. Klassifikatsiya formatov roznichnoi trgovli [Elektronnyi re-surs]. — Rezhim dostupa: https://studbooks.net/825152/marketing/klassifikatsiya_formatov_roznichnoy_torgovli.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

620144, РФ, г. Екатеринбург, пр. 8 Марта / Народной Воли, 62/45.

Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia.

Царегородцева Светлана Ростиславна / Svetlana R. Tsaregorodtsev
+7 912 671-13-77, tssr66@mail.ru

Панкратьева Наталья Анатольевна / Natalia A. Pankratieva
+7 912 680-98-33, nata-pankratyeva@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-254-268

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В МАЛЫХ ГОРОДАХ УРАЛА ENTREPRENEURSHIP IN SMALL TOWNS OF THE URALS

ЗАБОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Заведующая кафедрой прикладной социологии
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», д.социол.н.

ELENA N. ZABOROVA

Head of the Department of Applied Sociology,
Ural State University of Economics, Doctor of
Sociological Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье на основе ряда эмпирических исследований рассматриваются состояние и перспективы развития предпринимательства в малых городах региона Свердловская область. Отмечается, что бизнес в малом городе работает в общей парадигме правовых и социально-культурных условий страны, однако в тоже время имеет ряд специфических особенностей. Наиболее сложные условия наблюдаются у малого и среднего бизнеса, который испытывает ряд проблем (высокий размер налогов, трудность в получении микрозаймов, снижение покупательной способности населения и пр.). Выделены наиболее перспективные направления развития предпринимательства в малом

городе (использование пространственных преимуществ малых городов, сельскохозяйственный и туристический бизнес, центры развития новых наукоемких производств, реанимация за счет перемещения жителей из крупных городов по мере разворачивания информационно-цифровой эпохи).

ABSTRACT

The article examines the state and prospects of entrepreneurship development in small towns of the Sverdlovsk region on the basis of a number of empirical studies. It is noted that business in a small city operates in the general paradigm of the legal and socio-cultural conditions of the country, but at the same time has a number of specific features. The most difficult conditions are observed in small and medium-sized businesses, which are experiencing a number of problems (high taxes, difficulty in obtaining microloans, a decrease in the purchasing power of the population, etc.). The most promising areas of entrepreneurship development in a small city are highlighted (using the spatial advantages of small cities, agricultural and tourism business, centers for the development of new high-tech industries, resuscitation due to the movement of residents of large cities as the information and digital era unfolds).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Предпринимательство, малый и средний бизнес, малый город, проблемы предпринимательства, перспективы развития.

KEYWORDS

Entrepreneurship, small and medium-sized businesses, small town, entrepreneurship problems, development prospects.

ВВЕДЕНИЕ

В недавнем прошлом нашей страны, в годы советской власти, занятие частным бизнесом расценивалось как деинквентное, нарушающее закон [1]. В годы перестройки

ситуация начала постепенно меняться, в стране появились частные кооперативы, продавцы заграничных товаров (так называемые челночники). Однако и в это время отношение населения к этой группе граждан было скорее негативным, осуждающим. Считалось, что полученные ими большие доходы — это результат неправовых действий, криминального поведения. По мере развития рыночных отношений оценка предпринимательской деятельности стала соотноситься с состоянием дел в зарубежных странах, где частный бизнес занимает существенные позиции в экономике страны [2].

Сегодня, как показывают результаты наших исследований, ситуация в отношении предпринимательства изменилась кардинально. Государство сформировало ряд программ поддержки малого и среднего бизнеса, признало важность такого рода занятий. Однако условия развития предпринимательства по-прежнему остаются достаточно проблематичными. Особенно остро вопросы развития предпринимательства стоят в малых городских поселениях. По своему количеству малые города доминируют над всеми другими типами городских поселений, вместе с поселками городского типа в них проживает около четверти наших соотечественников. Изучение условий развития предпринимательства в малых городах особенно актуально с учетом того факта, что правительство, наука и общественность все более ясно осознают депрессивное состояние большинства малых городов, находятся в поиске вариантов реанимации экономической и социальной жизни малых поселений.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА РАБОТЫ

Эмпирическую базу работы составляет ряд исследований, проведенных кафедрой прикладной социологии Уральского

государственного экономического университета. В 2017 г. было опрошено 256 предпринимателей малого и среднего бизнеса Уральского региона (по заказу Свердловского фонда поддержки предпринимательства). Выборка репрезентативна по сферам хозяйства: товары и услуги — 63,8%; производство — 20,5%; сельское хозяйство — 15,6%. Исследование молодежи 18–30 лет на тему «Предпринимательская активность молодежи Свердловской области» было проведено по заказу Областного Дома молодежи (2018 г.). Выборка репрезентативна по пространственно-поселенческому критерию в зависимости от типа поселения. Совместно с центром региональной социологии и конфликтологии ФНИСЦ РАН — исследование на тему «Малые города в государственной политике пространственного развития России: социальное моделирование региональных стратегий и практик» (2019 г.). Мы также опираемся на результаты международного сравнительного социологического исследования, проведенного с участием кафедры прикладной социологии УрГЭУ в Польше, Чехии и России (онлайн-формат, было опрошено по 1000 респондентов в каждой стране) (2021 г.).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В Свердловской области насчитывается 47 городов, 36 из которых относятся к малым и средним. В регионе зарегистрированы 202 тыс. субъектов малого и среднего бизнеса, где трудятся более 640 тыс. человек (2019 г.).

Как показали наши исследования, в этих городах существуют все виды бизнеса: по принадлежности — отечественный и иностранный, по размеру — малый, средний, крупный, по форме организации — индивидуальный, корпоративный, сетевой. Функционируя в общей парадигме

российских условий, разный бизнес все же имеет некоторые специфические черты как в условиях работы, так и во влиянии на городскую среду и его жителей.

Относительную независимость имеет бизнес с участием иностранного капитала, когда важные для развития предприятия решения принимают не только отечественные, но и зарубежные руководители. Для бизнеса (любого) доминантным мотивом действий является мотив прибыли, поэтому такие предприятия порой принимают решения, слабо ориентированные на местных работников. Так, как показали наши интервью с представителями бизнеса и общественности малого города Среднеуральска, в главном градообразующем предприятии города — энергетической компании Среднеуральская ГРЭС (СУГРЭС) (в настоящее время — публичное акционерное общество «Энел Россия») 56% акций принадлежит итальянской группе Enel. На предприятии происходит постоянное сокращение численности работников под видом его оптимизации.

Большое влияние на развитие экономики малого города сегодня оказывают сетевые структуры, которые в огромном количестве вошли в экономическое и социальное пространство малых городов. Это такие широко известные корпорации как «Сбер», «Магнит», «Красное&Белое», «Пятерочка» и др. Они не только предоставляют населению малых городов широкий набор товаров и услуг, приближая их тем самым по уровню потребления к жителям крупных городов, но и создают рабочие места, что чрезвычайно важно для малых городов, так как в них, как показали наши исследования, наблюдается значительный незадействованный трудовой потенциал. Так, например, в таких малых городах, как Верхняя Салда, коэффициент использования трудовых ресурсов

практически составляет 95%, в Среднеуральске — 85%, однако в других городах, таких как Нижняя Салда, Красноуфимск, он равен 30–45% [3].

Важно учитывать то обстоятельство, что крупные сетевые структуры, как правило, зарегистрированы на территориях других городов, что означает автоматическое перечисление сумм налогообложения в эти территории, территория малого города остается в стороне. При этом для малого города это существенные потери, так как большинство из них на Урале находится в депрессивном состоянии, их инфраструктура устарела или разрушена, они остро нуждаются в финансовых вливаниях.

Иная ситуация с предприятиями малого и среднего бизнеса: они зарегистрированы на территориях малых городов, платят налоги в местную казну, оказывают помощь в развитии родного города. Однако они по своей сути маломощны, имеют не такие большие доходы, как крупный бизнес, и не могут кардинально повлиять на экономическую ситуацию в малом городе. При этом, как показали наши исследования, они испытывают ряд существенных проблем, среди которых на первых местах стоят такие, как высокий размер и тенденция постоянного увеличения налогов, недоступность льготного кредитования для «старых» предприятий, трудность в получении микрозаймов, снижение покупательной способности населения, прорехи и противоречия в законодательстве РФ, проблемы взаимодействия малого/среднего бизнеса с органами власти, конкуренция между малым бизнесом и сетевыми компаниями [3]. За последний год положение в малом бизнесе ухудшилось по всей стране [4] в связи с пандемией COVID-19, особенно пострадали предприятия сферы туризма, логистические

предприятия, сферы досуговых развлечений, общественного питания.

В малом городе малый и средний бизнес функционируют в условиях жесткой конкуренции с сетевым и крупным бизнесом. И в этой неравной борьбе у малого бизнеса немного шансов выжить без помощи и поддержки со стороны властных городских и областных структур. Однако, как отмечают большинство респондентов, власть практически не оказывает им такой помощи, контакты с властью слабые.

Кроме того, малый и средний бизнес не консолидирован в малых городах. Типично, когда представители бизнеса не входят ни в какие общественные объединения предпринимателей. Однако специфической чертой российского бизнеса можно считать такую, как «умение налаживать связи» (табл. 1). Аналогичные данные получены в ходе опроса ВЦИОМ [5]. Для жителей малого города этот фактор особенно значим: в малом городе «все знают всех», что, в частности, проявляется в том, что жители малых городов отвергают такую форму выбора главы города, как его назначение вместо всенародных выборов.

Для предпринимателей в малом городе возможно несколько перспективных направлений вложения капитала, направлений, совпадающих с общей траекторией возможной реанимации малых городов страны. Это, во-первых, использование пространственных преимуществ малых городов, окруженных деревнями и маленькими поселками. В малых городах можно развивать сервисный бизнес, ориентированный на обслуживание жителей близлежащих поселений, создавая в малом городе опорный пункт по обслуживанию населения и используя вариант передвижного обслуживания.

Таблица 1

Степень важности качеств предпринимателя, средние баллы

№	Качества	Степень важности качества для предпринимателей
1	Умение налаживать связи	4,71
2	Способность принять на себя ответственность	4,65
3	Коммуникативные навыки, умение сформировать команду	4,64
4	Умение просчитывать возможные потери и выгоды	4,63
5	Умение руководить людьми	4,62
6	Лидерские качества (харизма, воля)	4,56
7	Способность к творчеству, инициативе, новаторству, умение видеть и делать нечто новое	4,54
8	Готовность к упорному труду, ненормированному рабочему дню	4,54
9	Мобильность в экономике и в жизни	4,52
10	Образованность, профессионализм	4,45
11	Умение рисковать	4,36
12	Стремление к самовыражению, самореализации	4,34
13	Склонность к свободе, независимости, самостоятельности	4,32
14	Готовность к потерям в бизнесе	4,28
15	Рачительность, экономность	4,28
16	Честность, порядочность, законопослушность	4,11
17	Наличие контактов с властями, чиновниками	4,06

Во-вторых, сельскохозяйственный бизнес, ориентированный на сбор и переработку молочной продукции. Успешным примером такой траектории можно назвать малый уральский город Ирбит, в котором расположен крупный молочный комбинат.

В-третьих, малые города видят свои перспективы в развитии туристического бизнеса. Действительно, у многих малых городов богатое историческое прошлое, они имеют архитектурные памятники довоенного и военного прошлого, в их истории значатся знаменитые личности. Примером такой траектории развития можно назвать старинный уральский город Верхотурье, через который в прошлом проходила знаменитая Бабиновская дорога, осуществлялся сбор пошлин. Сегодня многие предприниматели обращают внимание на такое направление развития туризма, как экологический туризм.

В-четвертых, перспективной стратегией развития предпринимательства в малых городах можно считать развитие в них наукоемких технологий, создание наукоградов и экономических зон, ориентированных на развитие современных цифровых производств. В прошлом благодаря централизованной политике правительства в малых городах целенаправленно создавались градообразующие предприятия, тем самым жители обеспечивались работой и создавались условия для жизни всего поселения. Сегодня, в современную информационно-цифровую эпоху и в рыночной экономике, такое вряд ли возможно. Однако начиная с 2000 г. в стране официально зафиксированы города, получившие статус «наукоград». В соответствии с ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» от 7 апреля 1999 г. 14 городов (технополисов) имеют официальный статус наукограда. Такие города обладают высоким научно-техническим потенциалом, на их территории располагаются градообразующие предприятия с научно-производственным комплексом. В настоящий момент их насчитывается 13 (статус наукограда г. Троицка не подтвержден). Это города и поселки Московской области:

г. Дубна (дата присвоения статуса наукограда — 2001), г. Королев (2001), г. Жуковский (2007), г. Протвино (2008), г. Реутов (2003), г. Пушкино (2005), г. Фрязино (2003), г. Черноголовка (2008); Алтайского края: Бийск (2005); Калужской области: Обнинск (2000); Новосибирской области: пос. Кольцово (2003); Тамбовской области: г. Мичуринск (2003); Санкт-Петербурга: г. Петергоф (2005). Как свидетельствуют наши расчеты, к группе малых и средних городов в момент образования принадлежали девять из тринадцати городов и только четыре — к большим.

Также существует иной, более расширенный список поселений, в которых локализованы инновационные производства [6]. Он включает в себя более 70 поселений и районов крупных городов (например, академгородки Иркутского научного центра РАН и др.). По нашим подсчетам, они распределяются следующим образом: 36,6% — малые города и районы городов; 26,8% — средние города; 18,3% — большие и крупные.

Аналогичные процессы идут и на территории уральского региона. Уже сегодня в Свердловской области существует ряд примеров малых городов, в которых успешно функционирует современное наукоемкое производство. В малых и средних городах создаются инновационные предприятия: в городе Полевском (ОАО «Северский трубный завод»), в Верхней Пышме (ОАО «Уралэлектромедь»). Новые промышленные парки размещаются на площадках таких городов, как В.-Салда, Краснотурьинск, Новоуральск, Среднеуральск.

Это направление не может быть массовым, поскольку является очень затратным, требует огромных финансовых вложений и большой организационно-управленческой работы. Кроме того, оно упирается в такую преграду, как

отсутствие в малых городах высококвалифицированной рабочей силы. Практически полностью задействован трудовой потенциал таких городов, как Верхняя Салда, Качканар, Верхний Тагил, в остальных — достаточно много трудовых резервов. Это означает, что для развития предпринимательства в большинстве малых городов существуют трудовые ресурсы, можно найти необходимое количество рабочей силы. Однако имеющийся ресурс рабочей силы — это ресурс малоквалифицированной рабочей силы, в то время как для современных наукоемких производств требуется высококвалифицированный персонал. К сказанному можно добавить, что проводимая в последнее время политика ликвидации филиалов больших вузов привела к тому, что молодежь потеряла возможность получить образование по месту жительства и по этой причине вынуждена уезжать в крупные города.

В-пятых, это потенциальные возможности, открывающиеся в связи с нарастанием роли информационно-цифровых процессов в повседневной жизнедеятельности людей, проживающих в крупном городе. Уже сегодня многие типичные виды деятельности, которыми повседневно занимается житель крупного города, активно перемещаются в виртуальное пространство, не требуют для выполнения непосредственной пространственной увязки к территории крупного города. Так, распространяется онлайн-работа, статистика фиксирует развитие нестандартных форм занятости, в том числе — удаленных. Нарастает дистанционное обучение, которое особенно приветствуется жителями отдаленных территорий, людей работающих и семейных. Также, не выходя из дома, можно получить доступ к музыке, театральным постановкам, кинофильмам, спортивным состязаниям и пр. Все больше жителей привыкает покупать товары через ин-

тернет, не посещая магазины и торговые комплексы. Нарастает онлайн-консультирование и в сфере медицинских услуг. Ограничение в данном случае — это ограничение качества интернета и устойчивости связи. Все это и другие тренды потенциально готовят перемещение жителей крупных городов в малый, тем самым позволяя воспользоваться такими преимуществами малого города, как тишина, экологически благоприятная среда, отсутствие городского стресса. Как показали результаты нашего международного исследования, 55–59% из тех, кто работает дистанционно или смешанно (сочетает работу в офисе с дистанционными технологиями), задумывались о переезде в другой населенный пункт.

Несомненно, это процесс не быстрый и во многом упирается в качество развития пространственной, социально-экономической среды малого города. Среди наиболее важных факторов, влияющих на решение изменить постоянное место жительства, первые три места занимают такие, как степень развития инфраструктуры (жилищно-коммунальное хозяйство, дороги и др.), наличие работы в поселении и экологические факторы (качество воды, воздуха, уровень шума) (табл. 2).

Предпринимательство в малом городе имеет перспективы развития и с точки зрения изменившегося общественно-го мнения — отношения населения этих городов к бизнесу и желанию заниматься им. Сегодня 69% опрошенных молодых людей региона высказали позитивное отношение к занятию предпринимательством (28,5% — относятся нейтрально, и только 2% — отрицательно). Молодежь в малых городах признала бизнес достойным способом трудовой деятельности, важным компонентом экономики, она настроена на активную работу в сфере предпринимательства. Наши данные корреспондируются с результатами исследований

Таблица 2

Рейтинг факторов, влияющих на решение переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт, средние баллы

№	Варианты ответа	Ранги	Средние баллы
1	Степень развития инфраструктуры (жилищно-коммунальное хозяйство, дороги и др.)	1	3,7
2	Наличие работы в поселении	2	3,6
3	Экологические факторы (качество воды, воздуха, уровень шума)	3	3,4
4	Развитость учреждений спорта, культуры	4	3,3
5	Ситуация с системой здравоохранения в поселении	5	2,8
6	Возможность работать дистанционно (из дома)	5	2,8
7	Меньше контактов с другими людьми (меньше возможности заразиться)	6	1,8

других авторов: «59% опрошенных молодых россиян заявило, что рассматривают возможность заняться собственным бизнесом» [7].

Они также настроены на приобретение знаний в этой сфере. При этом если молодые жители крупного города Екатеринбурга предпочли бы развивать такие формы бизнеса, как «торговля, ресторанный бизнес и производство», то молодежь малых городов ориентирована на «торговлю, ресторанный бизнес и туризм».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня предпринимательская деятельность воспринимается населением позитивно, многие молодые люди хотели бы сделать бизнес своим основным источником заработка. В научной литературе в общих чертах даны стратегические направления развития бизнеса в малых городах. Однако решение проблемы во многом упирается в проведение целе-

направленной государственной политики в отношении как предпринимательства в целом, так и собственно малых городов. На сегодня эта политика остается противоречивой. С одной стороны, в Стратегии пространственного развития территории РФ до 2030 г. отмечается важность и значение малых городов, с другой — известны высказывания руководителей страны, заявляющих о том, что у государства нет средств на поддержание малых городов, а значит — у этих городов нет перспектив, они должны уйти с исторической арены. Нечеткость государственной политики, несомненно, создает препятствия для развития предпринимательства в малых городах страны.

Библиографический список

1. Ядова Е.Н. Предпринимательство в России 90-х годов. Челночество как социальный ресурс трансформационного периода. М. Lap Lambert Academic Publishing. 2011. — 206 с.
2. Шицко А.В., Демченко С.К. Взаимодействие государственного и частного сектора: проблемы и перспективы // Фундаментальные исследования. 2017. № 11 (ч. 2). С. 467–471.
3. Заборова Е.Н. Развитие рынка труда в малых городах Урала: позиции власти, бизнеса, населения // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43(2). С. 110–118.
4. Российская Экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. — Изд-во Ин-та Гайдара. 2020. Выпуск 41. — С. 279–290.
5. Опрос ВЦИОМ. 30 Май 2016. // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115707> (дата обращения: 12.03.2021).
6. Обзор крупнейших наукоградов России // URL: <https://viafuture.ru/privlechenie-investitsij/naukogrady-rossii> (дата обращения: 10.02.2019).
7. 59% россиян хотели бы заняться собственным бизнесом 19 февраля 2017 г. // URL: <https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2017-02->

19/320208-59_rossiyan_hoteli_by_zanyatsya_sobstvennym_biznesom
(дата обращения: 05.07.2021).

References

1. Jadova E.N. Predprinimatel'stvo v Rossii 90-h godov. Chelnochestvo kak social'nyj resurs transformacionnogo perioda. M. Laplambert. 2011 — 206 s.
2. Shicko A.V., Demchenko S.K. Vzaimodejstvie gosudarstvennogo i chastnogo sektora: problemy i perspektivy // Fundamental'nye issledovaniya. 2017. № 11 (ch.2). S. 467–471.
3. Zaborova E.N. Razvitie rynka truda v malyh gorodah Urala: pozicii vlasti, biznesa, naselenija // Social'no-trudovye issledovaniya. 2021. № 43(2). S. 110–118.
4. Rossijskaja Jekonomika v 2019 godu. Tendencii i perspektivy. — Izd-vo In-ta Gajdara. 2020. Vypusk 41. S. 279–290.
5. Opros VCIOM. 30 Maj 2016. /URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115707> (data obrashhenija: 12.03.2021).
6. Obzor krupnejshih naukoogradov Rossii. URL: <https://viafuture.ru/privlechenie-investitsij/naukoigrady-rossii> (data obrashhenija: 10.02.2019).
7. 59% rossijan hoteli by zanjat'sja sobstvennym biznesom 19 fevralja 2017 g. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2017-02-19/320208-59_rossiyan_hoteli_by_zanyatsya_sobstvennym_biznesom (data obrashhenija: 05.07.2021).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, РФ, г. Екатеринбург, пр. 8 Марта / Народной Воли, 62/45
Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St.,
Ekaterinburg, 620144, Russia.

Заборова Елена Николаевна / Elena N. Zaborova
+7 912 28-59-625, ezaborova@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-232-6-269-286

**ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ
ПАРКИ КАК ФОРМА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОДДЕРЖКИ СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**
**INDUSTRIAL PARKS
AS A FORM OF STATE
SUPPORT FOR MEDIUM-SIZE
BUSINESSES**

КОЖЕВНИКОВА МАРГАРИТА КАРПОВНА

Профессор кафедры ценообразования
в строительстве и промышленности
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина» (УрФУ),
д.э.н.

MARGARITA K. KOZHEVNIKOVA

Professor of the Department of Pricing in
Construction and Industry of the Ural Federal
University named after the First President of the
Russian Federation B.N.Yeltsin (UrFU), PhD

МАВРИНА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Старший преподаватель кафедры ценообразования в строительстве и промышленности ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

IRINA N. MAVRINA

Senior Lecturer of the Department of Pricing in Construction and Industry of the Ural Federal University named after the First President of the Russian Federation B.N.Yeltsin (UrFU)

КОЖЕВНИКОВ КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ

Заведующий кафедрой ценообразования в строительстве и промышленности, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

KONSTANTIN I. KOZHEVNIKOV

Acting Head of the Department Pricing in Construction and Industry, Ural Federal University

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье дается авторская трактовка роли индустриальных парков как формы государственной поддержки среднего предпринимательства, приведены результаты анализа существующих форм предпринимательства в Российской Федерации, оценки мер кластерной поддержки предпринимательской деятельности государством, обобщены и систематизированы законодательно закрепленные формы бизнеса и критерии их выделения. Приведены результаты анализа формирования и развития индустриальных парков, а также способы их поддержки государством. Проанализирован эффект, оказываемый созданными индустриальными парками на региональную экономику.

ABSTRACT

This article gives the author's interpretation of the role of industrial parks as a form of state support for medium-sized businesses, presents the results of an analysis of existing forms of entrepreneurship in the Russian Federation, assesses the measures of cluster support for entrepreneurial activity by the state, generalizes and systematizes legally fixed forms of business and criteria for their selection. The results of the analysis of the formation and development of industrial parks, as well as ways to support them by the state are given. The effect of the created industrial parks on the regional economy is analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индустриальные парки, среднее предпринимательство, государственная поддержка, кластерная политика.

KEYWORDS

Industrial park, medium-size business, state support, clusters policy.

Производственным предприятиям для успешного достижения непосредственных стратегических целей необходим доступ к технологическим, информационным ресурсам, площадям, кадрам и персоналу, обладающим достаточными компетенциями в области функционирования компании, передовое оборудование и каналы поставки и сбыта готовой продукции. Зачастую предприятия, а в частности малый и средний бизнес, не имеют налаженных связей и необходимого объема финансирования на приобретение и содержание производственно-технических ресурсов. Как следствие, развитие, а после этого и функционирование предприятий может прекратиться. Поэтому необходим переход на инновационную модель развития, способствующую повышению самостоятельности

локальных производителей, росту конкурентоспособности, привлечению иностранных инвестиций, осуществлению поддержки государством и обеспечению необходимыми для развития ресурсами, созданию благоприятной производственной среды и т.д.

Одним из наиболее эффективных направлений экономической политики государства как на местном, региональном, так и на глобальном уровне является кластеризация.

Согласно М. Портеру, кластер — это географически близкая группа связанных компаний и взаимодействующих институтов в специфической области, связанная общностями и взаимодополнениями [1]. Исходя из концептуальных положений кластеризации Э. Бергмана и Э. Фезера, возможна конкретизация трактовки М. Портера экономического содержания сущности понятия промышленных кластеров, включающих как коммерческие предприятия, так и некоммерческие организации, обеспечивающих органическое неразрывное единство в пределах региона на основе региональной пространственной локализации, сетевого взаимодействия смежных видов деятельности для достижения максимального синергетического эффекта участников кластера, а также обеспечения устойчивой индивидуальной конкурентоспособности каждого резидента кластерного образования [2]. Территориальная концентрация и локализация ресурсной базы, резидентная структура, стимулируемая институтами нормативно-правового регулирования, являются отличительными чертами кластерной организации региональной экономики [3].

Таким образом, целью применения кластерной политики является объединение предприятий сходного направления деятельности в группы для повышения эффективности про-

изводства, восприятия и использования инноваций, экономического развития региона.

Процесс производственной кластеризации в России в настоящее время является относительно раздробленным, в значительной мере это обусловлено слабой теоретико-методологической разработкой оценки эффективности развития региональных производственных кластеров в условиях воздействия новых возможностей шестого технологического уклада. В условиях неоиндустриализации процессы кластерной организации все в большей степени связываются с инновационным вектором развития экономики, повышением инновационного потенциала предприятий в форме особых экономических зон и индустриальных парков.

Ассоциация индустриальных парков России предлагает дефиницию понятия «индустриальный парк» следующим образом — это управляемый единым оператором (специализированной управляющей компанией) комплекс объектов недвижимости, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными помещениями и сооружениями, обеспеченный энергоносителями, инженерной и транспортной инфраструктурой и административно-правовыми условиями для размещения производств [4]. Соответственно, индустриальный парк, созданный по установленным критериям, должен обладать рядом отличительных качеств, повышающих его привлекательность для ведения бизнеса на его территории, а именно:

- наличие земельного участка площадью не менее 8 га на правах собственности или аренды;

- обеспеченность участка инженерной инфраструктурой, включающей в себя точки подключения к электрическим се-

тям, сетям газоснабжения, водоснабжения и водоотведения необходимой проходимости;

— наличие управляющей компании, содействующей развитию индустриального парка в части привлечения новых резидентов, обеспечения резидентов необходимыми условиями, предоставление им дополнительных деловых услуг внутри комплекса и т.д.;

— безопасность территории в части пожарной безопасности и организованной системы охраны.

Резюмируя вышесказанное, индустриальный парк представляет из себя территорию, полным образом подготовленную и обеспеченную комфортной инфраструктурой для осуществления предприятиями-резидентами эффективной производственной и логистической деятельности. На территории парка могут быть заранее обеспечены особые условия (большие объемы потребления электроэнергии, возможность осуществлять производство высокого класса опасности, производственные объекты, имеющие особые конструктивные характеристики и т.д.), необходимые для крупных компаний-резидентов, которые впоследствии могут выступать якорными предприятиями той или иной площадки.

Мировой опыт показывает высокую экономическую эффективность стран, ориентированных на всемерную поддержку предпринимательской деятельности, осуществляемой в форме индустриальных парков. Недостаточная разработанность методологии государственной поддержки развития индустриальных парков как одной из важнейших форм инновационной предпринимательской деятельности приводит к тому, что отечественным предприятиям все сложнее обеспечивать реализацию своих конкурентных

преимуществ без формирования соответствующей институциональной среды.

В индустриальных парках достигается органическое взаимодействие основных видов предпринимательства, выделяемых в зависимости от содержания и направленности предпринимательской деятельности, объекта приложения капитала и получения результатов деятельности, в том числе: производственное, коммерческо-торговое, финансово-кредитное, посредническое, страховое. Государственная поддержка индустриальных парков позволяет реализовать синергетический эффект предпринимательства, рассматриваемый в современных экономических теориях в единстве трех важнейших аспектов: как специфической управленческой функции обеспечения эффективных взаимодействий между факторами производства, как преобразующей силы («питательной среды») предпринимательской функции и как особого механизма экономической координации, повышающей результативность бизнеса на основе контрактных отношений, снижения барьеров входа на рынки, включения рыночных механизмов саморегулирования [5].

Следует заметить, что предпринимательский кластер составляют предприятия, относимые по установленным критериям к подгруппам микро-, малого, среднего и крупного бизнеса в зависимости от предельного значения дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, и среднесписочной численности человек за предшествующий календарный год [6, 7].

Эффективность развития и функционирования каждой из вышеуказанных групп предприятий может быть повышена путем специфичных форм и методов государ-

ственной поддержки с учетом особенностей миссии их функционирования.

В частности, представители сектора крупного предпринимательского бизнеса оказывают видимое и значимое влияние на экономику за счет налоговых отчислений в бюджеты разных уровней, создания внушительного количества новых рабочих мест для населения, формирования пространственной инфраструктуры в сфере своей деятельности.

Взаимодействие государственного аппарата с крупнейшими производственными предприятиями происходит практически напрямую, учитывая тот факт, что крупные корпорации могут диктовать условия для организации благоприятной среды осуществления своей непосредственной деятельности. Примером такого прямого взаимодействия может служить создание инвестиционных советов при региональных органах исполнительной власти, предназначенных для оперативного решения поставленных задач, выгодных как для государства, так и для компаний. Так, в Свердловской области создан инвестиционный совет при губернаторе для реализации в регионе государственной инвестиционной политики, обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти различных уровней, организаций и предприятий, участвующих в инвестиционных процессах [8]. Одним из приоритетных инвестиционных проектов, поддержанных инвестиционным советом, является строительство новой доменной печи на предприятии «ЕВРАЗ НТМК», что позволило продолжать производство чугуна на уровне 5 миллионов тонн в год во время капитального ремонта смежной доменной печи. Реализация этого проекта позволила существенно

сократить себестоимость производства чугуна и улучшить условия труда рабочих предприятия.

Процедура поддержки государством субъектов малого предпринимательства в индустриальных парках весьма отчетливо проявляется в форме, законодательно закрепленной как на региональном, так и на федеральном уровнях государственных программ, снижения налогового бремени и других мер [7].

Мировая практика показывает, что среднее предпринимательство является одним из важнейших элементов структуры технопарков. В этой связи следует отметить, что государственная поддержка предприятий, относящихся к категории среднего бизнеса, до настоящего времени не достигла необходимой результативности, а организационно-экономический механизм их поддержки находится в стадии разработки.

По мнению авторов, применительно к среднему предпринимательству формирование необходимой инновационной среды возможно на условиях государственно-частного партнерства, в том числе в форме создания инновационно-промышленных зон. В условиях неоиндустриального развития экономики закономерным процессом становится создание инновационных структур, сочетающих процессы производства с исследовательской деятельностью, повышающих интеллектуальный потенциал региональной кластеризации.

История создания таких инновационных сред началась более ста лет назад. Первый проект индустриального парка — Траффорд парк, реализованный в 1896 году в городе Манчестер (Великобритания), представлял собой промышленную площадку, обеспеченную инфраструктурой и до-

рожным сообщением, и обеспечил рабочим пространством резидентов различных направлений деятельности: от сталелитейных фирм до кондитерских. В 1911 году на территории Траффорд парка свою первую фабрику открыл Генри Форд. С тех пор индустриальные парки также начали активно создаваться в Европе, США. Своим местоположением они преследовали близость к транспортным узлам сообщения, а их территории подвергались зонированию на промышленно-складские участки. На настоящий день большое количество индустриальных парков реализовано в США, Германии, странах Азиатского региона [9].

Свое место в структуре экономики России индустриальные парки начали занимать с 2000-х годов, с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ. Согласно динамике развития последних лет проекты парков реализуются все в большем количестве субъектов РФ. Согласно данным Министерства промышленности и торговли России, на 2017 год общее количество индустриальных парков составляло 166, на 2019 год — 210 единиц, а на начало 2022 — 411. В общую цифру 411 единиц индустриальных парков входит количество действующих на данный момент — 189, а находящихся на стадии создания и проектирования — 222 парка. В настоящее время в числе лидеров продвижения индустриальных парков в Центральном федеральном округе является Московская область — 46 индустриальных парков, Северо-Западном — Ленинградская область — 12 парков, а в Приволжском — Республика Татарстан — 20 парков. Также среди лидеров в регионах Сибири находится Новосибирская область, имеющая четыре индустриальных парка (рис. 1) [10, 11].

Динамика размещения действующих промышленных парков

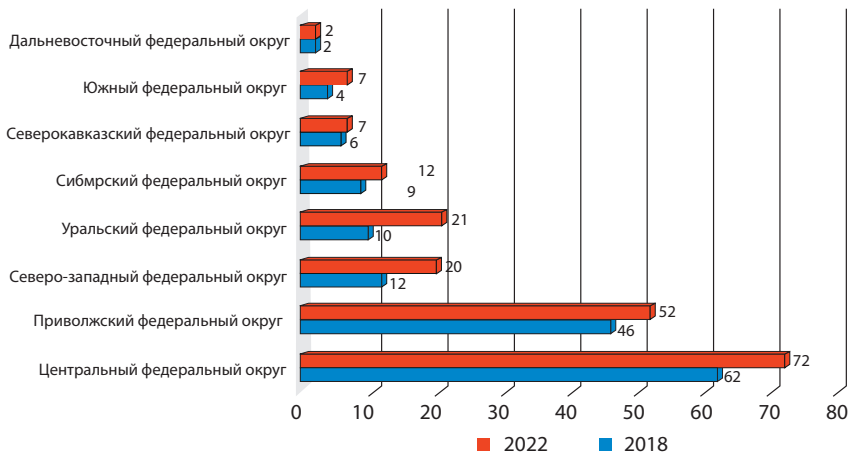

Рисунок 1. Территориальное расположение действующих промышленных парков

Большая часть реализуемых в настоящее время промышленных парков обладает общей чертой — все они тяготеют к крупным городам регионального значения, что выгодно для инициаторов проектов создания таких парков, так как это обеспечивает более быстрое заполнение площадок резидентами, а для резидентов — близость к трудовым, материальным и финансовым ресурсам, а также потребителям готовой продукции [12].

Строительство промышленных парков может осуществляться как на средства инвесторов, так и за счет государства, а также при непосредственном сотрудничестве обеих сторон на взаимовыгодных условиях, следовательно, на такие объекты распространяются следующие формы собственности: частная собственность, государственная соб-

ственность и государственно-частное партнерство. В связи с этим государство играет важную роль в развитии инновационного предпринимательства: может как являться собственником инновационной площадки и привлекать резидентов для работы в ее пространстве самостоятельно, так и поддерживать частные инициативы путем введения особого налогового режима для предприятий на территории индустриальных парков.

В качестве примера реализованной и функционирующей государственной инновационной площадки можно отметить ОЭЗ «Титановая долина», которая была запущена в работу на территории Свердловской области с 16 декабря 2010 года. В настоящее время «Титановая долина» имеет два территориальных подразделения: «Салда», расположенная на территории г. Верхняя Салда, и «Уктус», которая размещается в границах г. Екатеринбургa.

Примером успешно реализованной государственной политики по поддержке резидентов частных промышленных (индустриальных) парков является Липецкая область. Так, согласно ст. 4 Закона Липецкой области от 27 ноября 2003 года № 80-ОЗ «О налоге на имущество организаций в Липецкой области» налоговая ставка налога на имущество организаций-резидентов индустриальных парков составляет ноль процентов в течение семи лет вместо 2,2%. В соответствии со статьей 2 Закона Липецкой области от 29 мая 2008 года № 151-ОЗ «О применении пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций, подлежащего зачислению в областной бюджет» ставка налога на прибыль организаций, подлежащего зачислению в областной бюджет, будет составлять 13,5% сроком на пять лет, а налоговая ставка по транспортному налогу, согласно

ст. 7 Закона Липецкой области от 25 ноября 2002 года № 20-ОЗ «О транспортном налоге в Липецкой области», ноль процентов в течение пяти лет [13].

Таким образом, сниженная налоговая нагрузка на определенный период облегчает компаниям период адаптации на новой инновационной площадке, освобождает дополнительные финансовые активы для достижения уровня стабильного дохода.

В качестве положительного эффекта функционирования индустриальных парков на территории России можно выделить ускорение темпов социально-экономического развития регионов, формирование предпосылок создания конкурентоспособных инновационных производств, привлечение как зарубежных, так и местных инвестиционных средств в регионы для модернизации объектов промышленности.

Положительный эффект в части роста экономических показателей региона ввиду функционирования на его территории инновационно-промышленных зон сложно рассчитать в чистом эквиваленте, поэтому сравнительную оценку эффективности можно определить косвенно, по динамике изменения параметров за несколько отчетных периодов.

В качестве наглядного показателя можно рассмотреть отношение объема привлеченных инвестиций в регион к численности его постоянного населения (рис. 2). Для примера рассмотрим статистические данные по Республике Татарстан (20 действующих индустриальных парков), Липецкой (четыре действующих индустриальных парка) и Свердловской областях (шесть действующих индустриальных парков) [14, 15].

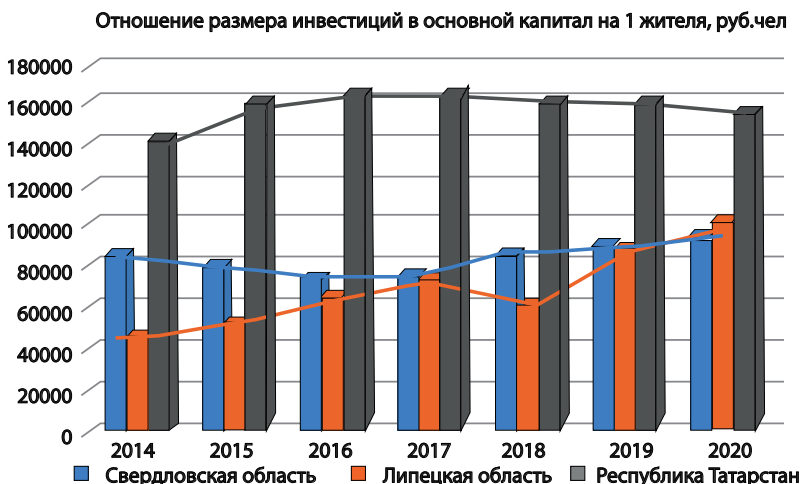

Рисунок 2. Отношение размера инвестиций в основной капитал к количеству постоянно проживающих жителей, руб./чел.

Согласно линиям тренда на рис. 2 можно судить о росте рассматриваемых показателей с течением времени для Республики Татарстан и Липецкой области. Для Свердловской области при условии относительно постоянного количества жителей, но снижении размера инвестиций, напротив, показатели падают.

Кроме того, в соответствии с данными рейтинга инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации, составляемого ежегодно Национальным рейтинговым агентством с 2014 года, Республика Татарстан традиционно ежегодно входит в первую тройку, Липецкая область — в 2021 году поднялась на 11-е с 36-го места в 2015, а Свердловская область не входит даже в двадцатку привлекательных регионов [12].

Основываясь на полученных выше значениях, можно сделать вывод о том, что инновационная политика Свердловской области не в полной мере реализует свои возможности. Однако, учитывая высокий потенциал региона, его расположение, при достаточной поддержке и стимулировании развития инновационных площадок область может повысить свои показатели результативности развития.

Подводя итог всему вышесказанному, возможно заключить, что индустриальные парки эффективны как мера поддержки среднего предпринимательства и могут быть рассмотрены как новый инструмент для повышения уровня промышленного и экономического развития регионов.

Библиографический список

1. Porter V.T. Clusters and the new economics of competition/Harvard Business Review, 1996, 74 (6). PP. 77–90.
2. Bergman E.M., Feser E.J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / E.M. Bergman, E.J. Feser. — WVU.; Regionl Research Institute., 1999. 64 p.
3. Тургель И.Д., Божко Л.Л., Прачева Е.В. Зоны с особыми условиями хозяйственной деятельности как инструмент региональной и кластерной политики (Опыт России и Казахстана)// Труды вольного экономического общества России, т. 215, Москва, 2019, с. 385–400.
4. Ассоциация индустриальных парков России [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://www.indparks.ru/>.
5. Mavrina, I.N., & Mingaleva, A.D. Entrepreneurship Education as a Factor of Regional Economic Development. В RM. Mirjana, N. Zorana, & ZL. Chou (Ред. // Insights and potential sources of new entrepreneurial growth. Filodiritto Publisher 2017. PP. 370–382.

6. Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://www.consultant.ru>.
7. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://www.consultant.ru>.
8. Указ Губернатора Свердловской области от 28.03.2012 № 180-УГ (ред. от 09.06.2014) «О Совете по инвестициям в Свердловской области» (вместе с «Положением о Совете по инвестициям в Свердловской области») [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://www.consultant.ru>.
9. Иванова О.Е. Критический анализ зарубежного опыта создания технопарковых структур // Вестник НГИЭИ, 2018, № 2(81), с. 97–109.
10. Витрина статистических данных [Электронный ресурс] Режим доступа — <https://showdata.gks.ru/finder/>.
11. Криворотов В.В., Калина А.В., Тиханов Е.А., Ерыпалов С.Е. Индустриальные парки как эффективный механизм роста конкурентоспособности региональных производственных комплексов // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. Екатеринбург, 2014. № 2. С. 61–74.
12. Инвестиционный портал Липецкой области [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://investinlipetsk.ru>.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа — <https://www.gks.ru/>.
14. Витрина статистических данных [Электронный ресурс] Режим доступа — <https://showdata.gks.ru/finder/>.

15. Национальное рейтинговое агентство [Электронный ресурс] Режим доступа — <http://www.ra-national.ru/ru/taxonomy/term/3097?type=rating>.

References

1. Porter VT Clusters and the new economics of competition/Harvard Business Review, 1996, 74(6). PP. 77–90.
2. Bergman EM, Feser EJ Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / EM Bergman, EJ Feser. — WVU.; Regional Research Institute, 1999. 64 p.
3. Turgel I.D., Bozhko L.L., Pracheva E.V. Zones with special conditions of economic activity as an instrument of regional and cluster policy (Experience of Russia and Kazakhstan)// Proceedings of the Free Economic Society of Russia, volume 215, Moscow, 2019, p. 385–400.
4. Association of Industrial Parks of Russia. [Electronic resource] Access mode — <http://www.indparks.ru/>.
5. Mavrina, IN, & Mingaleva, AD Entrepreneurship Education as a Factor of Regional Economic Development. In R.M. Mirjana, N. Zorana, & ZL. Chou (Ed. // Insights and potential sources of new entrepreneurial growth. Filodiritto Publisher 2017.PP. 370–382.
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.04.2016 № 265 “On the marginal values of income received from entrepreneurial activities for each category of small and medium-sized businesses” [Electronic resource] Access mode — <http://www.consultant.ru>.
7. Federal Law of July 24, 2007 № 209-FZ (as amended on November 28, 2018) “On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation” [Electronic resource] Access mode — <http://www.consultant.ru>.
8. Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region dated March 28, 2012 № 180-UG (as amended on June 9, 2014) “On the Investment Council in the Sverdlovsk Region” (together with the “Regulations on the

Investment Council in the Sverdlovsk Region”). [Electronic resource] Access mode — <http://www.consultant.ru>.

9. Ivanova O.E. Critical analysis of foreign experience in creating technopark structures // Vestnik NGIEI 2018 № 2(81), pp. 97–109.
10. Showcase of statistical data [Electronic resource] Access mode — <https://showdata.gks.ru/finder/>.
11. Krivorotov V.V., Kalina A.V., Tikhonov E.A., Erypalov S.E. Industrial parks as an effective mechanism for increasing the competitiveness of regional production complexes // Vestnik UrFU . Series economics and management. Yekaterinburg, 2014. № 2. pp. 61–74.
12. Investment portal of the Lipetsk region [Electronic resource] Access mode - <http://investinlipetsk.ru>.
13. Federal State Statistics Service [Electronic resource] Access mode — <https://www.gks.ru/>.
14. Showcase of statistical data [Electronic resource] Access mode — <https://showdata.gks.ru/finder/>.
15. National Rating Agency [Electronic resource] Access mode — <http://www.ra-national.ru/ru/taxonomy/term/3097?type=rating>.

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, Мира ул., 19.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002.

Кожевникова Маргарита Карповна / Margarita K. Kozhevnikova
kmk64@yandex.ru

Кожевников Константин Игоревич / Konstantin I. Kozhevnikov
urccsdir@gmail.com

ИНТЕРВЬЮ ЭКСПЕРТОВ В СМИ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ. ПАНДЕМИЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ЭКОНОМИКУ ОБРАТИТЬСЯ ЛИЦОМ К ЧЕЛОВЕКУ

БОДРУНОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Источник: Российская газета — Федеральный выпуск № 254 (8605) от 10 ноября 2021 г.

Текст: Евгения Мамонова

Пандемия ускорила экономические процессы, которые назревали давно. Правительства многих стран, в том числе России, делают своего рода «социальный поворот», модернизируя социальную сферу, инвестируя в нее, принимая социальные инициативы. В интервью «Российской газете» накануне Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику — Дню экономиста (11 ноября), президент Вольного экономического общества России, президент Международного

Союза экономистов Сергей Бодрунов рассказал о том, как пандемия меняет экономику.

В этом году Всероссийское экономическое собрание вновь проходит под знаком пандемии. Какую главную проблему выявила пандемия? Можно ли говорить о системном кризисе мировой системы?

Сергей Бодрунов: Если применить к анализу происходящего междисциплинарные методы, к которым обращается современная наука, то без труда обнаружим, что находимся в точке пересечения трех кризисных векторов, безусловно, взаимосвязанных и взаимозависимых — экономического, экоклиматического и духовного. Нынешний экономический кризис при всей его глобальности, подчеркну, — это лишь отдельное проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы, всех составляющих трихотомии — социум — экономика — планета. Не могу не согласиться с оценкой, которую дал недавно наш президент: «...кризис, с которым мы имеем дело, — концептуальный, даже цивилизационный. По сути — это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле». Точнее не скажешь.

Сейчас все части этой трехсторонней структуры подчинены целям извлечения прибыли. Исходя из этого формируются и становятся главенствующими отношения и институты, которые даже при ускоренных темпах роста экономики, успехах технологического развития не приводят к повышению жизненного уровня людей и не решают проблем, связанных с социальной, страновой, региональной разрозненностью и потребительским отношением к планете.

Господствующая неолиберальная модель капитализма с максимальной финансиализацией экономики и фетиши-

зацией рынка влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов роста. Все больше обостряется глобальное противоречие, которое состоит в колоссальном отрыве прогресса технологий от архаичных экономических моделей, когда достижения технологического прогресса не служат разрешению проблем, а, напротив, усугубляют их.

Еще не так давно казалось, что вирус отступил, мы научились работать в новых условиях, а сегодня мы вошли в очередную волну пандемии, вводятся новые локдауны... Как эксперты реагируют на эти вызовы?

Сергей Бодрунов: За минувшие два года мы, ученые, экономисты, превратились в кризисных менеджеров, поскольку экономическая мысль последних двух лет направлена на выработку решений, которыми в практической работе обычно занимаются именно эти специалисты. Перед лицом невиданных ранее потрясений правительства большинства стран мира стали обращаться за оперативной помощью к науке, не в последнюю очередь, к науке экономической.

Этот запрос неслучаен. Пандемия коронавируса поставила под вопрос прогресс полутора-двух десятилетий, практически все наработки существующих экономических моделей оказались малоэффективными, в первую очередь в социальной сфере.

Эксперты ВЭО России и Международного Союза экономистов давно говорят о том, что основная болевая точка российской экономики в течение ряда лет — это социальный блок, в частности стагнирующие доходы населения. В связи с пандемией мы активизировали исследовательскую, аналитическую работу. России жизненно необходим переход к «человекоориентированной» социальной модели развития, а не простое приращение численных показателей

в экономике, — это наше консолидированное мнение. Замечу, что именно об этом говорилось в документе «Новые пути России (к вопросу о Стратегии России)», разработанном нашими экспертами и направленном в правительство России в марте этого года. Об этом мы говорили и на Московском академическом экономическом форуме, организованном ВЭО России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов, в мае этого года.

Вдохновляет, что к мнению экспертного сообщества стали больше прислушиваться. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что вопрос доходов населения — ключевой, и мы видим попытки подступить к его решению.

Многие аналитики полагают, что после отскока от дна пандемического кризиса и мир, и Россия в том числе снизят темпы развития в последующие годы. Какова вероятность, что мы вернемся к тому, от чего отошли, — к низким темпам роста.

Сергей Бодрунов: Наши эксперты действительно высказывали опасения в связи с тем, что в следующем году экономическая политика будет связана с нормализацией расходов бюджета, с возвратом к использованию бюджетного правила в полном объеме. Так, коллеги из ИНП РАН не видят возможности роста российского ВВП в 2022 году выше, чем на 2,5–2,6%. Очевидно, что такие темпы не решают задач, которые стоят сегодня перед страной. В ужесточении денежно-кредитной политики, которое мы наблюдаем, безусловно, есть логика, связанная с бюджетной и финансовой стабилизацией, тем не менее не исключено, что пандемия может ее сломать. В связи с новой волной эпидемии в правительстве сейчас оперативно разрабатываются новые меры поддержки предприятий, пострадавших из-за коронавируса,

и в целом все экономические процессы пока проходят под «колпаком» пандемии.

Получается, антикризисные меры в какой-то мере способствуют выходу России на траекторию роста, поддерживают этот рост. Что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Сергей Бодрунов: Я бы не сказал «поддерживают рост». Скорее коронавирус запустил развитие в том направлении, которое было очевидным для нас, в направлении социализации. Одной из ключевых, если не главной, составляющих текущего кризиса стало резкое усиление социального неравноправия, отсутствия инклюзивности, если хотите, как внутри стран, так и между группами государств. Недаром среди самых актуальных проблем россияне на первом месте называют восстановление социальной справедливости. Экономическая политика, сконцентрированная на устранении вопиющих разрывов в уровне жизни, — вот что должно стать целью солидарных усилий общества.

Пандемия как угроза, перед которой люди могут объединиться...

Сергей Бодрунов: В некоторых областях так и произошло. Например, в фундаментальной науке. Если бы все исследователи мира не объединились в своей работе, когда все секвенции, формулы, результаты исследований выкладывались в свободный доступ, — неизвестно, где мы все были сейчас. Подобная солидарность наблюдалась и в других областях. Клиенты поддерживали свои любимые места, закрытые из-за локдауна, государство поддерживало бизнес, ответственный бизнес — своих сотрудников. То, насколько предприятие было социальным во время пандемии, стало во многих странах ключевой характеристикой для его оцен-

ки во время кризиса. Это как раз первые признаки широко-го общественного договора, которого сейчас хотят достичь и Китай, объявивший о построении «общества великого единения», и США, запускающие триллионные социальные программы, к чему должна стремиться и Россия.

Человекоориентированная экономика — это именно то, что отвечает интересам развития общества на современном этапе, этот принцип должен лечь в основу нового общественного договора у нас, в России. Жизнеспособность такого договора представляется очевидной: ведь проблемы в развитии из-за низких доходов в первую очередь бьют по бизнесу и ослабляют основы государственности. Высокие доходы формируют спрос, делают людей более предприимчивыми, менее ориентированными на патерналистскую роль государства.

Многое из того, о чем вы говорите, нашло отражение в 42 инициативах, которые сформулировало правительство по поручению президента, и в других госпрограммах.

Сергей Бодрунов: Да, и нелишне будет еще раз подчеркнуть, что в качестве основной задачи, которую мы предлагаем решить, определена социализация экономики, создание социальной модели развития. Вовлеченный человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы, трансформируя социальные, политические и экономические институты, делая их все более ориентированным на развитие.

На наш взгляд, у России есть все шансы закрепить положительные тренды, которые просматриваются сегодня, перейти от восстановления к устойчивому росту, сформировать привлекательную модель жизни, при которой страна

могла бы двигаться к реализации целей устойчивого развития и в перспективе перейти к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

В этом году Всероссийское экономическое собрание, которое по традиции проходит в День экономиста, учрежденный в дату основания Вольного экономического общества России, посвящено 30-летию Международного Союза экономистов. Эта организация практически ровесница новой России...

Сергей Бодрунов: Совершенно справедливо. Союз был основан в 1991 году по инициативе Всесоюзного экономического общества, которое было генетическим потомком Императорского вольного экономического общества и предшественником современного ВЭО России. Тогда экономисты, в основном из стран соцлагеря, провели учредительный съезд в Болгарии. Научному сообществу тогда было очевидно, что, несмотря на кардинальное изменение экономической парадигмы, необходимо сохранять экспертное общение на профессиональной основе, свободной от идеологии. Это в том числе способствовало сохранению экономических связей бывших союзников, насколько это было возможно.

В те годы международное сообщество было заинтересовано в активном вовлечении постсоциалистических государств в новую для них систему институтов. ООН и другие авторитетные международные структуры поддерживали создание общественных объединений с участием стран с меняющейся экономикой, и МСЭ был как раз той авторитетной организацией, которая отвечала этим интересам. Так, с 1999 года Международный Союз экономистов получил ге-

неральный консультативный статус Экономического и социального совета ООН. Не без гордости отмечу, что в 2021 году ЭКОСОС подтвердил генеральный консультативный статус организации. Сегодня всего 142 международных неправительственные организации в мире удостоены этой чести. И это не только хорошая «строчка в резюме» организации, это предполагает реальную работу. В частности, в Международном Союзе экономистов структуры ООН проводят презентацию основных ежегодных докладов ООН: «Доклада о торговле и развитии» ЮНКТАД и доклада «Мировое экономическое положение и перспективы» Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Ведущие российские эксперты включаются в обсуждение этих документов, дают ценные отзывы.

НЕ ВСЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ СБЫВАЮТСЯ

ДЫНКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Александр Дынкин, президент ИМЭМО РАН

08.12.2021

Источник: Агентство экономической информации «ПРАЙМ» <https://1prime.ru/Interview/20211208/835440963.html>

Беседовала Екатерина Аكوпова.

Перед Новым годом на Западе стало хорошей традицией давать политико-экономические прогнозы. Недавно это сделал датский *Saxo Bank*: планете предрекают революции, взлет продолжительности жизни, падение курса доллара и даже отказ от ископаемых энергоносителей. И это далеко не полный перечень. Насколько точны расчеты датских финансистов и аналитиков, «Прайм» поинтересовался у президента Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений

имени Е. М. Примакова (ИМЭМО) РАН, академика Александра Дынкина.

— Александр Александрович, почему нынешние прогнозы Saxo Bank так радикальны?

— Сегодня очевидно, что мир вступил в стадию постнормальности. Она характеризуется высокой степенью неопределенности, быстрой сменой трендов и сложностью прогнозирования. Но, думается, причина радикализма прогноза Saxo Bank не в этом, а в философии, что исповедуют его аналитики и менеджеры. Называется она «объективизм». По сути, это развитие идей строительства либертарианского общества, предложенных американской писательницей русского происхождения Айн Рэнд («Атлант расправил плечи»). Речь идет о минимализации регулирующей роли государства в том или ином виде, о свободе рынка. Saxo Bank прогнозирует будущее исходя из этой философии. Кстати, этот банк не совсем обычный — он не занимается классическими банковскими услугами, а делает деньги на торговле финансовыми инструментами — фьючерсами, опционами, деривативами.

— Исходя из сказанного, тренд на революцию для исповедующих «объективизм» — логичен и ограничен?

— Именно так. Думаю, такой прогноз — отражение понимания сотрудниками Saxo Bank волатильности современного мира. Я убежден, что никакой революции не будет. Не будет даже революционных перемен общества. По крайней мере, в ближайший год. С одним только можно согласиться: за минувший год мир «полевел» — в целом ряде стран (США, Германия) к власти пришли демократы. Но следующим шагом, уверяю вас, не будет ниспровержение существующих институтов. Это то, что касается мира экономически развитых

стран. В государствах «третьего мира» ситуация иная, особенно на «черном континенте». В Африке обстановка в ряде государств балансирует на грани революции или путча. Во многом это объясняется климатическими изменениями: там идет масштабное опустынивание земель, наблюдается резкая нехватка питьевой воды и т.д. Но бедствия Африки вряд ли имелись ввиду в прогнозе Saxo Bank.

— **Датчане говорят не о госпереворотах, а о «моментах озарения», когда общество осознает необходимость кардинальных перемен и само их совершит...**

— Все кардинальные скачки в развитии общества на Западе сегодня невозможны неконституционным путем. Все в рамках закона. Единственный путь — через выборы, а стало быть, любые перемены появятся не быстро. В Германии сейчас к власти пришли социал-демократы, но до «полевения» всего немецкого общества еще далеко. 46-й президент США Джо Байден считается левоцентристом, но «левачество» в Штатах сегодня не в тренде, и, стало быть, правы те, кто предрекает победу республиканцев на так называемых «промежуточных выборах» в Конгресс в ноябре будущего года.

— **Возможна ли в современном мире свобода от диктата государства? В области финансов — тенденция прямо противоположна той, что предрекает Saxo Bank...**

— Мечтать не вредно. О криптовалютах и свободном рынке в том числе. Может, Saxo Bank лучше других готов к переходу на крипту, и этим объясняется такое пристальное внимание к теме NFT и Ко. Я понимаю: это идеал Saxo Bank — чтобы никаких налогов и государство нелезло в бизнес.

— **В будущем году возможно, чтобы пара-тройка государств признали криптовалюту и стали ее использовать?**

— Одна страна такое уже сделала — Сальвадор. А одним из лидеров по майнингу криптовалюты сегодня является Абхазия — она получает дешевое электричество из России. Майнить в Абхазии уже выгоднее, чем растить мандарины. Но если серьезно, то центробанки всех развитых стран всерьез занимаются этой темой и Россия — не исключение. И все ратуют за прямо противоположное прогнозу датского банка — введение жесткого регулирования крипты со стороны государства.

— Российский цифровой рубль криптовалютой не назовешь...

— А он таковой и не является. Цифровой рубль — это дальнейшее совершенствование безналичных расчетов. Мы и сегодня ушли довольно далеко в этом направлении: наличные в мегаполисах есть далеко не у всех и не всегда. А в США, где аналогичный процесс стартовал еще в 1960-х, и того дальше. Недавно я слышал от моего американского знакомого байку про наличную купюру в тысячу долларов. Человек свято верил в то, что говорил. А все потому, что он давно не видел доллар вживую и уже забыл, что банкнота в сто долларов — максимально возможная по номиналу. Но вернемся к прогнозам. На мой взгляд, в будущем году два мира — виртуальных и национальных валют — еще не пересекутся, но крипто добавит устойчивости национальным средствам расчета. Возникнет некий синтез и баланс.

— Согласно прогнозу, участники новой холодной войны и космической гонки — это США и Китай...

— Эксперты Saxo Bank явно обратили внимание на испытание китайской сверхзвуковой ракеты. Тут следовало бы ставить вопрос шире: у мира на данный момент имеются три риска — пандемия, климат и военные конфликты.

То, что Saxo Bank обратил внимание на вероятность последних, доказывает профессионализм их аналитической службы. Хотя европейцы только в последнее время стали задумываться о военной угрозе. Теперь о распределении мест в этом своеобразном рейтинге. Россия начала заниматься сверхзвуковыми технологиями намного раньше Китая — еще в 2002 году, когда США вышли из Договора по ПРО. Тогда Россия сосредоточила силы на создании систем, способных помешать и сделать неэффективными системы ПРО, атакующие классические баллистические ракеты. Ведь сверхзвуковые и планирующие боеголовки для таких систем остаются невидимыми. Забавно, но первыми про стратегию для обхода систем ПРО заговорили в самом Вашингтоне. И даже назвали свою разработку — Prompt Global Strake. Ее смысл заключался в том, чтобы иметь возможность в течение часа нанести удар по любой точке мира. Но эту систему так и не поставили на вооружение.

— Не кажется ли вам, что датчане немного опоздали с прогнозом относительно второй «холодной войны» — последняя идет уже несколько лет?

— История развивается по спирали, повторений один в один нет. Первая «холодная война» была плоской: военное соперничество, непримиримость марксизма-ленинизма и либерально-демократических или либерально-консервативной идеологий. Сегодня нет идеологической борьбы. Ее заменил PR, пропаганда. Нынешнее охлаждение отношений следует рассматривать в 3D-проекции: много игроков, они по-разному соотносятся друг с другом и расположены в «игровом поле». Все запутано и противоречиво. Китай остается торговым партнером «номер один» для США, а для России торговля с США на пятом месте. В 1970–1980-е

ни о чем таком и помыслить не могли! Торговый баланс СССР — США измерялся десятками миллионов долларов, а России — США — десятками миллиардов. И помимо гонки вооружений активно идет гонка технологий: тут и история противостояния США и китайской корпорации Huawei, и скандалы вокруг разворачивания технологии 5G, и проблемы с признанием ВОЗ российского «Спутника-V», признанного в 70 странах с населением, превышающим половину жителей земного шара. Чего в последнем случае больше — политики или бизнеса, не ясно. Но точно знаю, что консорциумы американской фармы так влиятельны, что для защиты своих рынков сбыта могут сделать что угодно.

— **Saxo Bank пророчит замедление перехода к эре углеродной нейтральности. Шаг назад?**

— В какой-то степени — да. Saxo Bank родом из Дании. По соседству в Швеции живет Грета Тунберг. Скандинавские страны — эпицентр «зеленобесия», как я называю такую неудержимую борьбу за экологию, не соотносящуюся с элементарными расчетами и здравым смыслом. Конечно, специалисты Saxo Bank верят в то, что в скором будущем газ и нефть перестанут быть главным энергетическим топливом планеты. Но признание того факта, что это случится не в следующем году, — уже хорошо.

— **В чем причина перемены?**

— Мир этой осенью и прежде всего Европа пережили первый энергетический кризис времен «зеленой сделки», когда цены на электроэнергию подскочили в разы. И это — прямое следствие активного лоббирования «зеленой повестки», отказа от атомных станций, сокращения закупок газа, ставки на ветряки и солнечные батареи. Достаточно оказалось одного климатически неблагоприятного года и даже сезона,

чтобы стало очевидно: полностью переходить на возобновляемые источники энергии еще пока рано. Любой энергетический переход, которых в истории человечества уже было три, реализуем, только когда для него созрели объективные предпосылки. Желания парламентариев и президентов, мода, Грета Тунберг — все это субъективно. Объективно одно — новый вид топлива должен оказаться эффективнее существующего. Так было, когда мир ушел от дров к углю, потом от угля к нефти, дальше — от нефти к газу. А что сейчас? Эффективность солнечных батарей и ветряков ниже, чем у газа, плюс они сильно зависят от погоды. И что еще важно: во всех предыдущих энергопереходах полного отказа от «старого» энергоисточника не происходило, он оставался в энергобалансе. Деревом, между прочим, в Швеции топят до сих пор — прессуют опилки в таблетки. Так что драйвером нынешнего энергоперехода является политика и давление общественности. Это идеология, а не экономика. Думаю, во многом она вызвана попыткой консолидировать общество на Западе: там проблемами экологии обеспокоены и элиты, и средний класс, и даже малоимущие. Это — новая платформа для поиска нового общественного согласия и, возможно, создания нового общественного договора. Мы относительно недавно встречались с бывшим спикером Европарламента Мартином Шульцем, так он сказал, что «зеленая сделка» — это попытка Запада возратить долги будущим поколениям. Но если переходить в эту плоскость, то вывод один: заплатить за это должно нынешнее поколение резким ростом счетов за электроэнергию. Но как далеко при этом можно зайти? Думаю, что после нынешнего энергокризиса «зеленая истерия» будет приторможена. Хотя если посмотреть на соглашения немецкой коалиции — так называемый

«светофор» («зеленые», «желтые» (свободные демократы) и «красные» (СДПГ)), то изрядная доля из 177 страниц текста была посвящена вопросам возобновляемых источников энергии.

— **Интерес к соцсетям и прогноз Saxo Bank об исходе молодежи из Facebook — это следствие «тайных знаний» или выдача желаемого за действительное?**

— Репутация у Facebook и правда подмочена: соцсеть действительно торговала «большими данными», собранными без ведома пользователей и их согласия на платформе. Китай, недавно проведший первые в мире биржевые торги «большими данными», — другое дело: там их собирали открыто, и люди, если не знали, догадывались, как потом эти данные могут быть использованы. Их предупреждали. Но уверен, что уход пользователей из таких систем, как Facebook, ничего самим пользователям не даст: платформы потихоньку подменяют собой телевизор, а значит, являются инструментом пропаганды. Так что власти не ослабят контроль за любыми платформами, даже если на смену FB придет что-то новое.

— **Предсказание о прорыве в медицине впечатляет...**

— Мне попадались данные, что младенцы, родившиеся в Швеции в 2018 году, имеют ожидаемую продолжительность жизни в 110 лет. Без всяких обещанных Saxo Bank побед медицины. В Японии уже сегодня средняя продолжительность жизни приблизилась к отметке в 90 лет. Какие-то прорывы, конечно, возможны, но вряд ли они будут массовыми, на мой взгляд. А вот в чем я согласен с датчанами, так это в том, что, если продолжительность жизни увеличится, это повлечет за собой массу проблем — пенсионного обеспечения, медобслуживания, корректировки рынка труда

и т.д. Что будет в России, не ясно: тут сошлись две тенденции — рост продолжительности жизни при чудовищной убыли населения. В 2020 году — это около 700 тысяч человек, а в 2021 — уже около миллиона. По оценкам специалистов, страна не несла таких потерь в мирное время никогда.

— **Интерес Saxo Bank к политической системе США понятен, но насколько оправдано такое беспокойство?**

— Оно имеет под собой основу, если вспомнить события со штурмом Конгресса, да и Трамп до сих пор не признал результаты выборов. В США за последние пару лет произошла «культурная революция», имеющая расовый и гендерный окрас. Сегодня уже нельзя обращаться к толпе «дамы и господа», потому что есть риск обидеть представителей еще пяти-шести полов. А между тем американская система выборов осталась архаичной: три столетия назад она была рассчитана на аграрную страну с 3 млн граждан, обладавших правом голоса, из которых большинство было неграмотными, отсюда и институт выборщиков. Забавно, но многие американцы, признавшие наличие нескольких полов, не хотят отказываться от системы выборщиков. Так или иначе, а проводимые журналом The Economist ежегодные исследования демократии показали, что в этом году США откатились в мировом рейтинге на второй десяток.

— **Падение доллара кажется наиболее серьезным предположением Saxo Bank. Насколько такой прогноз точен?**

— Saxo Bank предрекает доллару потерю 10% стоимости. На мой взгляд, 10% — это слишком много, такого не будет. Но контрциклические методы, предпринятые ФРС, потребовали гигантских затрат. Мне попадалась цифра в 10 трлн долларов — таков вброс необеспеченных денежных ресур-

сов, вызывающий инфляцию. ФРС США обещал в этом году инфляцию в районе 5% — для американской экономики это очень высокий таргет, но они и в него не вложились! Так что общемировой долг вырос до страшной цифры — 296 трлн долларов, что превышает мировой ВВП в 3,5 раза. Это абсолютный максимум за всю историю наблюдений. Я думаю, что Saxo Bank в своих оценках опирался в том числе и на эти данные.

— **Значит ли это, что курс доллара упадет на 10%?**

— Уверен, что нет. 10% не будет. Думаю, не более 4–5%. Что касается рубля, то многое будет зависеть от политики ФРС США. Сегодня много говорят о том, что ФРС намерена перейти от сверхлиберальной политики к ужесточению, и в Европе это уже происходит по полной программе. Если это продолжится, курс доллара даже вырастет.

У ЭКОНОМИКИ НЕТ ОБЩЕГО ПОНИМАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Член-корреспондент РАН Руслан Гринберг — о новой теории участия государства в экономике современного общества
11.12.2021

Источник: ИД «Коммерсантъ» — <https://www.kommersant.ru/doc/5127400>

Интервью подготовил Владимир Александров, группа «Прямая речь»

Научный руководитель Института экономики РАН считает главным недостатком экономической науки ее приверженность рыночному фундаментализму, уверен, что мир стоит на пороге большой смуты или даже вползает в нее, и предлагает решение в виде концепции экономической социодинамики.

— Экономика — совокупность знаний о ведении хозяйства. Что же случилось с хозяйством в пандемию и что по этому поводу говорят законы экономики?

— Экономика и экономическая теория сегодня в ожидании обновления, можно даже сказать, в кризисе. И дело не в пандемии. Еще совсем недавно, лет 15 назад, до кризиса 2008–2009 годов, экономическая наука во всем мире считалась весьма уважаемой, авторитетной, она еще не воспринималась как точная наука, но была близка к тому, обладала неоспоримым лидерством, если не превосходством, в том смысле, что проникала в другие гуманитарные дисциплины — социологию, психологию, даже в историю и философию. Заговорили даже о таком феномене, как «экономический империализм». Но после рецессии 2008–2009 годов царит разброд и шатание!

И тому есть три причины.

Первая, на мой взгляд, — это гипертрофированная математизация экономических исследований. Влияние математики сверхмощное, и в этом много достойного, но этот метод не способен охватить, описать качественные процессы в экономике. Математический изъян — в том, что математика делает экономику виртуальной наукой, отрывает ее от эмпирической почвы, то есть экспансия математики сплошь и рядом сопровождается выхолащиванием экономического содержания.

Вторая причина, второй крупный недостаток современной теоретической экономики — ее очевидная фрагментарность. Современный экономист занимается отдельной частью науки, живет в расколоте, как выразился один мой коллега, «балканизированной» реальности, в которой каждый фрагмент существует отдельно от другого. Современный

же растерянный мир нуждается, как я думаю, в целостной картине экономического универсума, то есть всеохватывающей теории, чтобы уяснить, что с ним происходит и куда он идет, а в реальной действительности главенствует принцип сосуществования партикулярных концепций. Поэтому и нет общего понимания реальности, и без того все более противоречивой.

Третья же причина, самый существенный недостаток современной теоретической экономики — ее идеологическая направленность, а именно преданность так называемому рыночному фундаментализму, суть которого сводится к безусловной благотворности «свободного» рынка и минимизации участия государства в экономических процессах.

— **А в чем, собственно, проблема?**

— Оказалось, что демонизация государства не просто контрпродуктивна, но и опасна. В сущности, она привела к тому, что надежда на благотворное влияние социального дарвинизма оказалась иллюзией.

А самая жуткая вещь заключается в том, что мир вернулся к неравенству, которое было 100 лет назад, и у нас, в России, породило Октябрьскую революцию, а в Европе и Америке — Великую депрессию 1929–1933 годов.

После чего, как известно, начался расцвет тоталитарных режимов, послуживших питательной почвой для самой разрушительной в истории человечества Второй мировой войны.

Сегодня мы вновь оказались на пороге большой смуты. Она даже уже началась, и всему миру ясно, что с нею что-то надо делать. Но помимо всех этих вопросов: каковы издержки разрастания государственной активности, готово ли общество мириться с ними, даже если признает необходи-

мость вмешательства государства в механизмы саморегулирования, — встает одна гигантская проблема. Мы видим, что пандемия, напряженность геополитики, нарастающая климатическая угроза — все они носят реальный характер. И любим ли мы государство или нет, только оно может отвечать на глобальные вызовы.

О климате. Установка на обогащение ведет только к дальнейшему потеплению климата. Чтобы удовлетворять свои эгоистические потребности, прежде всего используя ископаемое сырье и топливо, бизнес только ухудшает ситуацию. Вмешательство государства может изменить ситуацию, но его вмешательство может быть хорошим или плохим, и это принципиально. Общество все больше нуждается в государственной активности, а она сплошь и рядом не помогает ему, а, наоборот, вредит!

То есть лекарство может быть хуже болезни.

— **У вас есть рецепты решения проблемы?**

— Несмотря на природную скромность, хочу немного похвалиться. Институт экономики РАН разрабатывает новую теорию участия государства в экономике современного общества, в котором радикальные изменения в технологии и бурный научно-технический прогресс впервые создают шанс для комфортной жизни всего человечества. Но увеличиваются угрозы ему, растут риски, что оно погибнет!

Еще хочу подчеркнуть, что в наше время, когда мир стремительно усложняется, особенно бессмысленны призывы к «минимальному государству».

Скорее наоборот: все мы стали ныне свидетелями превращения государства из субъекта рыночного пространства фактически в его организатора (плеймейкера), что выдвигает особые требования к разрабатываемой теории.

В частности, представляется необходимым дополнить количественный анализ связей и соотношений в современной экономике качественным, что означает неизбежность применения междисциплинарного подхода к исследованию вопроса (философия, социология, политология и т.д.).

Все это побудило нас по-новому взглянуть на соотношение государственной активности и частного предпринимательства. В свое время я и профессор Александр Рубинштейн разработали, как оказалось, основу предполагаемой теории, а именно концепцию экономической социодинамики (КЭС), стержнем которой является положение о существовании особого интереса общества, несводимого к интересам его отдельных членов. Очевидно, что данный тезис входит в явное противоречие с базовым принципом неоклассической теории — методологическим индивидуализмом. Но суть КЭС в синтезе индивидуализма и холизма без всякой иерархии между ними. То и другое имеет равную ценность.

Отсюда и новая трактовка государственной активности. На место нежелательного для неоклассики «вмешательства» государства в экономику приходит его легитимное систематическое участие в ней, а «бюджетное бремя» рассматривается как целесообразные государственные расходы на реализацию интересов общества в целом.

Речь здесь прежде всего идет о законности регулярного финансирования государством образования, науки, здравоохранения и культуры, а также о его расходах на модернизацию структуры экономического развития (промышленная политика).

В последнее время наблюдаю все больше признаков явного или неявного признания идей КЭС авторитетными российскими и зарубежными учеными. Здесь достаточно упомя-

нуть недавнее Открытое письмо 17 лауреатов Нобелевской премии по экономическим наукам в поддержку программы экономического восстановления в США. Не удивлюсь, если в ближайшем будущем она войдет в мейнстрим экономической мысли и внесет свой вклад в построение модели экономики, отвечающей суровым вызовам нашего времени.

— В чем практический смысл новой теории?

— Понимаете, теория, как бы красиво она ни выглядела, действительно не имеет особого смысла, если она слабо связана с практикой. И в связи с этим я хочу подчеркнуть исключительную практическую актуальность разрабатываемой теории, имея в виду выявление и описание такого феномена, как «патерналистский провал», представляющий собой комбинацию изъянов общественного выбора и нерациональных действий бюрократии, призванной такой выбор осуществлять.

А то, что такие провалы происходят сплошь и рядом, доказывать не надо. Вот есть государственный бюджет, но нет научно обоснованного принципа того, сколько надо тратить на оборону, на спорт, здоровье, культуру. Норму делают люди, которых мы выбрали, и проблема в том, как через них обеспечить приближение к смутно угадываемой нами цели.

Уж совсем грубо: в момент правления президента Бориса Ельцина больше денег тратили на теннис, в случае с президентом Владимиром Путиным — на дзюдо. Это правильно или нет?

Наука не дает ответа на этот вопрос, она лишь говорит: чтобы обеспечить более или менее адекватное решение, его нужно глубоко и всесторонне обсуждать, не должно быть произвола в выборе.

Отсюда вытекает практическая значимость демократии, которая не просто хороша сама по себе, но еще и стимулирует принятие более качественных государственных решений. Для экономики это важно, как и сменяемость власти, и для России — особенно потому, что мы склонны бросаться из одной идеологической крайности в другую.

Страна признала утопизм директивного планирования, а сейчас, по-моему, готова признать утопизм «свободного» рынка. Кажется, ей нужен особый, адекватный подход к диагностике и лечению экономических недугов, к преодолению затянувшейся общей стагнации. Речь идет о середине: не о свободной рыночной экономике, не о возвращении к административно-командной экономике. Я бы сказал так: речь идет о социально-экологической рыночной экономике.

Угроза климатической катастрофы диктует: важна пропорция в сочетании свободы, которую несет рынок, и справедливости, которую несет государственное управление. Но управление, не связанное с автократией, сложившейся у нас.

В общем, я считаю, сегодня главное противоречие эпохи — это противоречие между свободой человека и его безопасностью.

Пандемия дает хорошее основание для закабаления людей, повсеместного установления жесткой вертикали власти. Это безопасность, но такая безопасность парализует свободу, без которой не может быть творческой активности, бизнеса и всего чего хотите.

Это противоречие реальное. И очень опасное, поскольку развивается в условиях почти повсеместного вопиющего материального неравенства. Уместно, пожалуй, напомнить слова президента Джона Кеннеди: «Те, кто считает мирную

революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной». Это точно еще и потому, что наше смутное время характеризуется потерей ценности рационального мышления, кризисом политических элит, я уж не говорю о распространении очагов международного терроризма.

— Где выход из сложившейся ситуации?

— Для этого, несомненно, есть один путь, который в политической науке обозначается как конвергенция — сохранение социализма с человеческим лицом и капитализма с человеческим лицом.

Иначе говоря, капитализм берет от социализма справедливость, а социализм — личный интерес и демократию.

Раньше это имело значение, социализм, который был во многом страшным, но все же социально справедливым, что было не так уж плохо. Даже Запад ориентировался на его достижения, пытался копировать.

Но после того как социализм потерпел идеологическое поражение, почти повсюду возникло обожание рынка, в России это было особенно заметно и трагично. Историческое невезение — в том, что наш отход от социалистической утопии начался в тот момент, когда на Западе был пик любви к свободному рынку и ненависти к государству. И потому в 1990-е годы все рекомендации, которые мы получили, были рекомендациями «зверского капитализма». Говорили: вам будет легче, у вас нет сильных профсоюзов, сильного рабочего класса. А наш «сильный» рабочий класс сам хотел чистого капитализма. Шахтеры стучали касками, требуя частной собственности на шахты.

Многие считают, что конвергенция у нас случилась, но негативная — мы взяли все плохое от капитализма, и теперь остается одно: спасайся кто может, выживает только силь-

ный. Чистый капитализм XIX века, с одной стороны, без профсоюзов, с полным феодальным произволом так называемых собственников, а с другой стороны — деспотический вариант политической системы от государственного социализма. И это нехорошая конвергенция.

Сегодня есть понимание этого, но нет общего понимания того, что делать.

Экономисты могут многое объяснить, но из того, что происходит, не следует, что все-таки надо делать. Диагноз можно поставить правильно, а потом спорить о лечении: трудно сказать, каким оно должно быть. Все надо обсуждать, но на равноправной основе, не так, как говорят лидеры нашего парламента: вы нас выбрали — теперь делайте так, как мы вам будем говорить!

СЕМЬ ВОПРОСОВ АЛЕКСАНДРУ ШИРОВУ, ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАН, О ПРОГНОЗАХ И О РОСТЕ ЭКОНОМИКИ

ШИРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
Член Правления ВЭО России, директор Института
народнохозяйственного прогнозирования
РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
12.02.2021

Источник: сайт Expert.ru — <https://expert.ru/2021/02/12/sem-voprosov-aleksandru-shirovu/>

Интервью подготовил Игорь Серебряный, корреспондент Expert.ru

— На этой неделе агентство Focus Economics опубликовало целую серию докладов, содержащих прогнозы социально-экономического развития России на нынешний

и несколько следующих лет. В глаза сразу бросается, что разные аналитики, в равной степени уважаемые, видят будущее российской экономики очень по-разному. С чем связан такой «плюрализм»? Есть ли вообще толк от таких прогнозов, если каждый может там найти именно тот, который ему больше по душе?

— Воспринимать какие угодно прогнозы как истину в любой инстанции совершенно неправильно! Ни один аналитик, если он не бабка-гадалка, не может предсказать, что с ним самим будет через пять часов, и тем более, каково будет состояние экономики к концу года — в его начале. Потому что в январе еще нет накопленной инерции, чтобы рассчитать показатели к концу декабря. Сейчас можно говорить только о том, что экономический рост на протяжении 2021 года будет, но нельзя предсказать конкретные цифры. Давайте подождем до октября, когда процентов 80 годовых показателей будет уже понятными.

— Используются ли эти прогнозы при определении политики правительством? Многие эксперты жалуются, что к ним вообще перестали прислушиваться в последнее время...

— Правительство и не ждет, что эксперты предскажут ему, что будет через год или два. Правительство выбирает из возможных сценариев: если мы будем действовать таким образом, с теми налогами, доходами, расходами, что у нас есть, получим такой-то результат; если будем действовать другим образом — другой. Это просто разные методы, разные подходы. В конце концов, именно это и называется научно обоснованным прогнозированием, а не заявления «нам кажется, что в этом году цены на нефть будут 60 долларов за баррель». Будут они или не будут — это одному Богу известно.

— Грамотно ли говорить о том, в хорошем или плохом состоянии находится экономика, если в ней одновременно уживаются противоположные тренды? Я вспоминаю притчу про слепых мудрецов, которые пытались определить, как выглядит слон, ощупывая каждую его часть по отдельности. Не попадают ли экономисты в положение этих мудрецов?

— Нет такого понятия — хорошее или плохое состояние экономики. Есть конкретные термины: стагнация, рецессия, рост. Понятно, что при прочих равных условиях одни показатели могут расти, другие одновременно с этим снижаться. Но есть какие-то агрегирующие показатели — например, доходы населения, валовой внутренний продукт, инфляция и т.д. К ним можно по-разному относиться с оценочной точки зрения, но их динамика указывает, куда движется экономика в целом. Например, реальный сектор экономики, если вычленить добычу полезных ископаемых, находился по итогам прошлого года в стабильном плюсе.

— Почему неплохие макроэкономические показатели не конвертируются в качество жизни россиян? Как вообще может быть, что ВВП растет, ЗВР растут, бюджет сбалансирован, а люди беднеют?

— Очень может быть, что ВВП растет, а реальные доходы населения снижаются. Если это так, то это плохо. Если доходы растут вместе с ВВП — это хорошо. Надо понимать, что статистика по ВВП — это как раз тот самый агрегатор, о котором я говорил выше. Доходы населения в нем составляют более 50 процентов, но все равно это только часть общей картины. А в этой остальной части есть такие показатели, как прибыль — а она в банковском секторе в прошлом году, за вычетом дефлятора, выросла почти на восемь процен-

тов. Государственное потребление за тот же период выросло почти на четыре процента за счет финансирования здравоохранения и т.д. В текущем году, вероятно, ослабнет ряд факторов, которые двигали этот рост в 2020 году: спрос будет на более низком уровне как со стороны населения, так и в сегменте B2B, поскольку за минувший год и первые, и вторые «проели» значительную часть финансовых ресурсов. Рост сохранится, но более низкими темпами, чем в 2020-м.

— **Что является приоритетом для правительства — улучшение абстрактных показателей или повышение реальных доходов населения? Какое дело людям до роста ВВП, если это не позволяет им купить новый компьютер, автомобиль, съездить в отпуск?**

— А почему вы противопоставляете эти вещи? За прошлый год доходы предпринимателей в сфере платных услуг населению падали, потому что именно эти секторы оказались самыми пострадавшими от кризиса. Падали доходы и тех, кто работает в теневом секторе. А реальная заработная плата у остальных работников выросла, за вычетом инфляции. Не надо смешивать два понятия — зарплату и доходы. Помимо зарплат, люди получают доходы из других источников — от вкладов, от предпринимательской деятельности, сюда же — пенсии, пособия по безработице. Раньше можно было бы вспомнить еще и доходы от продажи валюты — сейчас, правда, это уже перестало приносить прибыль.

— **Что может быть драйверами роста доходов населения — инвестиции, вертолетные деньги, какие-то налоговые ходы и т.д.?**

— Очевидно, что сама по себе экономика не едет. Правительство ее движение поддерживает и упомянутыми гос-

закупками, и поддержанием уровня зарплат, индексацией пенсий. Поддержку экономике в нынешнем году частично можно ждать за счет отложенного спроса, который накопился за время локдауна, когда население снизило покупательскую активность по неэкономическим причинам. Механизмы поддержания спроса хорошо известны — от социальных выплат до введения продовольственных сертификатов, до расширения госзакупок отечественной продукции. Часть из них уже применяется, часть находится на стадии обсуждения. Также известны и меры по поддержанию мелкого и среднего бизнеса — в виде налоговых послаблений. Ждать инвестиций в этом году можно только в какие-то точечные проекты, которые погоды не сделают. Частный бизнес, у которого из-за кризиса возникли неиспользуемые производственные мощности, будет возвращаться в экономику очень осторожными шагами, и ждать его восстановления до предкризисных уровней придется еще какое-то время.

— Некоторые экономисты видят выход России из стагнации через инвестиции в человеческий капитал. Другие говорят, что надо первым делом инвестировать в промышленное производство. Ваша точка зрения?

— А не надо противопоставлять друг другу эти подходы! Крупные нацпроекты формируют крупный же потребительский спрос. Возьмите, к примеру, модернизацию Восточного полигона — БАМа и Транссиба, — решение о которой было принято еще в 2019 году. Это моментально подняло спрос на продукцию металлургии и технику. Но и инвестиции в человеческий капитал нельзя сбрасывать со счетов. Возьмите в качестве примера дополнительные выплаты медработникам, осуществляющиеся

с прошлого года. Да, эти выплаты были связаны с конкретной ситуацией — и тем не менее они существенно повысили средний уровень оплаты труда, процентов на 20 (при том, что инфляция была немного выше четырех процентов). Другое дело, что учителя, ученые заслужили такую поддержку ничуть не меньше, чем врачи. И — чтобы зарплаты росли не ситуативно, а регулярно.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: info@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (\approx 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12 pt, межстрочный интервал — 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см; боковые поля: левое поле — 3 см, правое поле — 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 11 pt, межстрочный интервал — 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только курсивом или полужирным начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельно-

ми файлами в форматах .jpeg или .tiff с разрешением не меньше 150 dpi.

- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию(и) автора(ов). Размер файла — не менее 2 МБ, формат — .jpeg или .tiff.

3. Структура статьи:

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе(ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).
- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):

- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:

- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):

- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (стандарт транслитерации — BSI), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru>.
- Пристатейный библиографический список нумеруется последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с **ГОСТ Р 2018–7.0.100**). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются

в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.)

- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact Information):

- Для каждого автора на русском и английском языках приводятся в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации(й), которую он (они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию:

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru.

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>.

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПР999**

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПА008**

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ МАЭФ-2022

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

16–17 мая 2022 года

Тема МАЭФ: «РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ
И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА»

В рамках МАЭФ ведут работу ежегодные отраслевые и тематические форумы. Итоговые мероприятия **МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА** традиционно ежегодно проводятся в мае на центральных площадках МАЭФ:

- Пленарное заседание и пленарные сессии – Российская академия наук,
- Пленарные конференции – ведущие вузы и научные центры,
- Региональные и межрегиональные конференции и конгрессы – региональные площадки МАЭФ в субъектах Российской Федерации.

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

Программа и детальная информация о мероприятиях МАЭФ-2022 публикуется:

- на официальном сайте форума – <https://maef.veorus.ru>
- на сайтах Российской академии наук, ВЭО России и Международного Союза экономистов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

Аккаунты в соцсетях:

<https://www.facebook.com/MoscowAcademicForum>
<https://vk.com/moscowacademicforum>

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том № 6 (232), 2021 г.

Учредитель: Общественная организация — Вольное экономическое общество России (125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А).

Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России.

Адрес издателя и редакции: 125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-взо/>

Главный редактор: С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор

Над выпуском работали: А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Оформление и верстка — ООО «Экономикс Медиа»

Корректор — Н. Дума

Подписано в печать 23 Декабря 2021 г.

Формат 14 x 20 см. Бумага офсетная

Выход в свет 15 Марта 2022 г.

Тираж 1000 экз., Заказ № 306611

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»

г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2021

ISBN 978-5-94160-221-6

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-221-6

9 785941 602216

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 6 (232), 2021 г.

Founder: Public organization — Free Economic Society of Russia
(125009, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number — ПИ № 77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125009, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief — S.D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors — A.V. Bobina, M.A. Lazarev

Signed for printing on December 23, 2021
Format 14 x 20 cm. Offset paper

Publication March 15, 2022
Run of 1,000 copies, Order No. 306611
Printed in the printing house
of «Viva-Star» LLC
Moscow, Elektrozavodskaya str., 20.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2021
ISBN 978-5-94160-221-6
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-221-6

9 785941 602216